

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2024 № 3

ISSN 2949-5091 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. — д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения; советник ректората, первый проректор-проректор по образовательной деятельности, Московский государственный лингвистический университет; Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Ермаков Д. Н. — д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин М. Ю. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. — д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Емелина Л. А. — канд. юрид. наук, доцент, РАНХиГС (Президентская академия);

Иванчин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;

Клебанов Л. Р. — д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Крохина Ю. А. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Лаптева Л. Е. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Лукьянова Е. Г. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. — канд. юрид. наук, доцент, Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. — д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. — д-р юрид. наук, доцент, Российский центр научной информации;

Петрянин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. — д-р юрид. наук, проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Цинделиани И. А. — канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. — 2024. — № 3. — 90 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak — Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education; Advisor to the Rector's Office, First Vice-Rector-Vice-Rector for Educational Activities, Moscow State Linguistic University; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Deputy editor-in-chief:

D. N. Ermakov — Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

M. Yu. Voronin — Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov — Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

L. A. Emelina — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Ivanchin — Dr. Sci. (Law), Prof., P. G. Demidov Yaroslavl State University;

L. R. Klebanov — Dr. Sci. (Law), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Yu. A. Krokhhina — Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. E. Lapteva — Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

E. G. Lukyanova — Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obratsov — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education

S. G. Pavlikov — Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova — Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

A. V. Petryanin — Dr. Sci. (Law), Prof., Investigative Committee of Russia;

G. F. Ruchkina — Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina — Dr. Sci. (Law), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

I. A. Tsindeliiani — Cand. Sci. (Law), Prof., Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov — Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. — 2024. — No. 3. — 90 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Макиевская Н. М. Подходы к исследованию понятия «правовое обучение» 6

Уварова Т. А. Особенности формирования правовой грамотности школьников в образовательной среде как ключевой вектор реализации государственной политики по продвижению и защите традиционных российских ценностей..... 12

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Беженцев А. А., Игошин Н. А. Тенденции развития технопарков: инструменты государственной поддержки..... 19

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Емелина Л. А., Яворский С. А. Роль отцов в воспитании детей: правовые ответы на современные вызовы 31

Зверев М. О. Проблемы лицензионных соглашений и онлайн-пиратства в области онлайн компьютерных игр..... 42

Королев Е. В. Аннулирование торгов на основе административного предписания: практика и проблемы..... 50

Фаст О. Ф. Оздоровление сделок с пороками их совершения 62

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Барбачакова Ю. Ю. Современные методы баллистических исследований 70

Шутова А. А. Преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения: понятие, признаки и система 79

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

N. Makievskaya. Approaches to the Study of the Concept of “Legal Training” 6

T. Uvarova. Features of Legal Literacy Formation Among School Children as a Key Vector
of Implementation of State Policy on Promotion and Protection of Traditional Russian Values .. 12

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

A. Bezhentsev, N. Igoshin. Development Trends of Technology Parks:
State Support Instruments 19

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

L. Emelina, S. Yavorsky. The Role of Fathers in the Upbringing of Children:
Legal Responses to Contemporary Challenges 31

M. Zverev. Problems of Licensing Agreements and Online Piracy in the Field
of Online Computer Games. 42

E. Korolev. Cancellation of Tenders Based on Administrative Prescription: Practice
and Problems 50

O. Fast. Improvement of Transactions with the Defects of Their Commission 62

CRIMINAL LAW SCIENCES

Yu. Barbachakova. Modern Methods of Ballistic Research 70

A. Shutova. Crimes against Digital Security of the Health System: Concept, Signs
and System 79

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.11. 5:37

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-6-11

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВОЕ ОБУЧЕНИЕ»

Макиевская Н. М.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать современные подходы к изучению понятия «правовое обучение», способствующие передаче тех социально-правовых норм, которые соответствуют ценностным установкам общества и государства.

Процедура и методы. В статье применяется метод теоретического исследования различных подходов в изучении «правового обучения». Процедура сравнительного анализа таких методов позволяет получить и сформулировать комплексное интегративное понятие «правовое обучение».

Результаты. На основе рассмотрения обозначенных подходов к определению понятия «правовое обучение» уточняется и формулируется содержание данного интегративного понятия, которое позволяет в рамках стратегии модернизации образования дополнить систему мер, направленных на формирование ключевых правовых компетенций обучающихся.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты анализа различных подходов в изучении «правового обучения» будут полезны для создания методических рекомендаций при организации правового обучения, систематизации форм и методов правового воспитания в рамках формирования правовой культуры обучающихся.

Ключевые слова: правовое обучение, междисциплинарный подход, междисциплинарная интеграция, системный анализ, когнитивный, социально-конструктивистский, социокультурный подходы, развитие личности

APPROACHES TO THE STUDY OF THE CONCEPT OF «LEGAL EDUCATION»

N. Makievskaya

*Moscow State Linguistic University
ul. Ostozhenka 38-1, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe modern approaches to the study of the concept of «legal education», contributing to the transfer of those socio-legal norms that correspond to the values of society and the state.

Methodology. The article uses the method of theoretical research of various approaches in the study of «legal education». The procedure of comparative analysis of such methods makes it possible to obtain and formulate a comprehensive integrative concept of «legal education».

Results. Based on the consideration of the indicated approaches to the definition of the concept of «legal education», the content of this integrative concept is clarified and formulated, which allows, within the framework of the educational modernization strategy, to complement the system of measures aimed at the formation of key legal competencies of students.

© CC BY Макиевская Н. М., 2024.

Research implications. The theoretical significance of this article lies in the fact that the results of the analysis of various approaches in the study of «legal education» will be useful for creating methodological recommendations for the organization of legal education, systematization of forms and methods of legal education in the framework of the formation of the legal culture of students.

Keywords: «legal education», interdisciplinary approach, interdisciplinary integration, system analysis, cognitive, socio-constructivist, socio-cultural approaches, personality development

Введение

Российская образовательная политика направлена на создание условий для совершенствования системы образования с учётом изменяющихся социально-экономических и политических вызовов стране. Современное общество сталкивается с множеством вызовов, требующих от граждан не только знания законов, но и умения применять их в различных жизненных ситуациях. «Правовое обучение является целенаправленным процессом формирования у студентов правовых знаний, навыков и умений»¹.

Подходы к изучению понятия «правовое обучение» основаны на сочетании теории и практики различных социально-гуманитарных дисциплин. «Правовое обучение» способствует передаче тех социально-правовых норм, которые соответствуют ценностным установкам общества и государства. В этом контексте обучение праву становится неотъемлемой частью образовательного процесса, способствующей формированию правосознания и правовой культуры обучающихся.

«Правовое обучение» и «правовая культура» – сложные собирательные термины, содержание которых целесообразно рассматривать в рамках системного анализа на основе междисциплинарной интеграции подходов в области педагогических и правовых наук. Они требуют глубокой проработки.

Подходы к определению понятия «правовое обучение»

Применение «междисциплинарного подхода» лежит в плоскости переноса знаний,

умений и навыков из одной сферы науки в другую, поэтому связи определяются как теоретические, логические, философские, семиотические, практические и т. д.» [5].

Как отмечает В. А. Затонский, «междисциплинарность в юридической науке проявляется в 4 формах:

- в юридических разработках понятийного аппарата, методов и концепций смежных научных дисциплин (философия, социология, политология и т. д.);

- в формировании специальных юридических наук, когда предметное пространство складывается из нескольких наук, при этом присутствует юридическая составляющая (криминалистика, право социального обеспечения);

- в формировании интегративных дисциплин (историко-правовые науки, философия права и т. д.);

- в выделении новых междисциплинарных пространств, где сложно определить базовые области знаний (исследование преступности, гендерная проблематика), которые не носят академический характер» [4].

Механизмы правового воздействия совершенствуются благодаря междисциплинарным исследованиям. Междисциплинарные исследования также позволяют выявлять наиболее эффективные формы воздействия в регулировании тех или иных общественных отношений, помогают проводить системный анализ этих параметров.

Очевидно, что к основным проблемам использования междисциплинарного подхода можно отнести: несовпадение категориально-понятийного аппарата различных дисциплин, связанное с неоднозначностью; проведение экспертной оценки, т. к. при проведении междисциплинарного ис-

¹ Столяренко А. М. Педагогическая системология. Теория, методика, исследования, практика: учебно-метод. пос. М.: Юнити, 2016. 192 с.

следования может возникнуть угроза недопонимания и неточности толкования в связи с проведением экспертной оценки дисциплинарными [6].

Анализ взаимосвязи между правом и педагогикой позволяет выявить основные направления, в которых правовые нормы оказывают влияние на правовое обучение и его содержание. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) законодательно закреплены основные принципы, применяемые не только к этому нормативному акту, но и ко всем образовательным отношениям в РФ. Правовое содержание термина «обучение», юридически закреплённое в Законе об образовании, устанавливает, что «обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни»¹. Следовательно, задача современного образования – обеспечить непрерывное личностное развитие обучающегося, его готовность к непрерывному образованию, освоение планируемых Федеральным государственным образовательным стандартом² предметных, метапредметных, личностных результатов, в т. ч. в рамках правового обучения, в соответствии с современной личностно-деятельностной образовательной парадигмой.

Однако в современной педагогической учебной и справочной литературе, как обоснованно утверждают В. В. Московкин и Ю. Ёнтэ, «единый подход к определению термина "обучение" отсутствует». Есть 2 позиции в трактовке содержания термина: под «обучением» понимается либо де-

ятельность учащихся, либо взаимосвязанная деятельность учителя и учащихся, т. е. определение обучения как деятельность учителя здесь отсутствует; и под «обучением» понимается деятельность учащихся и/или совместная деятельность педагога при его доминирующей деятельности [8].

Это логически взаимосвязано с определением понятия «обучение», предложенным В. И. Шкатуллой: «процесс управления познавательной деятельностью учащихся со стороны педагога, ведущий к усвоению обучающимся определенной деятельности»³.

Согласно приведённым определениям термина «обучение», обучающийся является субъектом образовательного процесса и осуществляет деятельность. Таким образом, первоочередной задачей при применении методов обучения праву должно быть методы, которые влияют на развитие и формирование личности обучающегося, что и является сутью обучения.

В структуру понятия «правовое обучение» входит 2 термина – право и обучение. «Право – системная совокупность исходящих от государства социальных норм, имеющих юридическое значение и принудительно обязательный характер в определении правил общественной деятельности и поведения людей и их организаций»⁴. Итак, «право» – это регулятор общественных отношений, являющихся социальной нормой, действия которых распространяются на все сферы общественной жизни.

Т. М. Почтарь даёт такое определение термину «правовое обучение»: «способ внешнего выражения и организации передачи теоретического правового материала объекту воспитания» [10, с. 86]. В некоторых источниках отмечается, что в правовых науках (юриспруденции) существует устойчивое мнение, что обучение – это часть правового воспитания, которое трактуется более широко [1; 2; 9]. Е. А. Певцова трактует «правовое обучение» как «про-

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

² Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» // СПС Консультант Плюс.

³ Шкатулла В. И. Образовательное право: учебник. М.: НОРМА, 2001. 688 с.

⁴ Правоведение: учебник / под общ. ред. В. А. Козбанеко. М.: Дашков и К., 2006. 1072 с.

цесс целенаправленной передачи знаний, умений и формирований устойчивых навыков в области правовой действительности, которые позволяют формировать не только теоретические представления об определённых юридических нормах жизни, законах страны, но и применять эти знания в практической деятельности»¹.

Изучение понятия «правовое обучение» в юридической науке предполагает использование различных подходов, каждый из которых раскрывает соответствующие аспекты образовательного процесса.

Ключевым направлением является системный подход, обобщающий в себе элементы когнитивного, социально-конструктивистского, социокультурного подходов, рассматривая правовое обучение как сложный и многогранный процесс, включающий в себя как индивидуальные, так и коллективные аспекты.

Поскольку в центре внимания находится ученик как субъект образовательного процесса, то ведущим можно выделить когнитивный подход. Когнитивный подход акцентирует внимание на процессах усвоения знаний и внутренних преобразованиях, происходящих в сознании обучаемого. Этот подход позволяет учитывать, как обучающиеся интерпретируют правовые нормы, и как формируются их правовые навыки [7].

Другим важным направлением является социально-конструктивистский подход, который подчёркивает активное участие обучающихся в учебном процессе. Он акцентирует внимание на практическом применении теоретических знаний через моделирование, обсуждение и исследование практико-ориентированных проблемных ситуаций [11].

Социокультурный подход рассматривает влияние социокультурного контекста на правовое обучение, подчёркивая, что восприятие права формируется под воздействием социальных взаимодействий и исторических обстоятельств [3].

Заключение

В контексте интеграции когнитивного, социально-конструктивистского, социокультурного аспектов правового обучения, направленных на развитие субъектности личности, особенно значимо использование интерактивных образовательных практик, которые основаны на интерпретации, обсуждении, что делает правовое обучение более продуктивным и способствует более глубокому пониманию динамики правового обучения.

С точки зрения, когнитивного аспекта, правовое обучение не ограничивается лишь усвоением норм и правил; оно включает в себя формирование критического мышления, анализ проблем и способности к аргументации собственной позиции. Когнитивный подход помогает развивать эти навыки, позволяя обучающимся осмысленно интерпретировать правовые тексты и извлекать из них практические выводы. В этом контексте особенно значимо использование технологий и интерактивных платформ, которые активизируют процесс обучения и делают его более увлекательным.

Конструктивистский подход, акцентируя внимание на практике, обогащает образовательный процесс реальной взаимодействием. Моделирование судебных процессов, деловые игры, работа в групповых проектах даёт обучающимся возможность не только применять теорию, но и развивать межличностные умения, социальное взаимодействие, необходимые в профессиональной деятельности. Кроме того, решение реальных проблемных ситуаций и задач формирует у обучающихся понимание сложности правового анализа и многообразия возможных решений.

Социокультурный подход подчёркивает, что правовое сознание формируется в среде, насыщенной культурными и историческими особенностями. Эти аспекты влияют на восприятие правовых норм в различных ситуациях и служат источником их осознания учениками. В конечном итоге междисциплинарный интегрирован-

¹ Певцова Е. А. Теория и методика обучения праву: учеб. М.: ВЛАДОС, 2003. 400 с.

ный системный подход обеспечивает взаимосвязь этих элементов, создавая многоуровневую структуру правового обучения, которая способствует более стойкому усвоению знаний и обеспечивает обучающихся необходимыми инструментами для успешной практики.

Таким образом, на основе рассмотрения обозначенных подходов к определению понятия «правовое обучение» можно сделать вывод, что содержание данного

интегративного понятия представляет собой целенаправленную передачу правовых знаний, развитие умений и навыков, их использование, передачу опыта социального взаимодействия в правовом поле, а также формирование правовой культуры обучающихся, что является важным составляющим в становлении личности.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаева О. В. Вопросы нормативного регулирования правового воспитания в России // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 309–310.
2. Адаева О. В., Коптева К. В. Правовое воспитание как общегосударственная задача в современном российском обществе // Бюллетень науки и практики. 2017. № 6. С. 265–269.
3. Анохина О. В. Социокультурный подход к правосознанию и праву в современном российском обществе // Сибирское юридическое обозрение. 2009. № 2. С. 6–8.
4. Затонский В. А. Междисциплинарный подход – методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 392–397.
5. Крепс Т. В. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 1. С. 115–120.
6. Лысак И. В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 264.
7. Медушевский А. Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5. С. 30–42.
8. Московкин Л. В., Ёнтэ Ю. Термин «обучение» в современных педагогических словарях и учебниках педагогики // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 1. С. 22–29. DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-22-29
9. Пеструилов А. С. Соотношение правового воспитания с иными смежными явлениями // Общество и право. 2020. № 3. С. 117–121.
10. Почтарь Т. М. Правовое воспитание в педагогических вузах: вопросы методологии и методики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 207 с.
11. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Правоведение. 2015. № 5. С. 48–98.

REFERENCES

1. Adaeva O. V. [Issues of Normative Regulation of Legal Education in Russia]. In: *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2017, no. 3, pp. 309–310.
2. Adaeva O. V., Kopteva K. V. [Legal Education as a National Task in Modern Russian Society]. In: *Byulleten nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2017, no. 6, pp. 265–269.
3. Anokhina O. V. [Sociocultural Approach to Legal Awareness and Law in Modern Russian Society]. In: *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye* [Siberian Legal Review], 2009, no. 2, pp. 6–8.
4. Zatonsky V. A. [Interdisciplinary Approach – a Methodological Basis for Determining the Effectiveness of Law and Law Enforcement]. In: *Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya* [State and Legal Research], 2020, no. 3, pp. 392–397.
5. Kreps T. V. [Interdisciplinary approach in research and teaching: advantages and problems of application]. In: *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2019, no. 1, pp. 115–120.
6. Lysak I. V. [Interdisciplinarity: advantages and problems of application]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2016, no. 5, pp. 264.
7. Medushevsky A. N. [Cognitive theory of law and legal construction of reality]. In: *Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye* [Comparative constitutional review], 2011, no. 5, pp. 30–42.

8. Moskovkin L. V., Yonte Yu. [The term “training” in modern pedagogical dictionaries and textbooks of pedagogy]. In: *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literatura* [Professorial journal. Series: Russian Language and Literature], 2021, no. 1, pp. 22–29. DOI: 10.18572/2687-0339-2021-1-22-29
9. Pestruirov A. S. [Correlation of legal education with other related phenomena]. In: *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2020, no. 3, pp. 117–121.
10. Pochtar T. M. *Pravovoye vospitaniye v pedagogicheskikh vuzakh: voprosy metodologii i metodiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal education in pedagogical universities: issues of methodology and techniques: Cand. Sci. thesis in Law]. Moscow, 2001. 207 p.
11. Razuvaev N. V. [Law: social-constructivist approach]. In: *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2015, no. 5, pp. 48–98.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макиевская Наталья Михайловна – директор Предвуниверситария Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: nmm_dfo@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya M. Makievskaya — Head Master, University College, Moscow State Linguistic University
e-mail: nmm_dfo@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Макиевская Н. М. Подходы к исследованию понятия «правовое обучение» // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 6–11.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-6-11

FOR CITATION

Makievskaya N. M. Approaches to the Study of the Concept of “Legal Training”. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 6–11.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-6-11

УДК 340

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-12-18

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ВЕКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОДВИЖЕНИЮ И ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Уварова Т. А.

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности формирования правовой грамотности школьников в образовательной среде в рамках реализации государственной политики по продвижению и защите традиционных российских ценностей.

Процедура и методы. В работе использован метод анализа нормативных документов стратегического планирования, закрепляющего базовые принципы по поддержанию правопорядка, а также по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Результаты. Определена значимость такого направления образовательной деятельности, как формирование правовой грамотности школьников; выявлены особенности формирования правовой грамотности школьников в образовательной среде в рамках реализации таких национальных задач, как укрепление общности Русского мира, а также формирование общероссийской гражданской идентичности. Отмечена ключевая роль образовательной организации в данном процессе, рассмотрены различные направления по формированию правовой грамотности школьников как одного из векторов реализации государственной политики по продвижению и защите традиционных российских ценностей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены при планировании образовательного процесса в условиях актуальной политической ситуации и задач, поставленных на государственном уровне.

Ключевые слова: правовая грамотность, правовое просвещение, правовое образование, правовое воспитание, продвижение и защита традиционных российских ценностей

FEATURES OF LEGAL LITERACY FORMATION AMONG SCHOOL CHILDREN AS A KEY VECTOR OF IMPLEMENTATION OF STATE POLICY ON PROMOTION AND PROTECTION OF TRADITIONAL RUSSIAN VALUES

T. Uvarova

Moscow State Linguistic University
ul. Ostozhenka 38-1, Moscow 119034, Russian Federation

Abstract

Aim. Confirmation of the importance and identification of the features of the formation of legal literacy of schoolchildren in the educational environment.

Methodology. The work is mainly based on the use of the method of analysis of regulatory documents of strategic planning, which enshrine the basic principles of maintaining law and order, as well as preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values.

Results. The article notes the key role of the educational organization in this process, and also examines various areas for the formation of legal literacy of schoolchildren as one of the vectors of implementing state policy to promote and protect traditional Russian values.

Research implications. The results of the study can be applied in planning the educational process in the current political situation and tasks set at the state level.

Keywords: Legal literacy, legal education, promotion and protection of traditional Russian values

Введение

Указ Президента Российской Федерации, утверждающий Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ.

Актуальные проблемы и задачи, которые стоят перед Россией сегодня, национальная задача по укреплению общности Русского мира, а также по формированию общероссийской гражданской идентичности требуют работы не только по такому направлению, как историческое просвещение граждан, но по и правовому просвещению, формированию высокого уровня правовой грамотности российских граждан, и главным образом, нашего будущего – молодёжи.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей также конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.², Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³, Основ государственной культурной поли-

тики⁴. Таким образом, указанный документ находится в прямой связи с иными актами, закрепляющими базовые принципы по поддержанию правопорядка в нашем обществе.

Ключевая роль образовательных организаций в формировании традиционных российских ценностей среди школьников

В рамках всех перечисленных актов, целей и задач, которые они ставят перед современным российским обществом, учитывая сложившиеся мировую обстановку и условия, в которые была поставлена Россия сегодня, особое внимание следует уделить воспитанию подрастающего поколения, тем ценностям, принципам, идеям, которые мы закладываем в наше будущее посредством наших детей. Национальный приоритет – защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, жизни, достоинства, прав и свобод человека, патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высокие нравственные идеалы, гуманизм, справедливость, взаимоуважение и единство. «Основными источниками формирования ценностей являются: страна, социум, семья, наука, религия, и т. д.» [9, с. 226]. Нельзя не отметить ключевой роли образовательных организаций в формировании всех вышеперечисленных ценностей у детей и молодёжи, укрепления и сохранения традиционных ценностей, противодействия распространению деструктивной идеологии в обществе среди молодёжи.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.06.2024).

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/21027> (дата обращения: 25.06.2024).

Можно ли сказать, что образовательная организация играет важную роль в данной работе? Безусловно. В связи с чем крайне важно определить направления работы в указанной сфере, задачи, этапы и конкретные векторы работы образовательной организации по указанным направлениям.

Процесс правового просвещения, формирования правовой грамотности и всех ранее перечисленных ценностей у обучающихся главным образом осуществляется путём правового образования лиц внутри образовательной организации, которое включает в себя элементы как обучения, так и воспитания, о котором нельзя забывать.

Под образовательным процессом, реализуемым организацией, образованием, понимается «процесс получения, приобретения, усвоения систематизированных знаний; обучение; совокупность знаний, полученных в процессе обучения, т. е. передачи кем-либо знаний, навыков»¹. Действующий Федеральный закон «Об образовании»² гласит, что «образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определённого объёма и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

Образование – процесс, который «учит мыслить, логически связывать разрозненную информацию, делать из неё выводы» [4, с. 46].

Правовое образование является существенным компонентом образования в целом, который играет ключевую роль в формировании личности. Российская

Федерация – правовое государство, что на законодательном уровне обязывает каждого гражданина соблюдать нормы права. Правовое образование является более молодым и особенным объектом, без которого невозможно представить систему образования [5, с. 107].

Согласно Юридической энциклопедии, правовое образование включает в себя «деятельность по формированию у человека правового послушания, несёт в себе функцию воздействия на сознание человека путём формирования определённых установок и убеждений, а также деятельность по пополнению знаний о праве, его нормах и принципах»³.

Важно отметить, что законодатель ставит акцент на значимости образования, в т. ч. и правового образования, как для человека в частности, так и для института семьи, а также и для государства в целом. Если говорить о правовом характере образования, то его значимость также крайне высока на протяжении всей жизни, начиная с малых лет, когда человек только начинает свой путь социализации в обществе.

Правовое образование представляет собой фундаментальную основу и один из первоисточников формирования у обучающихся «адекватных представлений о подлинных и ложных ценностях, идеалах в различных областях» [8, с. 120].

Поскольку школа является базовым центром социализации каждого человека в современном обществе, роль данной образовательной организации высока и в процессе формирования правовой грамотности юных граждан.

Профессор Л. А. Петручак отметила, что процесс воспитания является неотъемлемой составляющей образовательного процесса: «образование человека осуществляется через его воспитание и обучение, которые составляют стороны единого процесса» [7, с. 276].

Под обучением законодатель предписывает понимать «целенаправленный процесс

¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 13. М., СПб.: Наука, 2012. С. 276–277, 370–371.

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

³ Юридическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://yuridicheskaya-encyclopedia.academic.ru> (дата обращения: 26.06.2024).

организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками, компетенцией, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни»¹.

А сущность правового воспитания, в свою очередь, совершенно верно отмечена в исследовании А. А. Кваша, который определил его через составные элементы: «укрепление и усвоение знаний и принципов норм права и формирование соответствующего положительного отношения к праву, умению использовать свои права, а также исполнять свои обязанности» [3, с. 18].

Вопрос, ответ на который не заставит себя ждать, когда же стоит уделить внимание формированию у человека чувств уважения к праву, правовых ценностей, усвоению основных положений законодательства, формированию прочной установки строгого следования правовым предписаниям и превращению данной позиции в личное убеждение? Ответ: конечно, в возрасте личностного становления, в школьном возрасте, когда человек только начинает свой путь социализации в современном обществе.

Именно благодаря правовому воспитанию «у молодого человека должна быть выработана внутренняя потребность жить и действовать в соответствии с нормами права, неуклонно соблюдать правила человеческого сосуществования и требований российских законов» [6, с. 44].

Таким образом, правовое обучение и правовое воспитание являются неотъемлемыми элементами образовательного процесса в первую очередь в рамках школы. Эти 2 элемента тесно связаны друг с другом. Можно даже говорить о том, что формой правового воспитания является правовое обучения посредством «передачи, накопления и усвоения знаний и принципов, закреплённых в правовых нормах, формирования соответствующего отношения к праву, умения использовать свои права и исполнять обязанности» [3, с. 242].

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

Особенности формирования правовой грамотности школьников в образовательной среде

Возвращаясь к вопросу укрепления и сохранения традиционных ценностей, противодействия распространению деструктивной идеологии в обществе, укреплению национальной безопасности РФ, главной целью правового просвещения, обучения и воспитания лиц школьного возраста является формирование осознанного восприятия школьниками своих прав и обязанностей, профилактика негативных явлений среди школьников, профилактика правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, повышение правовой сознательности и, как следствие, поддержание законности и правопорядка в обществе в целом.

Недостаточная правовая грамотность среди лиц ещё школьного возраста может привести к определённым трудностям, ведь уже «они являются активными участниками жизни общества. А недостаточная правовая грамотность может привести к совершению различных правонарушений, нарушению общественного порядка, не знанию и не умению защитить свои права» [1, с. 12].

Если правовое обучение ставит своей целью передать обучающимся базовые правовые знания и обучить их грамотному применению, целью правового обучения является формирование в молодом человеке благоприятной почвы для дальнейшего укрепления и совершенствования высокого уровня правовой культуры личности.

Под эгидой прошедших лет – 75-летия Всеобщей декларации прав человека, 30-летия Конституции Российской Федерации, Года педагога и наставника – был проведён широкий ряд мероприятий, посвящённый вопросам правового просвещения в рамках образовательных организаций. В своём Докладе «О деятельности уполномоченного по правам человека в РФ»² за 2023 г. Т. Н. Москалькова отметила, что «предста-

² Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochenogo/9a0aa39d-a37b-44f5-9318-3d5a9e0ed387> (дата обращения: 20.06.2024).

вители государственных органов, правозащитники, педагоги обсудили методики и технологии правового обучения и воспитания молодёжи, а также наметили пути его дальнейшего совершенствования».

С уверенностью можно сказать, что в настоящее время уделяется всё больше внимания развитию системы правового образования в общеобразовательных учреждениях. Именно в подростковом возрасте закладываются основы правовой культуры, «в данный период мы наблюдаем развитие оценочных суждений о мире, себе, других, что является основой формирования правовой компетентности как части их правовой культуры» [2, с. 4].

Изучение правовых основ в старшей школе реализуется путём включения в учебный план 10–11 классов таких дисциплин, как правоведение, или отдельных правовых тем в рамках курса обществознания. Внеурочный предмет «Разговоры о важном», который проводится 1 раз в неделю в формате классного часа также призван ответить на важные социальные, правовые, финансовые вопросы молодых людей, которые могут возникать у них в процессе социализации.

Таким образом, мы видим, что правовое образование становится прочным направлением образовательной деятельности. Однако хотелось бы отметить, что учитывая новые, современные задачи, поставленные перед российским обществом, мы вынуждены обратить большее внимание на обучение школьников основам правовой грамотности.

Формирование базового терминологического аппарата и умение им грамотно апеллировать, формирование уважения к праву, убеждённости, что соблюдение правовых предписаний является неотъемлемой частью жизни современного общества, прививание традиционных российских ценностей – всё это диктует образовательным организациям тенденцию по совершенствованию механизма правового просвещения обучающихся, насыщению учебной программы абсолютно всех годов обучения, а не только 10–11-х классов дисциплинами правового характера.

Необходимо проводить работу по выделению правовых тем в рамках обще-

ствознания в отдельную обязательную дисциплину с увеличением аудиторных часов, расширением тематического плана, внедряя это во всех классах, включая начальную школу.

Помимо обновления перечня и содержания учебных дисциплин образовательным организациям общего образования стоит отдельное внимание уделить правовому воспитанию школьников.

Практика проведения таких мероприятий, как Образовательный правозащитный марафон для школьников и студентов, приуроченный к 30-летию Конституции в 2023 г., Инкубатор молодёжных правовых проектов, общероссийская школа «Молодые правозащитники», единый урок «Права человека» и др., показала большой интерес обучающихся к неформальным мероприятиям, которые направлены на повышение правовой грамотности, формирование правовых и патриотических ценностей, где школьники могли бы не только обучаться, но и продемонстрировать свои достижения, напрямую взаимодействовать и задавать вопросы, перенимать опыт у представителей юридической профессии.

Стоит принять во внимание и учесть возрастающий интерес обучающихся школ к открытым лекциям, встречам с выдающимися представителями различных профессий. На данный опыт стоит обратить особое внимание в рамках правового воспитания.

Встречи школьников с представителями практической юриспруденции на регулярной основе на различные правовые темы могли бы стать интересным и планомерным методом в рамках правового воспитания школьников. Открытые лекции с представителями правового сообщества могут проводиться на регулярной основе посредством сотрудничества между школами и ведущими юридическими университетами, где профессора, доктора наук, практикующие юристы, имеющие опыт работы в образовательных организациях, могли бы поделиться правовыми знаниями, оказать влияние на формирование правовых ценностей и правосознания у обучающихся школ.

Катализатором успешности данного рода мероприятий в рамках правового просвещения школьников стал интерактивный урок «Права ребёнка», организованный в Международный день защиты детей для учащихся одной из российских школ. Председатель Молодёжного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ рассказал школьникам о международных и национальных документах в области прав человека, а также о существующих механизмах их защиты. В рамках мероприятия школьникам была предоставлена возможность узнать о конституционных правах, свободах и способах их защиты.

Большой интерес также вызвала серия лекций и мастер-классов, приуроченных ко Дню Конституции РФ и Дню учителя в 2023 г., организованных служащими Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ.

В 2023 г. при поддержке Минобрнауки России и Минпросвещения России также в 7 раз был реализован масштабный образовательный проект – Единый урок «Права человека», к которому присоединились школьники по всей России.

Гражданственность немислима без знания основ правового государства – законов страны, в которой мы родились, живём, учимся, развиваемся и работаем.

Принимая во внимание такую направленность правового просвещения среди молодёжи и лиц школьного возраста, как противодействие распространению деструктивной идеологии в обществе и профилактика негативных явлений среди школьни-

ков, в т. ч. правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, а также возраст наступления различных видов ответственности в РФ (а именно: с 14 лет – гражданской ответственности, с 16 лет – административной и с 14/16 – уголовной), – крайне необходимо уделить внимание вопросам правового просвещения и формирования правовой грамотности среди школьников.

Постоянная работа по совершенствованию методики правового просвещения лиц школьного возраста посредством правовых уроков, открытых лекций с представителями юридического сообщества, различных викторин, правовых конкурсов, конференций, круглых столов, классных часов призвана помочь школьникам получить собственные представления о современных правовых и моральных ценностях общества, способствовать развитию компетентности учащихся в защите прав, свобод и законных интересов личности.

Заключение

Таким образом, высока актуальность задачи по включению в ФГОСы для учеников 1–11 классов школ не только правовых тем, но и отдельных образовательных правовых дисциплин, по увеличению количества внеурочных интерактивных правовых мероприятий, а также по взаимодействию школ с юридическими вузами с целью организации внеурочных мероприятий по правовому просвещению школьников.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметзянова Е. А. Формирование правовой грамотности младших школьников во внеурочной деятельности // Глобальный научный потенциал. 2023. № 6. С. 12–14.
2. Завражин В. В. Закономерности формирования правовой культуры школьника // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 4. С. 1–8.
3. Кваша А. А. Правовые установки граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 401 с.
4. Лапаева Л. Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 75–85.
5. Магомадова И. М. Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня окончания Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / под ред. С. А. Авакьян, Л. А. Тхабисимова, К. С. Иналкаева. Грозный: АЛЕФ, 2020. С. 103–108.
6. Насакина Л. Н. Правовая грамотность среди школьников и молодежи, как основа национальной безопасности // Научный журнал Дискурс. 2017. № 8. С. 41–52.

7. Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. М.: Юриспруденция, 2012. 396 с.
8. Усенкова Е. В. Правовое образование подростков, склонных к аддиктивному поведению, в контексте ценностно-ориентированного подхода // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2013. № 6. С. 119–123.
9. Усова С. Н. Неконструктивное поведение младших школьников: коррекция и профилактика // Народное образование. 2016. № 2. С. 224–228.

REFERENCES

1. Akhmetzyanova E. A. [Formation of legal literacy of primary school students in extracurricular activities]. In: *Globalnyy nauchnyy potentsial* [Global scientific potential], 2023, no. 6, pp. 12–14.
2. Zavrazhin V. V. [Patterns of formation of legal culture of schoolchildren]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of science. Pedagogy and psychology], 2024, vol. 12, no. 4, pp. 1–8.
3. Kvasha A. A. *Pravovyye ustanovki grazhdan: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal attitudes of citizens: Cand. Sci. thesis in Lay sciences]. Volgograd, 2002. 401 p.
4. Lapayeva L. E. [Personal dignity and law in the Russian state]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity], 2007, no. 6, pp. 75–85.
5. Magomadova I. M. [Ways to improve the level of legal awareness and legal literacy in modern civil society]. In: Avakyan S. A., Tkhabisimov L. A., Inalgaev K. S., eds. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the end of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Grozny, ALEF Publ., 2020, pp. 103–108.
6. Nasakina L. N. [Legal literacy among schoolchildren and young people as the basis of national security]. In: *Nauchnyy zhurnal Diskurs* [Scientific journal Discourse], 2017, no. 8, pp. 41–52.
7. Petrushak L. A. *Pravovaya kultura kak determinanta sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Legal culture as a determinant of modern Russian society]. Moscow, Jurisprudence Publ., 2012. 396 p.
8. Usenkova E. V. [Legal education of adolescents prone to addictive behavior in the context of a value-oriented approach]. In: *Upravleniye innovatsiyami: teoriya, metodologiya, praktika* [Innovation Management: Theory, Methodology, Practice], 2013, no. 6, pp. 119–123.
9. Usova S. N. [Unconstructive behavior of younger students: correction and prevention]. In: *Narodnoye obrazovaniye* [Public education], 2016, no. 2, pp. 224–228.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уварова Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: t.uvarova@linguanet.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Uvarova – Teacher, Department of Legal Theory Law Faculty, Moscow State Linguistic University;
e-mail: t.uvarova@linguanet.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Уварова Т. А. Особенности формирования правовой грамотности школьников в образовательной среде как ключевой вектор реализации государственной политики по продвижению и защите традиционных российских ценностей // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 12–18.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-12-18

FOR CITATION

Uvarova T. A. Features of Legal Literacy Formation Among School Children as a Key Vector of Implementation of State Policy on Promotion and Protection of Traditional Russian Values. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 12–18.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-12-18

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.15

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-19-30

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕХНОПАРКОВ: ИНСТРУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Беженцев А. А., Игошин Н. А.

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить основные инструменты, способствующие развитию инфраструктуры технопарков и их резидентов, а также рассмотреть аспекты совершенствования правового регулирования государственной поддержки технопарков в Российской Федерации.

Процедура и методы. Для реализации поставленных задач авторы изучили, систематизировали и проанализировали значительное количество научных, учебных и методических источников. Были также обобщены нормы международного и национального права, касающиеся правового регулирования общественных отношений, связанных с организацией работы технопарков в России. Процесс систематизации и обобщения данных потребовал применения различных методологических подходов, включая диалектические методы (анализ и синтез), а также культурологический и сравнительно-правовой методы. Для выявления закономерностей использовались логические методы, в т. ч. дедукция, индукция и аналогия, а также исторический и формально-юридический подходы. Описывая и сравнивая полученные результаты с другими исследованиями, авторы применяли системный, функциональный и социологический методы.

Результаты. Проведённый анализ позволил выявить тенденции в эволюции законодательства. Отмечена успешная регламентация деятельности технопарков, специализирующихся на высоких технологиях, на федеральном уровне, что привело к формулированию и закреплению определения технопарка на нормативном уровне. Выявлены и некоторые недостатки: возможность создания технопарков и получение поддержки только при соблюдении определённых законодательством целей, а также отсутствие правовых норм, регулирующих деятельность резидентов технопарков. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования системы государственного регулирования деятельности технопарков на основе федерального законодательства и действующих стандартов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Управление деятельностью технопарков носило фрагментарный и несистемный характер, однако в последние годы наблюдаются положительные изменения, что связано с внесением поправок и дополнений в отраслевое законодательство.

Ключевые слова: государственное управление, инфраструктура, правовое регулирование, суверенитет, технопарк, цифровизация экономики

DEVELOPMENT TRENDS OF TECHNOLOGY PARKS: STATE SUPPORT INSTRUMENTS

A. Bezhentsev, N. Igoshin

Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Sredniy pr. V.O. 57/43, St. Petersburg 199178, Russian Federation

Abstract

Aim. Identify the main tools contributing to the development of the infrastructure of technoparks and their residents, as well as consider aspects of improving the legal regulation of state support for technoparks in the Russian Federation.

Methodology. To achieve the set objectives, the authors studied, systematized and analyzed a significant number of scientific, educational and methodological sources. The norms of international and national law concerning the legal regulation of public relations related to the organization of technology parks in Russia were also summarized. The process of systematization and generalization of data required the use of various methodological approaches, including dialectical methods such as analysis and synthesis, as well as cultural and comparative legal methods. To identify patterns, logical methods were used, including deduction, induction and analogy, as well as historical and formal legal approaches. Describing and comparing the results with other studies, the authors used systemic, functional and sociological methods.

Results. The conducted analysis allowed to identify trends in the evolution of legislation. In particular, successful regulation of the activities of technology parks specializing in high technologies at the federal level was noted, which led to the formulation and consolidation of the definition of a technology park at the regulatory level. However, some shortcomings were also identified, such as the possibility of creating technology parks and receiving support only if the goals defined by law are met, as well as the lack of legal norms regulating the activities of technology park residents. As a result, a conclusion was made on the need to further improve the system of state regulation of technology parks based on federal legislation and current standards.

Research implications. Until recently, the management of technology parks was fragmented and unsystematic, but in recent years positive changes have been observed, which is associated with amendments and additions to industry legislation.

Keywords: public administration, infrastructure, legal regulation, sovereignty, technology park, digitalization of the economy

Введение

В условиях жёсткой конкуренции и беспрецедентных экономических санкций Российская Федерация проявляет повышенный интерес к созданию благоприятного правового режима для развития конкурентоспособных цифровых технологий, которые смогут удовлетворить потребности государства и бизнеса [11, с. 179]. Это играет значимую роль не только в поддержании возможно высокого уровня национальной безопасности, но и в достижении технологического суверенитета государства. Тем не менее достижению этих целей

препятствуют низкий спрос на инновации в национальной экономике и недостаточная заинтересованность частного сектора в их внедрении. Одним из возможных способов преодоления данных проблем является модернизация соответствующих элементов инновационной инфраструктуры (техноинновационных особых экономических зон, научных городов и технопарков) с целью повышения их эффективности. Кроме того, в Концепции технологического развития до 2030 г. подчёркивается важность активного участия государства в развитии механизмов, способствующих стимули-

рованию инновационной активности [13, с. 212] различных предприятий. При этом упоминается о создании высокотехнологичных технопарков¹.

Современное национальное законодательство содержит несколько нормативно закреплённых определений, соотносимых с понятием «технопарк»:

1) технопарк в сфере высоких технологий – управляемый управляющей компанией комплекс объектов коммунальной, транспортной и технологической инфраструктуры, зданий, строений, сооружений и оборудования, предназначенный для обеспечения полного цикла услуг по размещению и развитию инновационных компаний, являющихся резидентами технопарка, а также для запуска и вывода на рынок высокотехнологичной продукции, услуг и технологий, в т. ч. за счёт территориальной интеграции с научными и (или) образовательными организациями²;

2) технопарк – «комплекс объектов, зданий, строений, сооружений и оборудования которого предназначен для обеспечения запуска, вывода на рынок и производства высокотехнологичной продукции, услуг и технологий, в т. ч. за счёт интеграции с научными и (или) образовательными организациями»³;

3) технопарк (технологический парк) – территория с расположенным на ней имущественным комплексом, состоящим из объектов коммунальной, транспортной и технологической инфраструктуры, обеспечивающим полный цикл услуг по размещению и развитию промышленных и (или)

инновационных компаний, являющихся резидентами технопарка, и управляемая управляющей компанией⁴.

Приведённые определения понятия «технопарк», используемые в нормативных, методических и учебных источниках, позволяют выявить ряд закономерностей: во-первых, это единая территория, на которой расположены различные объекты промышленной недвижимости; во-вторых, это инфраструктура, которая включает в себя единую коммунальную, транспортную и технологическую системы; в-третьих, это одна управляющая компания, которая предоставляет комплексные услуги с целью соблюдения принципа солидарности резидентов.

Данный подход отличается от советской практики, когда в начале 60-х гг. XX в. в СССР были сформированы первые «технопарки» [2, с. 218]. Одним из примеров первых технопарков является Академгородок в Новосибирске, который был создан в 1957 г. и действует до настоящего времени. Сегодня в Академгородке активно развиваются научные и производственные мощности, связанные с информационными технологиями, приборостроением, разработкой и производством новых материалов и научного оборудования для биомедицины, развития био- и нанотехнологий. Его можно назвать одним из успешных отечественных технопарков. За 2022 г. компании-резиденты Академгородка получили прибыль на 40 млрд рублей, из которых добавленная стоимость составила около 24 млрд⁵. Однако следует отметить, что Академгородок создавался как технопарк для одного проекта, когда основная деятельность всех резидентов направлена на достижение единого результата.

Другим примером организации деятельности технопарков является Силиконовая долина (*Silicon Valley*), основанная в 1951 г. в США. Идея создания парка принадлежа-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 22. Ст. 3964.

² Закон РТ от 02.08.2010 № 63-ЗРТ «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917039314> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Закон г. Москвы от 07.10.2015. № 55 «О промышленной политике города Москвы» // Mos.ru: [сайт]. URL: <https://www.mos.ru/depr/documents/normativno-pravovye-akty-goroda-moskvy/view/160090220/> (дата обращения: 06.06.2024).

⁴ Там же.

⁵ Континент Сибирь: [сайт]. URL: <https://ksonline.ru/499063/novosibirskij-akademgorodok-drajver-rostaili-degradiruyushhaya-territoriya> (дата обращения: 06.06.2024).

ла декану Стэнфордского университета. Сдав землю в аренду высокотехнологичным компаниям, университет смог увеличить бюджет, обеспечить работой своих выпускников и решить проблему дефицита специалистов. Данная модель организации деятельности технопарков больше похожа на организацию функционирования бизнес-центров, когда компаниям-арендаторам предоставляется помещение и инфраструктура. Это отличается от существующей модели промзон, когда каждое предприятие, организация самостоятельно решает коммунальные, логистические и инфраструктурные задачи.

По данным компании Terra Бизнес энд Индастриал (*Terra Business & Industrial, TBI Group*) на данный момент в России действует более 300 технопарков¹. Согласно сведениям, предоставленным Ассоциацией кластеров [8, с. 40], технопарков и особых экономических зон в России в 2022 г. было зарегистрировано более 4,9 тысячи резидентов. Их общая выручка превысила 508 млрд рублей, а средняя выручка на 1 резидента увеличилась до 113,5 млн рублей. В 2022 г. ежегодный прирост числа резидентов технопарков составил в среднем 8–10%, причём 90% из них являются субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП). Совокупный объём инвестиций, которые были привлечены компаниями-резидентами технопарков за этот период, достиг 24,6 млрд руб.²

Специалисты отмечают, что одним из способов поддержания высоких темпов развития технопарков, в т. ч. тех, которые специализируются на высоких технологиях, является совершенствование правового регулирования [1; 3; 4; 6].

Как упоминалось ранее, в условиях рыночной экономики число технопарков, работающих по принципу масштабного проекта, весьма ограничено [5, с. 2184].

Поэтому разрабатывая нормативно-правовые основы регулирования деятельности технопарков, следует сосредоточиться на выработке концептуальных подходов к терминологии и формированию мер государственной поддержки населения и отдельных секторов экономики.

Термин «технопарк» впервые встречается в постановлении Правительства Российской Федерации № 409 «О мерах по государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации на 1994–1995 годы»³.

В соответствии с положениями Федерального закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»⁴ технопаркам отводится серьёзная миссия. Во-первых, технопарки являются важным элементом обеспечения занятости населения региона. Во-вторых, они выполняют роль центров притяжения высококлассных специалистов, создавая им желаемые условия для реализации. В-третьих, технопарки способствуют развитию различных форм предпринимательства, стимулируя инновации в области высоких технологий.

В соответствии с ГОСТ Р 56425-2021 «Технопарки. Требования» технопарк в сфере высоких технологий – это «*комплекс объектов, зданий, строений, сооружений и оборудования которого предназначен для обеспечения запуска и вывода на рынок высокотехнологичной продукции и услуг, технологий, в том числе за счёт территориальной интеграции с научными и/или образовательными организациями*»⁵.

Для развития территории технопарков, создания благоприятных условий при решении задач повышения конку-

¹ Индустриальные парки и технопарки России: [сайт]. URL: <https://russiaindustrialpark.ru/about> (дата обращения: 06.06.2024).

² Технопарки России в 2022 г. // Ict.Moscow: [сайт]. URL: <https://ict.moscow/research/tekhnoparki-rossii-v-2022-godu> (дата обращения: 06.06.2024).

³ Постановление Правительства РФ от 29.04.1994 № 409 // СЗ РФ. 1994. № 3. Ст. 213.

⁴ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. № 164.

⁵ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 01.09.2021 № 906-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 56425-2021 "Технопарки. Требования"».

рентоспособности отечественных цифровых технологий государство активизировало законотворческую деятельность. Так, относительно недавно был принят Федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О промышленной политике в Российской Федерации" и статью 44 Федерального закона "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации"».

Эксперты отмечают, что национальная правовая система Российской Федерации требует уточнения и определения соответствующих рамок для понятия «промышленный объект», разграничения его с «индустриальным парком» и «промышленным технопарком» [7, с. 115]. Кроме того, требует рассмотрения вопрос применения мер стимулирования по отношению к данным объектам.

Применение законодателем более широкого, по нашему мнению, термина «технопарк», основанное на положениях п. 2.1 ГОСТ Р 56425–2021, позволит повысить их потенциал и разнообразие инноваций, которые они могут поддерживать.

Государственная поддержка

Политика стимулирования инноваций и развития технологий [10, с. 84] важна для разных сфер деятельности [12, с. 60], не только для промышленного производства. Возможно, развитие дополнительных механизмов государственной поддержки для технопарков, специализирующихся на других отраслях (информационные технологии или биотехнологии), может быть важным шагом для стимулирования разнообразия инноваций в стране.

Неурегулированные отношения в сфере создания и функционирования технопарков также остаются значительным вызовом. Развитие четкой и сбалансированной юридической базы для технопарков, учитывающей разнообразие их деятельности, поможет обеспечить им более эффективное функционирование.

Если технопарк высоких технологий занимается разработкой решений в области искусственного интеллекта для различных областей государственного управления, и эти разработки не подпадают под новые положения Закона о промышленной политике¹, необходимо рассмотреть альтернативные меры поддержки, доступные для таких технопарков.

При этом хотелось бы остановиться на уже действующих решениях, направленных на поддержку экономики в целом и резидентов технопарков в частности. Эти меры включают в себя:

- 1) меры государственной поддержки организаций и индивидуальных предпринимателей;
- 2) налоговые льготы и преференции;
- 3) ограничение проверок и контрольных мероприятий;
- 4) совершенствование системы валютного, банковского и страхового регулирования;
- 5) особенности закупок товаров, работ, услуг;
- 6) меры господдержки физических лиц;
- 7) изменения в валютном законодательстве для физических лиц.

1. Меры государственной поддержки организаций и индивидуальных предпринимателей. Сегодня в Российской Федерации реализуются как общие, так и специальные меры поддержки организаций и индивидуальных предпринимателей. Общие меры включают проведение эксперимента «Старт бизнеса онлайн» до 2025 г., снижение размеров штрафов и уголовной ответственности, продление льгот до конца 2024 г., запуск программы для удвоения рекламного бюджета с VK, а также утверждение Положения о Правительственной комиссии по устойчивости экономики в условиях санкций [9, с. 76].

Специальные меры включают координацию действий для укрепления экономики, приоритетные проекты по технологическому суверенитету, регулирование трудо-

¹ Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 1.

вых отношений в оборонной промышленности, отмену уголовной ответственности за незаконное использование маркировки, утверждение правил обнародования информации и введение ограничений на контрсанкционную информацию.

Государственная поддержка также включает раскрытие финансовой отчетности через ГИРБО, особые правила лицензирования, защиту компаний в корпоративных отношениях, инжиниринг и инновации, меры поддержки различных отраслей, включая малый и средний бизнес, медицину, туризм, аграрную сферу и другие области.

2. Налоговые льготы и преференции.

В 2024 г. обеспечена налоговая поддержка для жителей новых территорий. С 1 января 2022 г. расширен список операций без НДС, включая подключение к газораспределительным сетям. Освобождены от НДС определенные виды деятельности: передача имущества, продажа драгоценных металлов и туристические продукты. Введены новые налоговые режимы, включая «Нулевую ставку НДС», «Пониженную ставку НДС» и «Ставку НДС 10%». С 1 января 2022 г. изменены правила налогового учёта для инфраструктурных отраслей. Для владельцев инженерных коммуникаций предоставлено сокращение налоговой нагрузки через компенсацию за переустройство сооружений. Расширены возможности по возврату НДС по ускоренной процедуре с 2022 по 2025 г. Налоговое освобождение относительно операций финансирования вступило в силу. Введены обновлённые требования к контролируемым сделкам, а также установлены специальные правила заключения соглашений о финансировании. Действуют специальные процентные ставки и льготы по резервам, сформированным до 1 марта 2022 г. Изменились правила освобождения от НДФЛ доходов, которые были получены от иностранных компаний. С 2022 г. изменились правила обложения транспортным налогом автомобилей до 10 млн руб. Снижена ставка за использование федеральных водных объектов, и, начиная с

2023 г., не начисляются пени на недоимки до определённых сумм. Государство предусмотрело возможность продления сроков уплаты налогов и предоставления других мер поддержки в 2023–2024 гг. Для организаций в отдельных регионах установлена поддержка, включающая продление сроков уплаты налогов и рассрочку платежей. Сроки уплаты утилизационного сбора для крупных производителей установлены до 15 декабря 2024 г. Некоторые компании получили отсрочку по выплате обязательных пенсионных и медицинских взносов. Индивидуальным предпринимателям с соблюдением календаря деятельности предоставлена отсрочка по уплате налогов на обязательное пенсионное страхование. Введено также временное освобождение от ответственности за налоговые нарушения для жителей новых территорий до конца 2024 г.

3. Ограничение проверок и контрольных мероприятий.

Правительство РФ имеет право вносить изменения в порядок осуществления налогового контроля, а именно продлевать сроки взыскания налогов граждан и временно приостанавливать налоговые проверки. Большинство организаций и частных предпринимателей не подпадают под действие моратория на налоговые проверки, за исключением IT-компаний. Для них проведение выездных проверок ограничено до марта 2025 г. С июля 2022 г. налоговые органы должны ждать 2 недели после направления поручений на списание налоговой задолженности прежде, чем блокировать счета должников. Кроме того, ФНС России при проведении налогового контроля цен учитывает санкции на контролируемые сделки. При продаже продукции с дисконтом из-за санкций можно избежать налоговых доначислений по средствам положений ст. 105.15 НК РФ.

Ограничения государственного и муниципального контроля:

- контрольные мероприятия проводят только для объектов чрезвычайно высокого и высокого риска;

– возможны профилактические визиты, от которых нельзя отказаться;

– при обжаловании предписаний профилактических визитов в жалобе можно не указывать учётный номер контрольного мероприятия, если приведён номер предписания или профилактического мероприятия.

Установлен определённый перечень проверок, на которые не распространяются особенности контроля и надзора. Внеплановые проверки будут проводиться только по определённым причинам до конца 2024 г., включая выявление риска нарушения требований, угрозу здоровью и безопасности граждан, а также по решению руководства Роскомнадзора. Профилактические мероприятия и контрольные действия могут быть проведены без согласования с прокуратурой. Жалобы на действия контрольных органов можно подписывать электронно до 2030 г. Для IT-организаций установлены специальные правила проверок.

4. Совершенствование системы льготного, банковского и страхового регулирования. До конца 2024 г. кредитор не может требовать досрочного исполнения обязательств, за исключением чрезвычайных случаев с 1 июля 2023 г. Для получателей льготного кредита «ФОТ 3.0» может быть сделана отсрочка платежей и использованы инвестиционные пай в обеспечение кредита.

Для целого ряда предпринимателей стали обязательными требование о продаже выручки и привлечение займов в иностранной валюте в соответствии с правилами, установленными Банком России.

Операции с иностранной валютой требуют разрешения Правительственной комиссии. Реструктуризация займов до 1 марта 2022 г. не требует одобрения, однако изменения в условиях договора – да. Банк России расширяет список валютных операций между резидентами.

Установлены стандарты для расчётов между экспортерами, поставщиками, исполнителями и соисполнителями. Резиденты могут принимать иностран-

ную валюту без обязательной продажи. Ограничения на использование наличной валюты отсутствуют.

Необходимо предоставлять документы при получении наличных от нерезидентов и возврате займов. Российские компании могут изменить обязательства перед нерезидентами, при необходимости Банк России может ограничить операции нерезидентов. Некоторые нерезиденты из стран-недрузей могут быть ограничены в переводах до 30 сентября 2024 г., а выплаты иностранным кредиторам регулируются до октября 2024 г.

Установлен временный порядок расчётов иностранных правообладателей через рублевый счёт «О». Резиденты могут производить платежи с согласия правообладателя. Ограничения на операции с наличной валютой пролонгированы до 2024 г. Получение временных расчётов не влияет на рейтинг дефолта, и российские кредиторы не могут использовать это для кросс-дефолта. Резидентам требуется разрешение для предоставления займов в иностранной валюте.

Правительство обладает правом временно разрешать сделки с государствами, которые признаны недружественными. Для проведения операций с официальными ценными бумагами и еврооблигациями с участием представителей недружественных стран необходимо получить одобрение от Правительственной комиссии по контролю за иностранными инвестициями. Помимо этого, резиденты технопарков имеют возможность приобрести недвижимость у юридических лиц из недружественных государств через специальный счёт «С». Ограничения на транзакции в сфере страхования будут действовать до конца 2024 г., и все операции с государствами, признанными недружественными, должны проводиться в строгом соответствии с требованиями.

5. Особенности закупок товаров, работ, услуг. Согласно Закону № 44-ФЗ, электронный запрос котировок применяется до 10 млн руб. до 31 декабря 2026 г. Закупки по ч. 12 ст. 93 № 44-ФЗ ограниче-

ны суммой до 5 млн руб., применяются к определённым товарам и услугам, с годовым объёмом не более 100 млн руб. Сроки оплаты сокращены до 7 рабочих дней с момента приёмки, за исключением специальных случаев. До 31 декабря 2024 г. заказчик может не требовать гарантийного обеспечения, за исключением авансов. Правительство РФ может устанавливать дополнительные условия для закупок у единственного поставщика на 2024 г. Перечень и условия закупок у единственного поставщика расширены, а изменения условий контракта допускаются при определённых обстоятельствах. Неустойки списываются при предоставлении документов о санкциях или ценовых ростах на строительные ресурсы. Минфин России подчеркнул важность представления документов комиссии, чтобы избежать включения поставщика в Реестр недобросовестных поставщиков.

Правительство РФ может выдавать временные разрешения для сделок с лицами, на которые действуют экономические меры, и их контролируемые организациями. При закупке медизделий врачебной комиссией можно указать товарный знак в описании. Максимальная стоимость закупки лекарств у одного поставщика увеличена. Изменения в контракте на поставку разрешены согласно бюджетному законодательству до конца 2024 г.

До 2024 г. закупки лекарств и медицинских изделий для медицинских целей не учитываются при определении доли закупок у малых и средних предприятий по Закону 44-ФЗ. Строительные закупки «под ключ» могут включать работы до 2025 г. Сведения о закупках, приводящих к санкциям, следует исключить из ЕИС. Нормы Правительства РФ от 6 марта 2022 г. влияют на объём закупок у малых предприятий. РНП не содержит информации о недобросовестных участниках закупок при непреодолимых обстоятельствах. Срок оплаты у СМП – 7 рабочих дней после акта приёмки. При необходимости для субподрядчиков оплата их услуг включается в документацию с оплатой в течение 7 рабочих дней.

Запрещена закупка иностранного ПО для критически важных объектов без согласования. Изменения в закупочных документах должны согласовываться согласно ГК РФ. Оплата товаров или услуг – не позднее 7 рабочих дней после приёмки. Рекомендуется соблюдать правила Постановления Правительства РФ от 16 апреля 2022 г. при изменении условий строительных договоров. Контролируйте выполнение указов при закупках по Закону 223-ФЗ.

6. Меры господдержки физических лиц.

Меры поддержки физических лиц включают возможность участия в малом формате торговли для незарегистрированных предпринимателей, которые пользуются специальными налоговыми режимами и осуществляют предпринимательскую деятельность посредством нестационарных объектов. Пенсионные накопления из ликвидированных негосударственных пенсионных фондов перенаправлены на счета застрахованных лиц в Пенсионный фонд России. Кроме того, граждане могут воспользоваться навигатором на сайте Правительства РФ.

Государственные службы занятости помогают гражданам, ищущим работу, предоставляя временную занятость, обучение и поддержку для предпринимателей. Юридические лица и предприниматели могут получить субсидии для компенсации затрат на заработную плату новым сотрудникам. Налоговые льготы для дистанционных работников, новые вычеты для долгосрочного сбережения, уменьшение уголовной ответственности за налоговые преступления и облегчение доступа к финансовым услугам включены в поддержку экономики. Льготы также предоставляются для семей с детьми, делая для них доступными ипотечные программы. С января 2024 г. увеличен минимальный размер оплаты труда. Штрафы (пени) за неоплату жилищно-коммунальных услуг снижены примерно на 15–20%. Изменения в сфере образования предполагают особенности приёма на обучение граждан, вынужденных прервать учёбу за рубежом из-за действий иностранных государств до конца 2024 г.

7. Изменения в валютном законодательстве для физических лиц.

Наблюдается тенденция к сохранению в силе следующих ограничений:

- с валютных счетов, открытых до 9 марта 2022 г., возможно снятие до 10 тыс. долл. США или эквивалентных сумм в евро;
- переводы через электронные кошельки осуществляются исключительно в рублях;
- комиссия за выдачу наличной иностранной валюты физическим лицам не взимается до 31 декабря 2024 г.;
- продавать слитки драгоценных металлов за иностранную валюту банкам разрешено до 31 декабря 2024 г.;
- вывоз наличной иностранной валюты на сумму, превышающую 10 тыс. долл. США, без специального разрешения ЦБ РФ запрещён.

Кроме того, Центральный банк России обращает внимание на следующие ключевые моменты:

- 1) банки обязаны удостовериться, что переводимые резидентами средства в иностранной валюте, представляют собой доход от дивидендов или прибыли;
- 2) сделки, по которым начисляется установленный лимит, могут проводиться только при наличии одобрения Правительственной комиссии по контролю за иностранными инвестициями;
- 3) ограничения, действующие для резидентов РФ, также распространяются на граждан, проживающих за пределами страны более 183 дней в году;
- 4) резидентам разрешено зачислять доходы в виде дивидендов и прибыли на зарубежные счета в пределах установленных лимитов;
- 5) нерезидентам может быть предоставлена иностранная валюта в качестве займов под контролем резидентов;
- 6) кредитным организациям рекомендуется предусмотреть возможность погашения займов в валюте недружественных государств и в других валютах;
- 7) нерезидентам допускается реструктуризация займов в иностранной валюте, выданных до 1 марта 2022 г.;

8) неработающим в России физическим лицам-нерезидентам из недружественных стран запрещено переводить средства за границу;

9) кредитным организациям рекомендуется предусмотреть возможность погашения займов, номинированных в валютах недружественных стран, в других валютах;

10) допускается реструктуризация займов в иностранной валюте, выданных нерезидентам до 1 марта 2022 г.;

11) нерезидентам из недружественных стран, не ведущим деятельность на территории России, запрещено осуществлять переводы средств за границу;

12) для физических лиц, в зависимости от страны назначения и используемой валюты установлены ограничения на сумму переводов за рубеж;

13) для физических лиц-нерезидентов из недружественных стран со счетов, открытых у российских брокеров и управляющих компаний, запрещено осуществление переводов за границу;

14) физическим лицам-резидентам, использующим результаты интеллектуальной деятельности для личных, семейных или иных нужд, на платежи, не связанные с предпринимательской деятельностью и не превышающие 100 тыс. рублей или эквивалентные суммы в иностранной валюте, применяется стандартный порядок расчётов, который не подпадает под временные ограничения.

Заключение

Анализ существующих правовых норм указывает на важность совершенствования законодательства для более эффективной и прозрачной работы технопарков высоких технологий. Возникающие вопросы стимулируют дальнейшее обсуждение и разработку более совершенного законодательного регулирования государственной поддержки в данной области.

Данное исследование позволило проанализировать проблемы правового регулирования деятельности технопарков в Российской Федерации и систематизиро-

вать меры государственной поддержки, существующие на данный момент.

Региональное законодательство предусматривает различные льготы по налогам на имущество организаций, льготы по земельному налогу и арендной плате. Эти меры применяются в рамках норм федерального законодательства, регулирующего деятельность технопарков в сфере высоких технологий. Зарубежные примеры (в странах СНГ, Латинской Америки и Азии) принятия специализированных законодательных актов, регулирующих деятельность технопарков, доказывают эффективность такого подхода. На основе этого предлагается разработать федеральные нормы, которые будут определять цели, принципы создания и правовой статус управляющей компании технопарка. Технопарк следует рассматривать как часть инновационной инфраструктуры,

где резиденты ведут предпринимательскую деятельность в условиях стимулирующего режима. Необходимо также привести действующее законодательство, включая региональные нормы, в соответствие с положениями ГОСТ Р 56425–2021.

Приведённые в статье выводы и аргументы, подтверждающие их объективность, позволяют повысить эффективность усилий, прилагаемых для создания промышленного суверенитета Российской Федерации. Выявлен потенциал технопарков как механизма стимулирования предпринимательской активности. Предложено содержание федерального закона, касающегося таких технопарков. Авторы призывают к продолжению исследований и применению сделанных предложений в процессе нормотворчества.

Статья поступила в редакцию 03.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаманова З. О., Гафарова С. С. Современные реалии взаимодействия институтов инновационной инфраструктуры в Российской Федерации // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2023. № 1. С. 32–37.
2. Алам Эль Дин С. Х., Калинина Н. С. Особенности архитектуры научно-исследовательских центров и развитие наукоградов со времён СССР по настоящее время // Системные технологии. 2023. № 1. С. 208–219.
3. Аскерова М. Р., Аскерова М. Р. Технопарки как составляющая инновационной инфраструктуры // Sciences of Europe. 2024. № 135. С. 36–37.
4. Бессонов И. С. Региональная инфраструктура поддержки малых предприятий // Экономика и предпринимательство. 2023. № 6. С. 573–578.
5. Бурденко Е. В. Создание экосистемы для масштабируемости стартапов // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 2175–2186.
6. Гонгадзе И. Ю., Лихачев Е. Н. Генезис и развитие функционально-планировочных моделей технопарков // Творчество и современность. 2023. № 2. С. 24–31.
7. Громова Е. А. Технопарки в сфере высоких технологий: анализ новелл законодательства // Lex russica. 2023. Т. 76. № 9. С. 110–120.
8. Ермаков Д. Н. Инновационное развитие промышленного кластера Москвы (на примере АО «НИИ «Полюс» им. М. Ф. Стельмаха») // Устойчивое и инновационное развитие в цифровую эпоху: мат-лы конф. Ч. 1 / под ред. Н. Н. Мироновой, Д. Д. Пеньковского и др. М: Московский гуманитарный университет, 2019. С. 38–44.
9. Ермаков Д. Н., Хуснулин Р. К. Влияние государственных программ импортозамещения на формирование нового промышленного кластера Москвы и повышение производительности труда на предприятиях ОПК (на примере АО «НИИ «Полюс» им. М. Ф. Стельмаха») // Повышение производительности труда на транспорте – источник развития и конкурентоспособности национальной экономики: сб. конф. М., 2019. С. 75–77.
10. Носонов А. М. Технопарки России: особенности развития, территориальная дифференциация и эффективность // Географическая среда и живые системы. 2020. № 4. С. 70–86.
11. Тасуева Т. С., Идигова Л. М., Рахимова Б. Х. Российский и зарубежный опыт развития технопарков как инструмента малого бизнеса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 11-1. С. 176–183.

12. Технопарки как инструмент технологического развития экономики / Ж. Джоодатбекова, Р. Орозай, М. М. Кенешбаева, У. Н. Бусурманкулова // Наука и инновационные технологии. 2023. № 4. С. 57–62.
13. Шемякина Н. В., Бечвая И. Е. Совершенствование инструментария оценки эффективности инновационного обеспечения промышленного развития в особых экономических условиях // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 206–213.

REFERENCES

1. Adamanova Z. O., Gafarova S. S. [Modern realities of interaction of innovation infrastructure institutions in the Russian Federation]. In: *Uchenyye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta* [Scientific notes of the Crimean engineering and pedagogical university], 2023, no. 1, pp. 32–37.
2. Alam El Din S. H., Kalinina N. S. [Features of the architecture of research centers and the development of science cities from the USSR to the present]. In: *Sistemnyye tekhnologii* [System technologies], 2023, no. 1, pp. 208–219.
3. Askerova M. R., Askerova M. R. [Technology parks as a component of innovation infrastructure]. In: *Nauki Yevropy* [Sciences of Europe], 2024, no. 135, pp. 36–37.
4. Bessonov I. S. [Regional infrastructure for supporting small businesses]. In: *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economy and entrepreneurship], 2023, no. 6, pp. 573–578.
5. Burdenko E. V. [Creating an Ecosystem for Startup Scalability]. In: *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of Innovative Economics], 2023, vol. 13, no. 4, pp. 2175–2186.
6. Gongadze I. Yu., Likhachev E. N. [Genesis and Development of Functional Planning Models of Technology Parks]. In: *Tvorchestvo i sovremennost* [Creativity and Modernity], 2023, no. 2, pp. 24–31.
7. Gromova E. A. [Technology Parks in the Sphere of High Technologies: Analysis of Legislative Amendments]. In: *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 9, pp. 110–120.
8. Ermakov D. N. [Innovative development of the Moscow industrial cluster (on the example of JSC Research Institute Polyus named after M. F. Stelmakh)]. In: Mironova N. N., Penkovsky D. D., eds. *Dolgoye i innovatsionnoye razvitiye v tsifrovoy epokhe. Ch. 1* [Sustainable and innovative development in the digital age. Part 1]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2019, pp. 38–44.
9. Ermakov D. N., Khusnulin R. K. [The Impact of State Import Substitution Programs on the Formation of a New Industrial Cluster in Moscow and Improving Labor Productivity at Defense Industry Enterprises (Based on the Example of JSC M. F. Stelmakh Research Institute Polyus)]. In: *Povysheniye proizvoditel'nosti truda na transporte – istochnik razvitiya i konkurentosposobnosti natsional'noy ekonomiki* [Improving Labor Productivity in Transport as a Source of Development and Competitiveness of the National Economy]. Moscow, 2019, pp. 75–77.
10. Nosonov A. M. [Technology Parks in Russia: Development Features, Territorial Differentiation, and Efficiency]. In: *Geograficheskaya sreda i zhivyye sistemy* [Geographical Environment and Living Systems], 2020, no. 4, pp. 70–86.
11. Tasueva T. S., Idigova L. M., Rakhimova B. Kh. [Russian and Foreign Experience in the Development of Technology Parks as a Small Business Tool]. In: *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economy: Yesterday, Today, Tomorrow], 2021, vol. 11, no. 11-1, pp. 176–183.
12. Dzhoodatbekova Zh., Orozai R., Keneshbaeva M. M., Busurmankulova U. N. [Technology parks as a tool for technological development of the economy]. In: *Nauka i innovatsionnyye tekhnologii* [Science and innovation technologies], 2023, no. 4, pp. 57–62.
13. Shemyakina N. V., Bechvaya I. E. [Improving the toolkit for assessing the effectiveness of innovative support for industrial development in special economic conditions]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2023, no. 6, pp. 206–213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беженцев Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: adovd@mail.ru

Игошин Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: igoshin-na@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Bezhentsev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;
e-mail: adovd@mail.ru

Nikolai A. Igoshin – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Administrative Law, North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;
e-mail: igoshin-na@ranepa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беженцев А. А., Игошин Н. А. Тенденции развития технопарков: инструменты государственной поддержки // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 19–30.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-19-30

FOR CITATION

Bezhentsev A. A., Igoshin N. A. Development Trends of Technology Parks: State Support Instruments. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 19–30.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-19-30

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.63: 342.72

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-31-41

РОЛЬ ОТЦОВ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ: ПРАВОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Емелина Л. А.¹, Яворский С. А.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Президентская академия)

119602, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация

²ИТ АЛЪЯНС

123557, г. Москва, ул. Климашкина, д. 21, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать правоприменительную практику определения места жительства ребёнка с одним из родителей, изучить дискриминационные аспекты в отношении прав отдельно проживающих отцов на участие в воспитании ребёнка. Предложить пути совершенствования законодательных и судебных механизмов для обеспечения равноправия родителей и защиты интересов детей.

Процедура и методы. В статье используется метод сравнительного анализа норм российского семейного законодательства, а также прецедентной судебной практики. Применены общенаучные методы: анализа, синтеза и абстрагирования. Кроме того, применён юридический метод толкования норм права для выявления пробелов и коллизий в регулировании отношений между родителями и детьми после расторжения брака.

Результаты. Выявлены ключевые проблемы правоприменительной практики, включая устоявшуюся презумпцию определения места жительства ребёнка с матерью, отсутствие гарантий прав отдельно проживающих отцов на воспитание и взаимодействие с детьми, а также недостаточную регламентацию случаев переезда одного из родителей. Сделан вывод о необходимости внедрения правовых механизмов, обеспечивающих равенство родителей в вопросах воспитания детей, независимо от места их проживания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований в области семейного права, а также для разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства. Практическая значимость заключается в возможности применения выводов исследования при разрешении споров о месте жительства ребёнка и порядке общения с ним, а также в повышении уровня защиты прав родителей и детей.

Ключевые слова: дискриминация прав отцов, правовой статус отца, презумпция отцовства, неравенство родителей, фактическое родительство, раздельное проживание с ребёнком, презумпция материнства

THE ROLE OF FATHERS IN THE UPBRINGING OF CHILDREN: LEGAL RESPONSES TO CONTEMPORARY CHALLENGES

L. Emelina¹, S. Yavorsky²

¹ *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA)*

Prospekt Vernadskogo 82, Moscow 119602, Russian Federation

² *IT ALLIANCE LLC*

ul. Klimashkina 21, Moscow 123557, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the law enforcement practice of determining the place of residence of a child with one of the parents, to study discriminatory aspects in relation to the rights of separated fathers to participate in the upbringing of a child. To propose ways of improving legislative and judicial mechanisms to ensure equal rights of parents and to protect the interests of children.

Methodology. The article uses the method of comparative analysis of the norms of Russian family legislation, as well as case law. General scientific methods are applied: analysis, synthesis and abstraction. In addition, the legal method of interpretation of legal norms is applied to identify gaps and conflicts in the regulation of relations between parents and children after the dissolution of marriage.

Results. Key problems of law enforcement practice have been identified, including the established presumption of determining the place of residence of the child with the mother, the lack of guarantees of the rights of separated fathers to raise and interact with children, as well as insufficient regulation of cases of relocation of one of the parents. It is concluded that it is necessary to introduce legal mechanisms to ensure the equality of parents in matters of child rearing, regardless of their place of residence.

Research implications. The obtained results can be used for further research in the field of family law, as well as for the development of recommendations to improve the legislation. Practical significance lies in the possibility of applying the conclusions of the article in resolving disputes about the place of residence of the child and the order of communication with him, as well as in increasing the level of protection of the rights of parents and children.

Keywords: discrimination of fathers' rights, father's legal status, presumption of paternity, inequality of parents, de facto parenthood, separation from the child, presumption of maternity

Введение

Понятие «отцовство» упоминается законодателем в Конституции РФ (ч. 1, ст. 72, ч. 2, ст. 7), однако назвать данную категорию атрибутом правовой социальной политики или выделить данное понятие в отдельный правовой институт на сегодняшний день не представляется возможным. Функция отцовства в настоящее время заключается лишь в процессе появления на свет ребёнка, что формирует лишь презумпцию отцовства (ст. 48 СК РФ) и накладывает на отца правовой комплекс обязанностей по его обеспечению и воспитанию. На этом доктринальное постулирование отцовства в отечественной правовой системе исчерпывается.

Отсутствие в Конституции РФ и Семейном кодексе РФ чёткой формулировки дефиниции отцовства создаёт некую идиому. Стоит отметить, что комплекс прав явно смещается в сторону матери ребёнка по вопросу его воспитания и проживания с ним. При этом в значительной степени права отца ущемляются. Такая сложившаяся дискриминационная атмосфера по своей актуальности уступает только отражению данной темы в социологии и психологии, где отсутствуют правовые категории.

Среди триады основных семейных ценностей – «родства», «супружества» и «родительства» – в последнем определении существует некая доктринальная недоска-

занность, несмотря на их имманентную связь с «отцовством», «материнством» и «родительскими правами». Родительство отца провозглашено в ст. 48 СК РФ, при этом оно порождается самой презумпцией брака в исторической преемственности советского законодательства.

Сравнительный анализ зарубежного опыта в обеспечении прав отцов

Наблюдаемая тенденция замены кровного родства социальным и искусственным форматом родительства фактически исключает из правового оборота доктрину отцовства, всё ещё не получившую полноценного признания. Законный статус родителей всё чаще подменяется суррогатными формами: опекой, патронатом или фиктивными связями, – что вступает в противоречие с принципами традиционного семейного права и духовными основами российской культуры¹. В Европе концепция «родительской власти» как совокупности воспитательной и правовой функции сохранилась лишь в отдельных юрисдикциях (например, Италия), тогда как в Германии и Норвегии предпочтение отдано более размытым категориям заботы и ответственности. В условиях потери иерархии в семье и отхода от следования семейным нормам отцовская фигура оказывается функционально размыта и юридически обесценена².

Развитые зарубежные правовые порядки демонстрируют широкий диапазон нормативных и институциональных решений в вопросах участия отцов в жизни ребёнка и регулирования родительской ответственности. Эти подходы обусловлены особенностями социальной политики, уровня право-

вой культуры и исторически сложившейся модели гендерного распределения ролей. Методологическая основа, заложенная в классификацию гендерных режимов (либеральный, социально-демократический и консервативный) в трудах Сейнсбери и Эспинг-Андерсена, позволяет выявить устойчивые закономерности и эффективные практики, способные стать ориентиром для трансформации российской правовой системы в сфере родительства.

Либеральные правовые системы англосаксонского типа, представленные США, Канадой и Великобританией, демонстрируют устойчивую ориентацию на алиментную модель участия отцов в жизни детей, при которой функции заботы и эмоционального взаимодействия вытесняются императивом финансового содержания. Закрепление образа отца как исключительно «добытчика» стало результатом государственной политики, ориентированной на рыночные отношения, где отец рассматривался как объект фискального контроля, а не субъект воспитательной практики. Реформы середины 1990-х гг., в частности принятие в США *Child Support Act*, усилили давление на отцов в части обязательств, но не изменили восприятия их роли в семейной политике. Такая редукция родительской функции к платёжеспособности лишает отцов возможности реализовывать эмоциональные и воспитательные аспекты отцовства, что вступает в противоречие с принципами, закреплёнными в российском праве, особенно в положениях ст.ст. 54 и 66 СК РФ, устанавливающих равное участие родителей в жизни ребёнка независимо от их экономического положения.

В странах Скандинавского региона (Швеция, Норвегия, Финляндия) действует одна из наиболее прогрессивных моделей реализации родительских прав, основанная на идее равного участия обоих родителей как в трудовой, так и в воспитательной сфере. Инструментом гендерной симметрии выступает «папин отпуск», закреплённый в виде обязательной квоты на использование части отпуска по уходу

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

за ребёнком отцом. Это позволило уже в 1994 г. приблизительно 30% мужчин принять участие в уходе за детьми наравне с матерями. Такой подход способствует разрушению устойчивых стереотипов, формирует новое восприятие родительства и реализует подлинную солидарную ответственность. Юридическое оформление постразводной родительской опеки в форме равного участия обоих родителей через механизм «режима двух домов» подтверждает преемственность воспитания и неразрывность родственной связи. Подобные правовые механизмы могут быть адаптированы и в российской практике в рамках модернизации ст.ст. 65 и 66 СК РФ, что обеспечит более сбалансированную защиту интересов ребёнка и родителей.

Консервативные правовые режимы Германии и Франции, сформированные под влиянием семейно-ориентированных ценностей XX в., постепенно трансформируются в направлении большей родительской симметрии. Признание концепта «эмоционального благополучия ребёнка» как юридически значимого критерия дало основания для развития механизмов, направленных на обеспечение общения ребёнка с обоими родителями после развода. В Германии законодательство предоставляет отцам право на отпуск по уходу за ребёнком, однако низкая статистика его применения (менее 20%) обусловлена опасениями потери занятости. Во Франции сохраняется приоритет материнского воспитания в решениях судов, что следует из доктрины «лучших интересов ребёнка», закреплённой в ст. 371-1 ГК. Тем не менее внедрение в 2014 г. института родительского соглашения (*parenting plan*) существенно способствовало упрочнению правового статуса отца и сокращению судебных споров. Имплементация аналогичных механизмов в российское законодательство могла бы стать основой для пересмотра действующей правоприменительной презумпции в пользу более гибкой модели, соответствующей положениям ст.ст. 65 и 66 СК РФ о равенстве родителей в воспитательном процессе.

Российская правовая система имеет потенциал к модернизации института родительства на основе изучения эффективных моделей, апробированных в зарубежных правовых системах. Современная правоприменительная практика в РФ, сохраняющая презумпцию проживания ребёнка с матерью (ст. 65 СК РФ), по своей сути тяготеет к консервативному подходу, однако лишена корректирующих механизмов, таких как гибкие формы родительских отпусков и непередаваемые «отцовские квоты». В целях правового уравнивания родительских функций необходимо:

1) ввести в Трудовой кодекс РФ (ст. 256) институт персонального оплачиваемого отцовского отпуска, аналогичного скандинавским моделям;

2) дополнить положения ст. 66 СК РФ правовым механизмом фактического исполнения решений о порядке общения с ребёнком через службу судебных приставов, а также усилить санкции за их игнорирование;

3) институционализировать медиационные процедуры в семейных спорах по примеру Германии, обеспечив их интеграцию в судебную систему.

Формирование правовой среды, где субъектность отца подкреплена нормативными гарантиями, возможно только при отходе от формального равенства к содержательной модели совместной родительской ответственности. В целом правовое равенство родителей возможно лишь в условиях отказа от биологически ориентированных презумпций и перехода к модели, основанной на оценке фактической вовлечённости, воспитательного потенциала и готовности к взаимодействию в интересах ребёнка.

Лишение отца возможности воспитания ребёнка

При раздельном проживании от своего ребёнка родитель сохраняет право на общение с ним на основании п. 1 ст. 66 СК РФ. Очень важно, чтобы при проявлении заботы отец не наносил вред психическому и физическому здоровью ребёнка.

Реализация родительских прав отца в большинстве случаев напрямую связана с местом жительства ребёнка [9, с. 141]. Сюда относится общение с ребёнком, когда оно проходит рядом с его местом жительства на нейтральной территории¹. Можно также отнести и определение режима прогулок по месту жительства ребёнка², включая возвращение ребёнка в место его проживания³.

Одним из ключевых ограничений прав отца становится ситуация, при которой ребёнок по решению суда остаётся с матерью и вместе с ней меняет место жительства. Закон не регулирует последствия переезда, и фактически это приводит к полному разрыву общения с отцом, особенно если он не может сменить регион. Абзац 2 п. 3 ст. 65 СК РФ не содержит норм, защищающих интересы отца в подобной ситуации, что создаёт правовой вакуум. Судебная перспектива изменить место жительства ребёнка в пользу отца крайне мала – не более 6%⁴.

Позиция ВС РФ не допускает выхода за рамки исковых требований, что исключает возможность компенсировать данное ограничение за счёт расширения прав второго родителя. В результате один из родителей – как правило, мать – получает возможность фактически изолировать ребёнка от другого, включая выезд за границу.

Это приводит к ситуации, при которой отцу остаются лишь номинальные права, ограниченные территорией и временем, а мать может влиять на ребёнка, формируя его негативное отношение к отцу и препятствуя контактам под надуманными предложениями [4, с. 78].

Если в России и существуют родительские права, они серьёзным образом могут быть ограничены или в конечном итоге отобраны. Положение п. 1 ст. 66 СК РФ позволяет отцу ребёнка, несмотря на прекращение брака и заключённые разного рода соглашения, общаться с ним, даже если суд их разлучил. Лишение такого права противоречит действующему законодательству, нарушая при этом права отца на его участие в воспитании ребёнка. Стоит помнить, что любые виды разлучения родителя и ребёнка должны определять только порядок и способ реализации такого права. Следует согласиться с мнением ряда отечественных учёных о том, что общение с ребёнком – это не право его отца, а прямая обязанность. Такие выводы отражены в материалах судебной практики⁵.

Ограничены права отцов и на получение информации о том, в какие кружки, секции или школу ходит их ребёнок. Данные организации, как правило, отказывают отцу в получении такой информации, ссылаясь на конфиденциальность. Стоит отметить, что п. 4 ст. 66 СК РФ обязывает организации предоставлять отцу эту информацию по его запросу. Данная норма закона наделяет такие организации правом квалифицировать факты наличия угрозы для ребёнка в поведении отца, фактически презюмируя такую практику, когда отказы в предоставлении информации мотивируются якобы заботой о ребёнке.

Удивителен и тот факт, что отцу приходится идти в суд, чтобы получить необходимую информацию о своём ребёнке⁶. Судебное оспаривание имеет довольно туманные перспективы для отца. Весьма затруднительны как сама подача иска, так и нежелание отца создавать трудности для своего ребенка в пребывании в данном учреждении, где он находится.

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 по делу № 88-19267/2021 // СПС «Гарант».

² Апелляционное определение Московского городского суда от 16.06.2020 по делу № 33-21049/2020 // СПС «Гарант».

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 26.05.2021 по делу № 33-21095/2021 // СПС «Гарант».

⁴ См.: Разрешение споров о месте жительства ребенка // РИА.RU: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20091005/187586614.html> (дата обращения: 11.11.2024).

⁵ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ». 2012. № 7.

⁶ Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 17.02.2020 по делу № 2-1035/2020 // СПС «Гарант».

Мать ребёнка действительно имеет возможность лишиться бывшего супруга права видеться с ребёнком. Суд может ограничить общение отца с ребёнком при отсутствии: условий для его воспитания и развития, при отсутствии жилищно-бытовых условий у отца для визитов ребёнка, регулярных встреч отца с ребёнком (часто связано с проживанием отца в другом городе или другой стране)¹.

Стоит отметить, что суды часто попадают под влияние некоторых стереотипов, которые в конечном итоге налагают запрет на встречу ребёнка с отцом, если у него к тому времени появилась новая семья. К ним можно отнести такие, как: «жизнь ребёнка на две семьи может служить для него травмой», «у ребёнка будет формироваться неверное представление о семье, доме и родне», «ребёнок должен после встречи с отцом вечером вернуться в дом к месту проживания матери»².

Удивительно, что такие формулировки смогли перекочевать и в решения судов высших инстанций, занимающих «про-материнские» позиции. Это не позволяет отцам жить со своим ребёнком и воспитывать его согласно таким абсолютно абсурдным мотивировкам, взятым порой судами из СМИ. Существует ненаучное мнение, что ребёнок должен приспосабливаться к жизни на 2 дома и это вызовет у него амбивалентность восприятия реальной картины мира³. Однако авторы исследования не могут согласиться с мнением, что отдельно проживающий отец не способен осуществить свои родительские обязанности [1, с. 31].

Следуя логике указанной позиции Верховного Суда РФ, существующий тренд

«папы выходного дня» – одна из причин такой ситуации, и тогда общение детей с отцами и вовсе необходимо прекратить. В то же время международная практика проживания ребёнка в случае разводов родителей на 2 дома, напротив, является позитивной для развития личности ребёнка.

Ещё одним фактором дискриминации отца ребёнка является лишение его родительских прав посредством весьма сомнительного с точки зрения логики закона в аспекте отображения ребёнка (п. 1 ст. 73. СК РФ), с которым отец фактически не проживает. При этом недобросовестный родитель обосновывает такую позицию отсутствием общения ребёнка с отцом, фактически при этом создавая отцу и ребёнку проблемы с организацией встреч («ребёнок болеет», «задали много уроков», «пришли гости», «ребёнок не хочет тебя видеть» и т. д.) или настраивая ребёнка против отца, формируя нежелание с ним общаться [7, с. 5]. В этом отношении мы согласны с мнением, что необходимо ввести в кодекс понятие пределов осуществления семейных прав, являющееся парной категорией существующих «свобод» [10, с. 659].

Положительным является тот аспект, что процент подобных выигранных дел невысок. При этом настораживает факт, что, как только родители начинают проживать раздельно, то один из родителей, проживающий вместе с ребёнком, получает права его законного представителя и тем самым становится его воспитателем. Второй же родитель получает только право на общение с ребёнком, которого в дальнейшем можно лишиться согласно ст. 69 (лишение родительских прав), ст. 73 (ограничение прав родителя), ст. 77 (отобрание ребёнка) СК РФ по иногда искусственно созданной причине – противоречия поведения отца интересам ребёнка (п. 1 ст. 65 СК РФ).

Безусловно, право отца общаться со своим ребёнком не может быть предметом судебного рассмотрения, если такой отец не лишён родительских прав. Однако ст. 66 СК РФ не подразумевает иных, более мягких способов ограничений прав отца, как, например, ограничения количества встреч

¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

² Решение Зеленогорского городского суда Красноярского края от 14.07.2020 № 2-760/2020 // СПС Консультант Плюс.

³ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.01.2019 № 18-КГ18-223 // СПС Консультант Плюс; Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3.12.2019 № 18-КГ19-125 // СПС Консультант Плюс.

с ребёнком. Таким образом, позиция абз. 4 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10¹ выглядит как незаконная и в какой-то степени унижительная для отца ребёнка.

В подобных случаях злоупотребляющая своими правами мать опирается на норму абз. 2 п. 1 ст. 66 СК РФ и формирует необоснованное негативное отношение ребёнка к отцу, оправдывая это тем, что якобы отец причиняет своим поведением физический и психический вред его здоровью. Такая констатация факта находится, к сожалению, в фактической власти матери ребёнка и в поле правовой неопределённости данного вопроса.

Индивидуализация родительских ролей

Мы убеждены, что семья по своему замыслу и правовой доктрине уже не является тандемом между двумя кровными родителями. Кровных родителей сменяют социальные отцы или даже матери, которые осуществляют фактическое родительство с вытекающими негативными последствиями для ребёнка.

Что же будет являться правовым трендом для отечественного законодателя на ближайшем временном этапе: фактическое или естественное «родительство», фактическое или естественное «воспитательство», – нам остаётся только догадываться. Какова при этом будет роль биологического отца, останется ли он в праве обладать «родительской властью» и правом проживать со своим ребёнком для осуществления им своих конституционных обязанностей, связанных с его воспитанием и заботой о нём, тоже пока не известно.

Любое переформатирование и добавление к формуле семьи интенции «фактический» имплицитно в семью как в «союз исключительно мужчины и женщины» [3, с. 100] третье лицо, которое, по мнению

зарубежных и отечественного законодателей, защитит, согласно Конвенции, «наилучшие интересы ребёнка»².

Ясно одно, что единообразие представлений о семье постепенно вытесняется их многообразием. Это может негативно сказаться на воспитании будущих поколений, рискующих оказаться в окружении заменяемых родителей и заменяемых детей. Такое воззрение сегодня звучит сардонически, однако напоминает явно приближающийся эсхатологический финал национальной идентичности.

Современная тенденция борьбы родителей за право воспитывать ребёнка и проживать с ним после развода идёт вразрез не только с фундаментальными основами семейного права, но и с основными ценностями нашего государства, выраженными в Указе Президента № 809 от 2022 г.³.

Наблюдается отход от традиционной парадигмы «мужчина – добытчик» в сторону модели «мужчина – совоспитатель». Всё чаще суды передают опеку отцам, что ослабляет влияние прежней презумпции преимущественного проживания с матерью. Однако распределение родительской ответственности между бывшими супругами по-прежнему остаётся нерешённой задачей.

При этом право на опеку зачастую рассматривается как способ получить исключительный контроль над проживанием и воспитанием ребёнка, смещая фокус с его интересов на личное соперничество родителей. Родитель, не получивший право опеки, вынужден компенсировать расходы на содержание ребёнка преимущественно финансово, что ещё больше усиливает правовую дисбаланс между сторонами.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. 1998. № 110.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

Институциональные ограничения и кризис родительских прав

Стоит отметить, что у судов отсутствуют институциональные возможности выбрать того родителя, кто в большей степени по сравнению с другим родителем готов проживать и воспитывать ребёнка. В равной степени не представляется возможным выявить суду того родителя, кто не готов или не желает выполнять свои обязанности по воспитанию ребёнка. Причина такой неопределённости кроется, по-видимому, в размытых границах перевоплощения изначально добросовестных намерений одного из родителей, превращающихся в последующем в желание отстраниться от процесса воспитания ребёнка, а то и вовсе откупиться от него алиментами, забывая об ответственности за его воспитание.

В связи с этим сохранение статуса отца и матери как субъектов воспитания и заботы о своих детях не может терпеть присутствие чуждых российской культуре и идентичности западных форм подмены родительской заботы на «фактическое родительство» и «фактическое воспитание». Природой таких деструктивных реформаций можно считать Гаагскую конвенцию 1961 г.¹, которая стёрла грани национальных и культурных идентичностей в аспекте воспитания детей и открыто заявила о законной возможности разлучения биологических родителей со своими детьми. В результате таких трансформаций создаются «фактические дети», которые в будущем не смогут обрести душевную и нравственную зрелость. Разрушающиеся при этом родственные связи формируют только потребительский взгляд на жизнь у детей в отношении своих родителей, лишая всех участников таких трансформаций ощущения тепла и семейственности. Отмечается, что понятие социального родства набирает обороты и в отечественном праве [5, с. 216].

Мы небезосновательно считаем, что местом воспитания ребёнка должна быть полноценная семья, а не один из родителей, который может негативно воздействовать на его психику своими эмоциональными обидами на второго супруга. Семейные ценности, заложенные в доктрину традиционной семьи², не подразумевают рождения ребёнка с последующим его проживанием с одним родителем. Семейный кодекс РФ, устанавливающий исчерпывающий объём прав для несовершеннолетних детей, на практике не создаёт их реального благополучия [2, с. 142].

Ребёнок должен воспитываться в не травмирующей его обстановке. При неспособности родителей создать необходимые условия для воспитания и развития своего ребёнка, такую задачу должны выполнить усыновители, попечители или опекуны (п. 1 ст. 155.1 СК РФ). В такой конструкции родительского правопреемства должны быть лица обоих полов одновременно, которые смогут выполнить роль отца и матери по отношению к ребёнку. Такое положение не будет прекращать прав биологических родителей, даже если ребёнок начинает проживать отдельно от них (п. 2 ст. 155.1 СК РФ). При распаде семьи, по нашему мнению, должно прекратиться и воспитание ребёнка любым родителем в отсутствии другого.

Существующая правовая доктрина отобрания ребёнка (ст. 68 и п. 2 ст. 79 СК РФ) заявляет, что при несоответствии интересам ребёнка и условиям его жизни, суд имеет право не возвращать ребёнка родителям [6, с. 28].

При этом ребёнок не лишается права на общение со своими родителями, даже если их брак расторгнут (ст. 55 СК РФ). Кроме того, и сами родители сохраняют своё право на общение с ним (ст. 66 СК РФ). Согласно ст. 77 СК РФ ребёнок может быть

¹ Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 05.10.1961) (вступила в силу для России 31.05.1992) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

отобран у обоих родителей, если причиняется вред его здоровью.

Как мы знаем, вред здоровью приносит не только физическая, но и психологическая боль. К нашему сожалению, законодатель не может заставить или обязать родителей жить с ребёнком общей семьей до 10-летнего возраста, когда тот сможет выразить мнение относительно выбора родителя для совместного проживания с ним (ст. 57 СК РФ). Это право на свободу выбора не должно быть ограничено согласно ст. 22 Конституции РФ. Стоит отметить, что конституционное право ребёнка на детство и семью закреплено и в ст. 38. Тогда не совсем понятно, почему право ребёнка до достижения им 10-летнего возраста жить в полноценной семье, не защищено запретом на развод супругов.

Заключение

Возлагая на родителей права по воспитанию детей (ст. 63 СК РФ) и признавая права детей на получение воспитания и заботу (ст. 54 СК РФ), законодатель создал ряд условий, при которых ярко выражен дисбаланс участия обоих родителей в жизни ребёнка. Устоявшееся в судебной практике преимущественное право матерей на проживание с детьми отодвинуло право отцов на участие в их жизни и воспитании. Данный аспект очень важен в формировании полноценной личности ребёнка.

Можно сделать вывод, что сложилась презумпция места жительства ребёнка с его матерью. Это дискредитирует правосудие. Такое явление способно разрушить счастье самого ребёнка, и нарушаются принципы вмешательства в семейные отношения. Эта проблема обсуждается в «Концепции государственной семейной политики» на период до 2025 г.¹ Само разлучение ребёнка с одним из родителей может ущемлять его права на заботу и воспитание. Кроме того, это влечёт за собой

утрату межличностных отношений как для самого ребёнка, так и для его отца. В данном вопросе законодатель на предоставил юридических гарантий на общение отца со своим ребёнком практически до наступления его совершеннолетия, переложив эту ответственность на судебную систему и сложившуюся правоприменительную практику.

В настоящее время вряд ли можно говорить о формировании института отцовства в полном его смысле. Негативным образом на ситуацию влияет наличие сожительства мужчины и женщины без заключения брака, который устанавливает в будущем как права, так и обязанности родителей в отношении их детей. Сожительство практически формирует предпосылки к отсутствию родного отца в жизни ребёнка. В настоящее время уже идёт полемика относительно передачи сожительствующей паре семейной правосубъектности, с чем ряд видных учёных – Ю. А. Гаспарян, Е. В. Ерохина, О. Ю. Ильина, А. В. Ковалева, В. Н. Чурсина – категорически не согласны [8, с. 122]. Кроме того, при сожительстве нарушаются и правовые интересы и взаимосвязи между государством в аспекте социального предназначения мужчины и женщины.

В связи с этим мы видим такое решение данной проблемы, как передачу ребёнка при разводе родителей в полноценную семью родственникам, опекунам (ст.ст. 123 и 155.1 СК РФ). Именно такой подход, по нашему мнению, может сохранить ребёнку психологическое здоровье и значительно снизить количество разводов в России, т. к. восстановление всех прав отцов, проживающих отдельно от своих детей, не сформирует комфортной среды для роста и развития ребёнка, когда отец проживает отдельно от него.

Материалы данной статьи прошли апробацию при выступлении авторов в научно-практической конференции «Обеспечение интересов детей в современном обществе», проведённой Государственным университетом просвещения 20 ноября 2024 г. В ходе дискуссии было высказано мнение

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. С. 4811.

о том, что кроме существующей государственной компенсации за потерю кормильца необходимо ввести ежегодную компенсацию за наличие кормильца в семье с целью сохранения традиционной семьи в России, сделав брак наиболее привлекательной формой отношений между мужчиной и женщиной.

Данное исследование акцентирует внимание на актуальной проблеме дискриминации прав отцов в семейном праве России, раскрывая сложившуюся презумпцию преимущественного проживания ребенка с матерью. Это не только ущемляет права отцов, но и создаёт существенный правовой дисбаланс, отрицательно влияющий на психологическое и социальное

развитие детей. Авторы усматривают недостаточность законодательных гарантий для отдельно проживающих отцов в вопросах воспитания и взаимодействия с детьми, а также отсутствие эффективных механизмов судебной защиты их интересов. Актуальность рассмотренной проблемы заключается в необходимости формирования равноправного подхода к распределению родительских прав и обязанностей, что имеет значение не только для совершенствования правоприменительной практики, но и для укрепления базовых семейных ценностей в российском обществе.

Статья поступила в редакцию 19.01.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринева А. В. О трансформации семейного правоотношения при расторжении брака родителей: к вопросу о балансе интересов субъектов правоотношения по воспитанию ребенка // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 30–36.
2. Емелина Л. А., Яворский С. А. Актуальные проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних // Детство – территория безопасности: сб. конф. М., 2023. С. 142–145.
3. Емелина Л. А. Семейная парадигма эволюционного процесса российского общества: опыт историко-правового исследования // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 100–107.
4. Зыков С. В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 75–83.
5. Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 208–238.
6. Косова О. Ю. Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 22–32.
7. Максимович Л. Б. Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 4–6.
8. Михайлова И. А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 8. С. 119–129.
9. Надин И. Н. Проблемы судопроизводства по делам о расторжении брака при наличии споров о детях // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 8. С. 135–147.
10. Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 658–682.

REFERENCES

1. Grineva A. V. [On the transformation of the family legal relationship at the dissolution of the parents' marriage: to the question of the balance of interests of the subjects of the legal relationship on the upbringing of the child]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 2, pp. 30–36.
2. Emelina L. A., Yavorsky S. A. [Current problems of protecting the housing rights of minors]. In: *Detstvo – territoriya bezopasnosti* [Childhood – the territory of safety]. Moscow, Saratov Spring IDP Center Publ., 2023, pp. 142–145.
3. Emelina L. A. [The Family Paradigm of the Evolutionary Process of Russian Society: Experience

- of Historical and Legal Research]. In: *Garmonizaciya chastnyh i publicnyh interesov v semejnom prave Rossijskoj Federacii* [Harmonization of private and public interests in family law of the Russian Federation]. Moscow, UNITI-DANA Publ., 2023, pp. 100–107.
4. Zykov S. V. [Parental rights to determine the place of residence of the child and the order of communication with him/her: problems of theory and practice] In: *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Topical problems of Russian law], 2022, vol. 17, no. 3, pp. 75–83.
 5. Komissarova E. G. [The doctrine of direct (de facto) parenthood in Russian and foreign family law]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2022, no. 56, pp. 208–238.
 6. Kosova O. Y. [Separation of parents and children in the aspect of realization of the right to upbringing]. In: *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 8, pp. 22–32.
 7. Maksimovich L. B. [The right of the child to express his or her opinion: content and boundaries] In: *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* [Family and housing law], 2018, no. 6, pp. 4–6.
 8. Mihajlova I. A. [Gender inequality in the marriage and family sphere: forms of manifestation and opportunities for overcoming it]. In: *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 8, pp. 119–129.
 9. Nadin I. N. [Problems of court proceedings in cases of divorce in the presence of disputes about children]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2022, vol. 26, no. 8, pp. 135–147.
 10. Ulyanova M. V. [Limits on the exercise of family rights]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2022, no. 58, pp. 658–682.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емелина Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

e-mail: urconsul1@yandex.ru

Яворский Сергей Анатольевич – юрист в ООО «ИТ АЛЪЯНС»;

e-mail: 491899@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА);

e-mail: urconsul1@yandex.ru

Sergey A. Yavorsky – lawyer of the IT ALLIANCE LLC;

e-mail: 491899@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Емелина Л. А., Яворский С. А. Роль отцов в воспитании детей: правовые ответы на современные вызовы // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 31–41.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-31-41

FOR CITATION

Emelina L. A., Yavorsky S. A. The Role of Fathers in the Upbringing of Children: Legal Responses to Contemporary Challenges. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 31–41.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-31-41

УДК: 347.78.01

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-42-49

ПРОБЛЕМЫ ЛИЦЕНЗИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ И ОНЛАЙН-ПИРАТСТВА В ОБЛАСТИ ОНЛАЙН КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Зверев М. О.

*Российская государственная академия интеллектуальной собственности
117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обзор отдельных проблем, существующих в индустрии компьютерных игр, и рассмотрение предложений по их преодолению.

Процедура и методы. Базовыми научными методами явились: анализ и гипотеза. Так был произведён анализ существующих локальных нормативных актов к онлайн компьютерным играм жанра массовой многопользовательской ролевой онлайн-игры или ММОРПГ (англ. *massively multiplayer online role-playing game*, *MMORPG*) для выявления проблем нормативного регулирования, а также действующего законодательства в части определения наличия эффективных механизмов при разрешении выявленных проблем. Метод гипотез применён в части разработки ряда предложений по улучшению регулирования проблемных отношений.

Результаты. Сделан вывод о наличии системных проблем в области лицензионных соглашений к компьютерным играм. Так, в сегодняшних реалиях они обеспечивают интересы лишь одной стороны – производителя, попирая другую, что не может считаться верным. Даны предложения по созданию типовых правил составления лицензионных соглашений, либо созданию конструктора лицензионных соглашений, учитывающих интересы каждой из сторон. Определено, что в качестве ответа на нарушения прав пользователей появились множество неавторизованных аналогов компьютерных игр. Для нормализации ситуации предложены 2 пути решения проблемы: учёт интересов и потребностей пользователей через создание конструктора лицензионных соглашений, что необходимо для сознательного отказа пользователей от пиратства; создание комплекса административных мер, направленных на принудительное снижение удельного числа нарушений интеллектуальных прав в интернете.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены основные правовые проблемы области компьютерных игр, разработаны предложения по их преодолению.

Ключевые слова: авторское право, компьютерная игра, лицензионное соглашение, пиратство, MMORPG

THE PROBLEMS OF LICENSING AGREEMENTS AND ONLINE PIRACY IN THE FIELD OF ONLINE COMPUTER GAMES

M. Zverev

*Russian State Academy of Intellectual Property
ul. Miklukho-Maklaya 55A, Moscow 117279, Russian Federation*

Abstract

Aim. An overview of individual problems existing in the computer game industry and consideration of proposals to overcome them.

Methodology. The basic scientific methods were: analysis and hypothesis. Thus, an analysis of existing local regulations for online computer games of the MMORPG genre was carried out to identify regulatory problems, as well as current legislation in terms of determining the availability of effective

mechanisms for resolving identified problems. The hypothesis method has been applied in terms of developing a number of proposals to improve the regulation of problematic relations.

Results. It is concluded that there are systemic problems in the field of licensing agreements for computer games. So, in today's realities, they ensure the interests of only one side – the manufacturer, trampling on the other, which cannot be considered true. Proposals are given to create standard rules for drafting license agreements, or to create a license agreement designer that takes into account the interests of each of the parties. It is determined that as a response to violations of user rights, many unauthorized analogues of computer games have appeared, and a trend towards their popularization has been determined. To normalize the situation, two ways to solve the problem are proposed: the first, as a priority, to take into account the interests and needs of users through the creation of a license agreement constructor, which is necessary for the conscious refusal of users from piracy, the second is to create a set of administrative measures aimed at forcibly reducing the proportion of intellectual property violations on the Internet.

Research implications. Identifying the main legal problems in the field of computer games and developing proposals to overcome them.

Keywords: copyright, computer game, license agreement, piracy, MMORPG

Введение

Индустрия онлайн компьютерных игр сегодня претерпевает значительные существенные изменения, связанные с цифровизацией многих сфер общественной жизни, глобальной эволюцией сети Интернет и изменением потребностей участников игры. Изначально потребности пользователей были ограниченными и сводились к развлечению, а сами игры не обладали широким функционалом, который сегодня позволяет пользователям осуществлять творческую деятельность. Однако в последнее десятилетие проявилась тенденция к смещению доминантной мотивации игроков в сторону извлечения дохода [12, р. 77].

Конфликт интересов между правообладателями и пользователями онлайн компьютерных игр возникает в связи с несоответствием правового регулирования, создаваемого пользователями контента. В процессе взаимодействия с игровой средой пользователи часто создают объекты интеллектуальной собственности, в т. ч. уникальные внутриигровые элементы: объекты дизайна, произведения литературы, искусства и др. Однако условия лицензионных соглашений онлайн компьютерных игр зачастую содержат положения, исключающие возможность возникновения исключительных и личных прав у пользователей и одновременно требующие безвозмездно-

го их отчуждения в пользу правообладателя игры. Подобные условия ограничивают возможность авторов контента распоряжаться результатами своей интеллектуальной деятельности, что противоречит принципам справедливого баланса интересов, закреплённым, в частности, в нормах ч. 4 Гражданского кодекса РФ.

Стремление пользователей к монетизации создаваемого контента обусловлено его объективной коммерческой ценностью. В условиях существования и успешного развития внутриигровых экономических систем произведения пользователей приобретают самостоятельную рыночную стоимость, а отсутствие правовых механизмов распределения доходов приводит к нарушению имущественных интересов пользователей. Это, в свою очередь, способствует росту числа споров и увеличению случаев использования неофициальных платформ, где участники игровых отношений пытаются реализовать свои права вне правового поля.

При этом тренд изменения потребностей игровых сообществ (с развлекательных на экономические) не был поддержан производителями игр, что выражается в закреплении в лицензионных соглашениях ряда юридических и психологических барьеров, направленных на минимизацию риска судебных тяжб с пользователями [5, с. 94–104], а сложившаяся судебная практика

свидетельствует о непонимании правоприменительными органами сущности данных отношений, что влечёт невозможность защиты пользователями своих прав¹. В частности, лицензионное соглашение к онлайн компьютерной игре World of Warcraft² содержит противозаконные условия, ограничивающие права пользователей на судебную защиту, а также условия, направленные на ограничение личных (неимущественных) прав авторов. Указанная совокупность обстоятельств привела к повсеместному распространению «пиратства».

В свою очередь, пользователи в качестве ответа на необоснованные действия производителей онлайн компьютерных игр: ограничение гражданских, в т. ч. интеллектуальных прав, блокирование игровых аккаунтов без объяснения причин – создают аналоги игровых продуктов, что приводит к снижению популярности официальных игровых площадок и повышению спроса к неавторизованным. При этом отсутствие эффективных средств обеспечения интеллектуальных прав производителей игр в сети Интернет дополнительно подчёркивает актуальность выбранной темы.

Проблемы лицензионных соглашений к компьютерным играм

Сегодня правоотношения между производителями и пользователями игр строятся в рамках власти и подчинения, что приводит к системному злоупотреблению доминирующим положением и недобросовестным действиям со стороны владельцев игр [4, с. 56]. Подтверждение данных фактов может быть найдено, как в актах правоприменения³, мнениях исследовате-

лей [7, с. 712], так и в реальных действиях направленных на необоснованное ущемление прав пользователей посредством лицензионных соглашений к онлайн-играм. Для достижения такого результата используются всевозможные юридические и психологические конструкции, а именно:

- использование в лицензионных соглашениях положений, которые должны быть признаны ничтожными, ввиду прямого противоречия действующему законодательству, а также сложных юридических конструкций (дробление лицензионных соглашений на несколько нормативных актов, связанных бланкетными нормами, внутренние противоречия по некоторым положениям и др.)⁴;

- использование в лицензионных соглашениях условий, направленных на создание психологических барьеров – создание у пользователей понимания о невозможности, дороговизне обжалования действий владельца игры⁵.

Ввиду указанного сложилась объективная необходимость урегулировать данные правоотношения путём создания типовых лицензионных соглашений, содержащих недискриминационные условия, отвечающие интересам каждой из сторон.

Первый блок лицензионных соглашений обычно посвящён распределению прав и обязанностей сторон, которые не всегда могут быть справедливыми и зачастую склоняются к обязыванию пользователей и управомочиванию производителя, иными словами, создания структуры власти и подчинения [10, с. 118]. При этом производители злоупотребляют своим положением составителя договора присоединения и включают в него ничтожные условия, к примеру, односторонне обязывающие пользователя отказаться от своих интеллектуальных прав, как

¹ Решение Чертановского районного суда города Москвы от 11.01.2018 по делу № 02-4488/2018, Решение Савёловского районного суда г. Москвы от 03.07.2018 по делу № 02-3433/2018.

² Лицензионное соглашение к онлайн компьютерной игре World of Warcraft [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blizzard.com/en-us/legal/fba4d00f-c7e4-4883-b8b9-1b4500a402ea/blizzard-end-user-license-agreement> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Bragg vs. Linden Research, Inc. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://casetext.com/case/bragg-v-linden-research> (дата обращения: 04.06.2024).

⁴ Лицензионное соглашение к Albion online [Электронный ресурс]. URL: <https://albiononline.com/consumer-information> (дата обращения: 04.06.2024).

⁵ Лицензионное соглашение к World of Warcraft [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blizzard.com/en-us/legal/fba4d00f-c7e4-4883-b8b9-1b4500a402ea/blizzard-end-user-license-agreement> (дата обращения: 04.06.2024).

исключительных, так и личных¹. Более того, такие условия часто логически противоречат другим положениям лицензионного соглашения, запрещающим пользователям создавать объекты интеллектуальных прав вовсе: «Лицензиат не вправе изменять или создавать какие-либо производные продукты на основе Игры или любого её элемента»² – и одновременно поощряющим действиям производителя игры к созданию пользователями производных произведений [2, с. 137].

Положения об интеллектуальной собственности составляют отдельный раздел лицензионных соглашений. В нём определяется, что лицензиару принадлежат интеллектуальные права на игру и её составные элементы, а также на любые иные объекты, созданные производителем или пользователем в будущем³. При этом информация об интеллектуальных правах пользователя либо отсутствует, либо сводится к его принуждению отказываться от всех прав на созданный объект, в т. ч. и от личных. Указанное делает данный раздел лицензионного соглашения незаконным, прямо нарушающим п. 2 ст. 1228 ГК РФ⁴, противоречащим основным принципам права интеллектуальной собственности в части прав пользователей.

Порядок разрешения споров – одна из ключевых глав лицензионного соглашения, определяющая порядок предъявления претензий, а также налагающая дополнительные обязанности на стороны в части урегулирования разногласий, зачастую является абсолютно незаконной и имеет единственную цель – создание психологических барьеров для пользователей

и снижение удельного числа судебных производств [11, с. 44]. В частности, в ряде лицензионных соглашений содержатся обязательства по направлению досудебных претензий, обязательного арбитража, ограничений срока подачи искового заявления в суд, а также ограничений на подачу коллективных исков. Указанное показывает несостоятельность данной главы лицензионных соглашений, требующей существенных доработок.

В качестве типовых примеров рассмотренных выше конструкций можно привести лицензионные соглашения к играм: *Linage II*, *World of Warcraft* – положения которых были подробно рассмотрены А. В. Кузьминой и Е. А. Ломакиной [8, с. 124]. При этом один лишь факт создания доминирующих условий над более слабой стороной договора может быть достаточен для признания действий составителя недобросовестными (процедурный порок и порок по существу условий) [5, с. 100] и повлечь гражданскую ответственность [3, с. 46].

Для изменения сложившейся ситуации предлагается типизировать положения в рамках универсальных правил составления лицензионных соглашений к онлайн-играм или конструктора лицензионных соглашений, а также установить запрет на создание условий, потенциально ограничивающих права пользователя, предоставленные в соответствии с действующим законодательством и дающие производителю игры неограниченные права на применение против пользователей санкций без разъяснения причин. При этом универсальные правила подразумевают под собой рекомендации по составлению каждого блока лицензионного соглашения с обозначенными ограничениями и запретами для недопущения возможного умаления прав лицензиатов. Конструктор лицензионных соглашений, по аналогии с лицензионным соглашением ООН по программному обеспечению⁵, является комплексом

¹ Лицензионное соглашение к игре *ArcheAge* [Электронный ресурс]. URL: <https://archeage.ru/documents/> (дата обращения: 04.06.2024).

² Лицензионное соглашение к игре *Linage II* [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.4game.com/legal/lineage2essence/249/> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Лицензионное соглашение к игре *Linage II* [Электронный ресурс]. URL: <https://account.elderscrollsonline.com/ru/eula> (дата обращения: 04.06.2024).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Ч. 4 // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

⁵ UNITED NATIONS SOFTWARE LICENCE AGREEMENT [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/docs/UNITED_NATIONS_

готовых условий, опционально изменяющихся под установленные производителем специальные критерии и цели онлайн-игры. Важным является то, что конструктор лицензионных соглашений исключит возможность возникновения неравенства сторон, в равной степени обеспечит права и законные интересы участников игры, а также сделает договорную обязанку правоотношений более прозрачной и понятной для каждой стороны.

Проблемы интернет-пиратства и способы борьбы с ним

Феномен пиратства [1, с. 30] в среде онлайн компьютерных игр возник и получил распространение в связи с систематическими нарушениями прав пользователей: создание комплекса кабальных условий лицензионных соглашений, ограничивающих гражданские, в т. ч. интеллектуальные, права пользователей; самоуправство производителей игр (немотивированная блокировка игровых аккаунтов пользователей, в т. ч. пользователей, нарушающих противозаконные условия лицензионных соглашений), а также ввиду неудовлетворения потребностей лицензиатов в заработке [2, с. 143]. Сегодня ситуация на рынке показывает, что практически у каждой онлайн-игры можно обнаружить неавторизованный аналог, пользующийся спросом. При этом существующее правовое регулирование не предоставляет эффективных способов борьбы с пиратством, способных реально восстановить права производителей компьютерных игр, что подтверждается многочисленными исследованиями [9, с. 55] и разработками [6, с. 82–83], а также увеличением количества пиратских ресурсов¹.

SOFTWARE_LICENCE_AGREEMENT2015.pdf (дата обращения: 04.06.2024).

¹ Россия вошла в тройку стран – потребителей пиратского трафика // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/504010-rossia-vosla-v-trojku-stran-potrebitel-j-piratskogo-trafika> (дата обращения: 04.06.2024); Доля пиратства в игровой индустрии России достигла 70% в 2022 году // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/493125-dola-piratsstva-v-igrovoj-industrii-rossii-dostigla-70-v-2022-godu> (дата обращения: 04.06.2024).

Указанную проблему можно разрешить 2 путями, где первый, наиболее предпочтительный, направлен на устранение первопричины пиратства – многочисленных нарушений прав пользователей в лицензионных соглашениях и фактического самоуправления производителей игр. Создание прозрачных и независимо составленных лицензионных соглашений, в т. ч. посредством конструктора. При этом важность данного пути состоит в том, что уменьшение нарушений исключительных прав производителей на компьютерные игры связано с осознанным снижением спроса на пиратские продукты и увеличением на авторизованные, а не с созданием новых юридических и фактических препятствий, которые в будущем могут быть преодолены нарушителями.

Второй путь, напротив, является односторонним и связан исключительно с разработкой комплекса административных и правовых средств, направленных на борьбу с самим фактом создания пиратских ресурсов. Для его реализации можно предложить несколько средств, потенциально способных в долгосрочной перспективе снизить масштаб распространения пиратства:

1) *создание единого государственного реестра владельцев сайтов и доменных имен*, который носит информативный характер, упрощающий процедуру идентификации владельцев соответствующих неавторизованных ресурсов, что необходимо для осуществления административных процедур, описанных далее;

2) *создание в рамках Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций комиссии* и наделения её полномочиями по рассмотрению дел, в т. ч. без вызова сторон, связанных с нарушением интеллектуальных прав в сети Интернет, с возможностью последующего обжалования решения в суде и блокировке сайта / домена нарушителя в течение суток после поступления заявления. Важно отметить, что действия, предусмотренные настоящим пунктом, могут быть осу-

ществлены при предоставлении заявителем следующих документов, объективно свидетельствующих о нарушении права: документа, подтверждающего принадлежность исключительного права заявителю (свидетельство федеральной службы по интеллектуальной собственности, лицензионный договор, договор об отчуждении исключительного права и иные документы); нотариальных протоколов осмотра сайта правообладателя и владельца пиратского ресурса, выписки из единого реестра владельцев сайтов и доменных имен, доверенности, если заявление подаётся представителем. В случае отсутствия данных документов правообладатели вправе обратиться в судебные органы с иском о применении динамической блокировки ресурсов нарушителя;

3) *имплементация «динамической» блокировки сайтов нарушителя*, а также всех аффилированных с ним лиц в отечественное законодательство. Его правовое регулирование подробно описано в Директиве Европейского союза об электронной коммерции¹ и сводится к следующему: интернет-провайдер обязан содействовать в пресечении нарушения прав в соответствии с национальными законами, однако он не обязан осуществлять активный мониторинг всего массива информации. В случае принятия компетентным органом решения об ограничении доступа к интернет-ресурсу нарушителя провайдер обязан оказать содействие в блокировании доступа к сайтам и иным аффилированным доменам или IP-адресам. Важно, что такие решения носят временный характер, т. е. обязывают провайдера осуществлять блокировку в определённый временной промежуток. При этом, адаптируя данный механизм к российской правовой системе, стоит рассмотреть вопрос динамической блокировки на основании решения, опи-

санного выше административного органа, что делает его более эффективным.

Заключение

Были рассмотрены актуальные проблемы, возникающие в области онлайн компьютерных игр, к их числу относятся: проблемы лицензионных соглашений и онлайн-пиратства в сети Интернет.

Сегодня лицензионные соглашения представлены в форме своеобразно составленного производителем игры локального акта, который в полной мере не соответствует национальным и международным правовым нормам. Некоторые положения и условия лицензионных соглашений MMORPG вряд ли будут поддержаны судом или третьей стороной в случае возникновения спора. Например, может быть установлено, что какой-либо пункт лицензионного соглашения противоречит действующему законодательству или сложившейся правоприменительной практике. При этом создание универсальных правил или конструктора лицензионных соглашений может упразднить незаконные нормы и полностью обеспечить потребности сторон игрового процесса.

Другая проблема заключается в том, что незаконные действия правообладателей, направленные на создание тяжёлых для лицензиатов условий, популяризируют пиратство и увеличивают отток пользователей на неавторизованные сервера, тем самым понижая экономическую ценность легальных игр. В сложившейся право-экономической ситуации самым эффективным выходом явилось устранение первопричины пиратства – незаконных и тяжёлых условий лицензионных соглашений официальных игр. В противном случае единственным способом нормализации ситуации останется создание целого комплекса административных мер, учитывающего интересы лишь одной стороны, что в полной мере не может считаться удовлетворительным.

Статья поступила в редакцию 18.02.2024.

¹ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) (дата обращения: 04.06.2024).

ЛИТЕРАТУРА

1. Близнец И. А. Тенденции развития интернет-пиратства в России // Международный правовой курьер. 2014. № 1. С. 30–32.
2. Будник Р. А., Зверев М. О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 126–147.
3. Вольфсон В. Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. М: Проспект, 2023. 120 с.
4. Данилов И. С. Game over: серьезный вопрос о роли права в мире видеоигр // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 53–58. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-1-53-58
5. Зверев М. О. Правовой анализ лицензионных соглашений к MMORPG // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 48. № 1. С. 94–104. DOI: 10.17323/tis.2024.19826.
6. Кузьмина А. С. Блокировка сайтов за нарушения авторских прав в России: обзор основных проблем применения антипиратского закона // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2. Т. 28. С. 75–83.
7. Кузьмина А. В. Формирование доктрины защиты слабой стороны в договорном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 698–727.
8. Кузьмина А. В., Ломакина Е. А. Защита слабой стороны от навязывания несправедливых условий договора, заключаемого в сети Интернет // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 121–129.
9. Мурашова С. В., Патров С. Р. Актуальные проблемы защиты авторских и смежных прав в условиях цифровой экономики // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 5. Т. 94. С. 54–57.
10. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Юрайт, 2021. 241 с.
11. Церковников М. А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. 2021. № 9. С. 4–47.
12. Luton W. Free-to-play: Making money from games you give away. New Riders, 2013. 216 p.

REFERENCES

1. Bliznets I. A. [Trends in the Development of Internet Piracy in Russia]. In: *Mezhdunarodnyy pravovoy kuryer* [International Legal Courier], 2014, no. 1, pp. 30–32.
2. Budnik R. A., Zverev M. O. [Intellectual Rights of Gamers]. In: *Zakon* [Law], 2022, no. 7, pp. 126–147.
3. Wolfson V. L. *Nedobrosovestnost kak diagnoz zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom* [Bad Faith as a Diagnosis of Abuse of Subjective Civil Right]. Moscow, Prospect Publ., 2023. 120 p.
4. Danilov I. S. [Game Over: A Serious Question about the Role of Law in the World of Video Games]. In: *Predprinimatelskoye pravo* [Entrepreneurial Law], 2021, no. 1, pp. 53–58. DOI: 10.18572/1999-4788-2021-1-53-58
5. Zverev M. O. [Legal analysis of license agreements for MMORPG]. In: *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti* [Works on Intellectual Property], 2024, vol. 48, no. 1, pp. 94–104. DOI: 10.17323/tis.2024.19826.
6. Kuzmina A. S. [Blocking websites for copyright infringement in Russia: an overview of the main problems of applying the anti-piracy law]. In: *Zhurnal suda po intellektualnym pravam* [Journal of the Court on Intellectual Rights], 2020, no. 2, vol. 28, pp. 75–83.
7. Kuzmina A. V. [Formation of the doctrine of protection of the weaker party in contract law]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Perm University. Legal sciences], 2019, no. 4, pp. 698–727.
8. Kuzmina A. V., Lomakina E. A. [Protection of the weaker party from the imposition of unfair terms of an agreement concluded on the Internet]. In: *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Law Journal], 2022, no. 4, pp. 121–129.
9. Murashova S. V., Patrov S. R. [Actual problems of protecting copyright and related rights in the digital economy]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2021, no. 5, vol. 94, pp. 54–57.
10. Porotikova O. A. *Problema zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom* [The problem of abuse of subjective civil right]. Moscow, Yurait Publ., 2021. 241 p.
11. Tserkovnikov M. A. [On special protection of the weaker party in the accession agreement]. In: *Zakon* [Law], 2021, no. 9, pp. 4–47.
12. Luton W. *Free-to-play: Making money from games you give away*. New Riders, 2013. 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверев Максим Олегович – аспирант кафедры авторского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;
e-mail: astrolamb4@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maxim O. Zverev – Postgraduate student, Department of Copyright, Russian State Academy of Intellectual Property;
e-mail: astrolamb4@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зверев М. О. Проблемы лицензионных соглашений и онлайн-пиратства в области онлайн компьютерных игр // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 42–49.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-42-49

FOR CITATION

Zverev M. O. Problems of Licensing Agreements and Online Piracy in the Field of Online Computer Games. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 42–49.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-42-49

УДК 346.546.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-50-61

АНУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВ НА ОСНОВЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕДПИСАНИЯ: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ

Королев Е. В.*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации**117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить юридическое значение и проблемы аннулирования торгов на основании административного предписания, сформулировать предложения по их устранению.

Процедура и методы. В работе с использованием функционального метода определяется правовая природа аннулирования торгов на основании административного предписания. Посредством анализа норм права и судебной практики проводится разграничение между данной мерой и признанием торгов недействительными, а также выявляются различия с иными административными предписаниями, влияющими на ход торгов, определяются пределы применения данной меры. Для формулирования итоговых выводов и их проверки использовался формально-логический метод.

Результаты. Сделан вывод о необходимости ограничить применение данного правового средства случаями, когда защита прав участника торгов неразрывно связана с защитой имущественных прав публично-правового образования, а также закрепить в законе общие условия применения предписания антимонопольного органа. Выявлена необходимость изменения подходов судебной практики, необоснованно ограничивающих применение данной меры в случаях, когда участники торгов не являются конкурентами на товарном рынке.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выделены основные проблемы аннулирования торгов на основании административного предписания, препятствующих эффективному и справедливому применению данной меры, а также формулирования предложений по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: аннулирование торгов, антимонопольное регулирование, защита прав участников торгов, нарушения в процессе торгов, предписание антимонопольного органа

CANCELLATION OF TENDERS BASED ON ADMINISTRATIVE ORDERS: PRACTICE AND PROBLEMS

E. Korolev*The Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation
ul. B. Cheremushkinskaya 34, Moscow 117218, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the legal significance and problems of applying the cancellation of tenders on the basis of an administrative order, formulate proposals for eliminating them.

Methodology. In the work, using the functional method, the legal nature of the cancellation of tenders based on an administrative order is determined. Then, through an analysis of legal norms and judicial practice, a distinction is made between this measure and the recognition of tenders as invalid, and differences with other administrative orders affecting the course of tenders are identified, and the limits of application of this measure are determined. The formal logical method was used to formulate the final conclusions and verify them.

Results. The author proves, that the use of this legal measure must be restricted to use only in cases, when the interest of tender participants is inextricably linked with the consolidation of property rights of a public legal entity. It is also necessary to enshrine in the law the general conditions for applying restrictions of the antimonopoly law. The need has been identified to change the approaches of judicial practice that unreasonably limit the application of this measure in cases where bidders are not competitors on the product market.

Research implications. The study highlights the main problems of the cancellation of tenders on the basis of an administrative order that impede its effective and fair application and formulates proposals for improving legislation and law enforcement.

Keywords: cancellation of tenders, antimonopoly regulation, protection of the rights of tenderers, violations in the tendering process, order of the antimonopoly authority

Введение

В современном гражданском обороте, в т. ч. в процессе распоряжения государственным имуществом, широко используются торги, позволяющие существенно повысить эффективность принимаемых решений, обеспечить реализацию принципов справедливости, равенства, открытости деятельности публичной власти при условии соблюдения установленного законом порядка организации и проведения торгов. Нарушения данной процедуры причиняют существенный вред, как публичным интересам, так и интересам частных лиц, заинтересованных в приобретении прав на публичное имущество.

Согласно подпункту «а» п. 3.1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции» № 135-ФЗ, антимонопольный орган имеет право издавать обязательные указания всем сторонам, участвующим в проведении аукционов и конкурсов¹. Эти указания касаются исправления любых отклонений от установленных правил при организации торгов, особенно когда речь идёт о реализации имущества, принадлежащего государству или муниципалитетам. Предписания могут затрагивать различные аспекты процедуры: от корректировки документов до полной отмены результатов торгов. В частности, антимонопольный орган может потребовать пересмотреть протоколы, внести правки в конкурсную документацию и объявления, а также признать торги недействительными.

¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС Консультант Плюс.

К настоящему времени сформировалась достаточно обширная практика реализации данной меры. При этом в юридической литературе аннулированию торгов по предписанию антимонопольного органа уделяется значительно меньше внимания, чем признанию торгов недействительными. В связи с этим целесообразно раскрыть юридическую природу и значение данной меры, а также определить основные проблемы, связанные с её применением.

Юридическая природа и правовое значение аннулирования торгов

Предписание об аннулировании торгов представляет собой, с одной стороны, меру административного принуждения, направленную на пресечение допущенных нарушений и восстановление положения, существовавшего до нарушения, облеченную в форму административного акта. С другой стороны, такое предписание влечёт гражданско-правовые последствия и может быть одновременно направлено на защиту как публичных интересов (в частности, интересов публичного собственника), так и субъективных гражданских прав частных лиц – фактических или потенциальных участников торгов. В этой связи его следует считать способом защиты гражданских прав, применяемым в административном порядке (п. 2 ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации², далее – ГК РФ). Это не означает, что его правовая природа

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

носит двойственный характер. Поскольку предписание принимается органом исполнительной власти самостоятельно («в одностороннем порядке») и носит обязательный (властно-принудительный) для адресата характер, оно по своей юридической природе является административным актом (актом государственного управления). Его можно назвать «юрисдикционным» актом, поскольку, как всякий подобный акт, оно призвано «...подавлять возможные нарушения права», в т. ч. посредством «распознавания и констатирования нарушения права» [5, с. 79], а также устранения его последствий. Вид (отраслевая принадлежность) распознаваемых, констатируемых и подавляемых прав в данном случае не меняет его правовой природы.

Какие гражданско-правовые последствия влечёт аннулирование торгов? Оно означает ликвидацию правовых последствий правовой процедуры торгов, лишение их юридической силы. В то же время должны наступить те последствия, которые предусмотрены законом на случай аннулирования торгов (например, возврат внесённых участниками торгов задатков).

Предписание антимонопольного органа об аннулировании торгов влечёт юридическую невозможность исполнения их организатором обязательства по заключению договора с победителем торгов, если таковое возникло. Поскольку оно связано с неправомерным поведением самого организатора торгов (должника в данном обязательстве), он обязан возместить причинённые этим убытки другой стороне обязательства (победителю торгов) (п. 1 ст. 417 ГК РФ). В п. 2 ст. 417 ГК РФ указывается на сохранение обязательства в подобных случаях, однако в литературе справедливо отмечается, что корректнее говорить о его замещении охранительным обязательством [7, с. 1401].

В соответствии с действующим законодательством РФ, торги представляют собой регламентированную последовательность юридически значимых действий. Процедура торгов включает принятие

ряда решений организатором торгов и уполномоченными лицами (в т. ч. закупочными комиссиями согласно Федеральным законам № 44-ФЗ и № 223-ФЗ). Данные решения определяют порядок проведения торгов: их начало, приостановление, прекращение, а также разрешение процедурных вопросов и подведение итогов.

Основные решения, затрагивающие права и законные интересы действующих или потенциальных участников, документально фиксируются в форме:

- извещения о проведении торгов;
- протокола рассмотрения заявок;
- протокола подведения итогов;
- протокола признания торгов несостоявшимися;

– и других документов, предусмотренных законодательством, регламентирующих проведение торгов, в т. ч. о контрактной системе и закупках отдельными видами юридических лиц.

Законодатель различает аннулирование торгов и отмену протоколов, совершаемых в ходе торгов, также осуществляемую по предписанию антимонопольного органа. Исходя из этого, можно сделать вывод, что аннулирование торгов влечёт лишение юридической силы всех принятых в ходе торгов решений. Отмена отдельных протоколов (или протоколов в определённой части) сохраняет остальные (ранее принятые) решения в силе, что позволяет продолжить процедуру, начиная с этапа, на котором нарушений допущено не было (если это возможно). Следует также отметить, что аннулирование (исходя из сущности данной меры) можно применить, если торги уже проведены. Отмена протоколов, совершаемых в ходе торгов, может быть применена и до завершения данной процедуры.

Проблемы разграничения между аннулированием торгов и признанием их недействительными

Обратимся к судебной практике. Так, в постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2023

№ 16АП-24/2023 по делу № А20-1002/2022 было указано, что антимонопольный орган имеет полномочия выдавать предписания об аннулировании торгов как процедуры, но не вправе своим решением аннулировать уже заключённый договор, который стал результатом этих торгов. Это связано с тем, что¹:

1) договор является гражданско-правовой сделкой, и вопросы его действительности относятся к компетенции судов, а не административных органов;

2) ни ст. 18.1 (порядок рассмотрения жалоб на нарушения при проведении торгов), ни ст. 23 (полномочия антимонопольного органа) Закона о защите конкуренции не содержат такого полномочия, как административное аннулирование заключённых договоров;

3) признание договора недействительным может быть осуществлено только в судебном порядке путём подачи соответствующего иска заинтересованным лицом или антимонопольным органом.

Таким образом, если договор уже заключён, то для признания его недействительным в любом случае требуется отдельное судебное разбирательство.

При этом вопрос, касающийся аннулирования торгов в административном порядке или же признания их недействительными судом, остаётся дискуссионным. Так, С. Н. Братусь утверждал, что рассмотрение споров в судебном порядке, в отличие от административного разбирательства, характеризуется более высоким уровнем процессуальных гарантий и возможностей для всестороннего исследования обстоятельств дела [3, с. 204]. Это обусловлено такими принципами судопроизводства, как состязательность сторон, равенство их процессуальных прав, независимость суда, открытость процесса и возможность обжалования решений. Данные характеристики позволяют максимально полно выявить все значимые факты и принять обоснованное решение, что не всегда достижимо

в рамках административных процедур, где орган власти совмещает функции и стороны спора, и лица, принимающего решение.

Позиция О. А. Беляевой во многом схожа с позицией С. Н. Братуся. Так, она утверждает, что практика показывает следующее: судебные органы, в отличие от антимонопольных, стремятся найти оптимальное соотношение между индивидуальными интересами участников торгов и общественными потребностями [8, с. 184]. Именно поэтому судебное разбирательство представляется более эффективным механизмом защиты прав, чем административное вмешательство.

Решение об аннулировании торгов, особенно принятое без детального изучения всех обстоятельств дела, может существенно нарушить права различных субъектов. В первую очередь страдают добросовестные победители торгов, которые понесли финансовые затраты на обеспечение заявки и участие в конкурентной борьбе, но в итоге лишаются возможности заключить договор. Кроме того, аннулирование торгов противоречит публичным интересам, поскольку государственные или муниципальные потребности остаются неудовлетворёнными.

Хотя законодательство предусматривает, что предписания антимонопольного органа должны быть направлены на восстановление законности и нарушенных прав, на практике аннулирование торгов часто не достигает этих целей. Поэтому представляется целесообразным на законодательном уровне ограничить полномочия антимонопольного органа по аннулированию торгов. Несмотря на кажущуюся привлекательность оперативного административного реагирования, оно не должно подменять собой полноценное судебное разбирательство. Антимонопольный орган должен сохранить возможность оперативного вмешательства в текущие процедуры торгов, но оспаривание уже завершённых торгов должно осуществляться исключительно в судебном порядке.

В данном контексте примечательно мнение Н. И. Клейн, которая в 2011 г. утверждала, что в соответствии с гл. 25

¹ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2023 № 16АП-24/2023 по делу № А20-1002/2022 // СПС Консультант Плюс.

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей порядок оспаривания решений и действий (бездействия) органов власти и должностных лиц в судах общей юрисдикции, установлен следующий механизм: при удовлетворении заявления суд возлагает на соответствующий орган или должностное лицо обязанность полностью устранить нарушение прав и свобод гражданина [8, с. 260]. При этом законодатель отводит месячный срок с момента получения судебного решения для направления уведомления о его исполнении как суду, так и заявителю.

Такой порядок вызывает определённые сомнения в его эффективности, поскольку оспариваемый ненормативный акт сохраняет своё действие до момента его отмены органом, издавшим этот акт, даже после признания его незаконным судом. Подобный механизм представляется не вполне логичным и может создавать дополнительные препятствия для восстановления нарушенных прав граждан.

При этом следует говорить о том, что с 2011 г. произошли значительные изменения, в частности, 15 сентября 2015 г. был введён в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. С этого момента утратил силу ранее действовавший порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, который был установлен в подразделе III раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. На сегодняшний день решение суда об удовлетворении административного иска об оспаривании ненормативного правового акта само по себе является основанием для прекращения действия оспариваемого акта полностью или в части, признанной незаконной, т. е. оспоренный акт автоматически утрачивает силу с момента вступления в законную силу решения суда, без необходимости его отмены органом, принявшим акт.

Несмотря на указанные нововведения, позиция Н. И. Клейн продолжает оставаться актуальной: даже в случае отмены

решения антимонопольного органа об аннулировании торгов в суде первой инстанции, ФАС РФ в течение месяца может обжаловать решение, что повлечёт за собой дальнейшие длительные судебные разбирательства, и решение об аннулировании торгов будет иметь юридическую силу до момента, пока суд апелляционной инстанции не примет иное решение по делу.

Таким образом, на сегодняшний день законодательное регулирование создаёт ситуацию, при которой решение антимонопольного органа об аннулировании торгов не является окончательным, поскольку лицо, не согласное с таким административным актом, вправе оспорить его в судебном порядке в соответствии с положениями Кодекса административного судопроизводства РФ или Арбитражного процессуального кодекса РФ, что фактически приводит к двойному рассмотрению одних и тех же обстоятельств – сначала в административном, а затем в судебном порядке, создавая дополнительную нагрузку на правовую систему и участников правоотношений, в связи с чем следует говорить о целесообразности исключения из подпункта «а» п. 3.1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» полномочия антимонопольного органа по аннулированию торгов посредством административного предписания, т. к. полагаем, что оно является избыточным механизмом правового регулирования.

Соотношение предписаний об аннулировании торгов с иными предписаниями антимонопольного органа

На практике иногда при наличии нарушений в ходе торгов и заключённого по их итогам договора антимонопольные органы, не имея возможности аннулировать торги, выдают предписания, возлагающие на организатора торгов обязанность восстановить положение, существовавшее до заключения договора. Так, согласно тексту Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2021 г.

№ Ф07-14970/2021 по делу № А66-2023/2019, антимонопольный орган выдал предписание, обязывающее организатора торгов принять меры по возврату лесных участков, переданных по договорам аренды. Суд посчитал, что оно является «обоснованным, отвечает принципу исполнимости и определённости»¹.

Полагаем, что данное судебное решение вызывает критические замечания с точки зрения его практической реализации, поскольку возврат лесных участков, переданных по договорам аренды, предполагает сложный комплекс юридических и фактических действий, включая расторжение действующих договоров аренды, которые являются самостоятельными гражданско-правовыми сделками и могут быть расторгнуты только по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, при этом арендаторы, являющиеся добросовестными участниками гражданского оборота, могут не согласиться с досрочным прекращением договорных отношений и оспорить такие действия в судебном порядке, кроме того, на арендованных участках могут быть возведены объекты недвижимости или осуществлены иные улучшения, что потребует решения вопроса об их правовой судьбе и возможной компенсации затрат арендаторам, а следовательно, предписание антимонопольного органа в данной формулировке не учитывает всю сложность правоотношений, возникших после проведения торгов, и не содержит чёткого алгоритма действий по их прекращению, что делает его исполнение проблематичным на практике.

Для эффективного разрешения данной проблемы необходимо комплексное реформирование законодательства в сфере антимонопольного регулирования и проведения торгов. В первую очередь следует внести изменения в Федеральный закон «О защите конкуренции», предусмотрев детальный механизм восстановления нарушенных прав при выявлении нарушений

в ходе торгов. В частности, целесообразно законодательно закрепить следующие положения:

1) установить обязательное привлечение к участию в деле всех заинтересованных лиц (арендаторов, собственников возведённых объектов) при рассмотрении антимонопольным органом дел о нарушениях при проведении торгов;

2) предусмотреть необходимость проведения предварительной оценки последствий отмены результатов торгов, включая анализ добросовестности действий победителя торгов, объёма осуществлённых инвестиций и произведённых улучшений;

3) закрепить обязательность включения в предписание антимонопольного органа: чёткого порядка и сроков расторжения договоров; механизма компенсации добросовестным приобретателям стоимости произведённых улучшений; порядка определения размера компенсации с привлечением независимых оценщиков; источников финансирования компенсационных выплат; переходного периода для освоения участков с учётом сезонности работ и необходимости завершения производственного цикла;

4) установить особый порядок исполнения предписаний в отношении договоров аренды лесных участков с учётом специфики лесного законодательства и необходимости обеспечения непрерывности лесохозяйственной деятельности;

5) предусмотреть возможность сохранения договорных отношений с добросовестными арендаторами при условии приведения условий договоров в соответствие с требованиями законодательства (например, путём корректировки арендной платы до рыночного уровня);

6) закрепить механизм судебного контроля за исполнимостью предписаний антимонопольного органа с возможностью их корректировки судом в части конкретных мероприятий и сроков исполнения;

7) установить порядок взаимодействия антимонопольного органа с иными государственными органами (органами лесно-

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2021 № Ф07-14970/2021 по делу № А66-2023/2019 // СПС Консультант Плюс.

го хозяйства, регистрационными органами) при исполнении предписаний.

Кроме того, целесообразно дополнить процессуальное законодательство положениями об особенностях рассмотрения дел об оспаривании результатов торгов, предусмотрев: обязательное применение предварительных обеспечительных мер; возможность утверждения мирового соглашения с закреплением порядка урегулирования имущественных последствий; особый порядок исполнения судебных актов с учётом необходимости соблюдения баланса публичных и частных интересов. Реализация указанных мер позволит создать эффективный механизм восстановления нарушенных прав при проведении торгов с минимизацией негативных последствий для добросовестных участников гражданского оборота и обеспечением стабильности хозяйственной деятельности.

Недопустимо выносить при наличии заключённого по итогам торгов договора и предписание об отмене протоколов торгов, на что справедливо указывают суды¹.

Нередко наряду с предписаниями об отмене протоколов или аннулировании торгов антимонопольные органы дают предписания, обязывающие провести торги или их отдельные этапы. При этом, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции», запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в т. ч. создание участнику торгов преимущественных условий участия в торгах. При этом произвольный отказ от проведения торгов после подачи заявок участниками может расцениваться как нарушение принципа равного доступа к участию в торгах и справедливой конкуренции, поскольку

лишает добросовестного участника, подавшего заявку и соответствующего установленным требованиям, возможности заключить договор по результатам торгов, что противоречит целям антимонопольного регулирования, закреплённым в ст. 1 указанного федерального закона². В одном из дел суд справедливо указал, что «организатор может изменить условия торгов или же отменить торги вовсе (последствия такого поведения различны, но сопротивляться ему участники торгов не вправе)»³.

Несвоевременный отказ от проведения торгов может рассматриваться лишь как гражданско-правовой деликт. Возможность применения мер административного принуждения для его «пресечения» вызывает определённые сомнения. Верховный Суд Российской Федерации в одном из обзоров достаточно категорично указал на то, что антимонопольный орган не должен лишать организатора торгов возможности выбирать между продолжением процедуры торгов или её прекращением⁴. Эта позиция иногда воспроизводится в решениях иных судов⁵. Некоторые суды указывают на то, что иные последствия нарушения организатором торгов сроков отмены торгов, кроме возмещения убытков, ГК РФ не предусмотрены⁶. Тем не

¹ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 26.02.2020 по делу № А56-106041/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/wG8aX8dLs75u> (дата обращения: 04.05.2024); Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.03.2023 по делу № А56-95472/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ohV7DhjGcfHQ> (дата обращения: 04.05.2024).

² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2021 по делу № А56-24179/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/0a6NGFHLemVr> (дата обращения: 04.05.2024).

³ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.11.2022 по делу № А56-41658/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/lslsKzI1AR6u> (дата обращения: 30.05.2024).

⁴ Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9).

⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.11.2018 № 13АП-25560/2018 по делу № А56-56457/2018 // СПС Консультант Плюс.

⁶ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 6.11.2019 по делу № А65-6979/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HKpaQ7VfFrlv> (дата обращения: 30.05.2024).

менее суды соглашаются с позицией антимонопольных органов и не усматривают нарушений в подобных предписаниях.

Актуальной является ситуация, при которой после получения предписания антимонопольного органа о проведении повторных торгов обнаруживается невозможность его исполнения. Так, в одном из случаев она была обусловлена необходимостью актуализации отчёта об оценке имущества, в связи с чем организатору торгов пришлось обращаться в антимонопольный орган с ходатайством о продлении сроков исполнения предписания в части проведения новых торгов¹.

Иногда при оспаривании предписаний об аннулировании торгов суды указывают на невозможность возобновления аннулированных торгов, вследствие чего их оспаривание не приведёт к реальному восстановлению прав².

Таким образом, для выдачи предписаний о возобновлении отменённых торгов или о повторном проведении аннулированных торгов нет ни достаточных правовых, ни просто разумных оснований.

Следовательно, полномочия антимонопольного органа, касающиеся вынесения предписаний об отмене протоколов торгов при наличии уже заключённого договора, создают серьёзную угрозу стабильности гражданского оборота и правовой определённости, поскольку подрывают фундаментальный принцип нерушимости заключённых договоров и может привести к нарушению прав добросовестных участников торгов, которые уже вступили в договорные отношения и начали их исполнение. Более того, такая практика создаёт правовую коллизию между гражданским законодательством и административными

полномочиями антимонопольного органа, что может привести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных участников торгов, использующих этот механизм для оспаривания невыгодных им результатов. Что касается предписаний, обязывающих провести торги или их отдельные этапы, их недопустимость обоснована несколькими факторами: во-первых, это противоречит позиции ВС РФ о недопустимости лишения организатора торгов возможности выбирать между продолжением процедуры торгов или её прекращением; во-вторых, такие предписания могут оказаться неисполнимыми на практике (например, из-за необходимости актуализации отчёта об оценке имущества); в-третьих, несвоевременный отказ от проведения торгов должен рассматриваться исключительно как гражданско-правовой деликт с возмещением убытков участникам, а не как основание для административного принуждения к проведению торгов. Таким образом, оба вида предписаний создают риски нарушения баланса частных и публичных интересов, приводят к дестабилизации правоотношений в сфере торгов, что требует решения.

Для эффективного решения обозначенных проблем с предписаниями антимонопольных органов необходимо внести комплексные изменения в законодательство. В первую очередь следует дополнить Федеральный Закон «О защите конкуренции» чётким запретом на вынесение антимонопольным органом предписаний об отмене протоколов торгов в случаях, когда по их результатам уже заключён договор, закрепив при этом исчерпывающий перечень исключительных случаев, когда такое вмешательство всё же возможно (например, при доказанном сговоре участников торгов). Также необходимо законодательно закрепить положение о том, что несвоевременный отказ от проведения торгов влечёт исключительно гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков участникам торгов, исключив возможность административного принуждения к проведению торгов или их

¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 16.03.2021 по делу № А40-247727/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bClNhXuAzZNC> (дата обращения: 30.05.2024).

² Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2023 по делу № А56-33827/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OXRbuTSXxbo8> (дата обращения: 30.05.2024).

отдельных этапов. Целесообразно внести в закон норму, прямо указывающую на право организатора торгов самостоятельно принимать решение о продолжении или прекращении торговой процедуры, что соответствует позиции ВС РФ. Для предотвращения ситуаций с неисполними предписаниями следует установить обязательную предварительную проверку антимонопольным органом фактической возможности исполнения предписания с учётом всех существенных обстоятельств (актуальности оценки имущества, наличия необходимых ресурсов и т. д.). Кроме того, важно разработать чёткий механизм судебного контроля за предписаниями антимонопольного органа, установив конкретные критерии оценки их законности и обоснованности. Такой комплексный подход позволит обеспечить баланс частных и публичных интересов в сфере торгов, сохранить стабильность гражданского оборота и предотвратить злоупотребления со стороны всех участников процесса.

Пределы применения аннулирования торгов: тенденции судебной практики

В последнее время судебная практика уверенно пошла по пути ограничения антимонопольного контроля за торгами в части его предмета. Его предметом предлагается считать только те торги, «обязательность проведения которых прямо предусмотрена законом и введена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования...» (п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2¹). Данный подход активно применяется судами² и полу-

чил определённую поддержку в юридической литературе. Так, А. А. Алексеева считает, что в случае, когда участники торгов не являются конкурентами на рынке, где они реализуют товары, работы и услуги, конкурируя лишь на торгах, «наличие судебного контроля делает избыточным контроль со стороны административного органа...» [6]. Такая позиция представляется неверной, особенно применительно к торгам, связанным с распоряжением публичным имуществом. Действительно, их участники нередко не являются конкурентами вне процедуры торгов. Однако установление именно в Федеральном законе «О защите конкуренции» обязательности торгов в отношении публичного имущества (ст. 17.1) и наделение антимонопольных органов полномочиями по определению порядка их проведения (ч. 4 данной статьи) свидетельствуют о намерении законодателя возложить на антимонопольный орган контроль за соблюдением порядка распоряжения публичным имуществом (в части организации и проведения торгов) безотносительно к их влиянию на конкуренцию на товарных рынках. Обеспечение надлежащего порядка организации и проведения торгов выступает в данном случае наилучшим средством реализации принципов эффективности, справедливости, равенства и открытости при распоряжении публичным имуществом, а антимонопольные органы, независимые от органов, реализующих полномочия собственника публичного имущества, имеют необходимые ресурсы и компетенции для реализации данной функции. Устранение антимонопольного контроля за торгами, результаты которых якобы не могут оказать влияние на конкуренцию (фактически же оценить такое влияние просто невозможно), может привести к росту коррупционных проявлений и «несущественных» нарушений, не способных повлечь недействительности торгов.

¹ О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 5.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2022 № 309-ЭС21-27706 по делу № А34-2459/2010 // СПС Консультант Плюс; Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга

и Ленинградской области от 1.11.2022 по делу № А56-41658/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/lslsKzI1AR6u> (дата обращения: 30.05.2024).

Следует отметить, что суды иногда весьма своеобразно применяют вышеозначенный подход. Например, в одном из дел предприниматель пожаловался в антимонопольный орган на действия организатора торгов, неправомерно, по его мнению, отменившего торги, проводимые в рамках процедуры банкротства. Антимонопольный орган признал жалобу обоснованной, вынеся предписание об аннулировании торгов. Арбитражные суды трех инстанций посчитали данное предписание законным и обоснованным. При этом окружной суд дополнительно отметил, что «предприниматель... не обосновал правомочность вмешательства антимонопольного органа в принципе в данном случае в торги...»¹. Такая позиция представляется в корне неверной (невозможно аннулировать результаты отменённой процедуры), кроме того, бремя доказывания обоснованности решений государственных органов при их оспаривании закон распределяет иначе.

К аннулированию торгов могут быть применены многие подходы, выработанные судами в ходе рассмотрения дел о признании торгов недействительными, в частности, требование устанавливать существенность нарушения и возможность реального восстановления нарушенных прав лица, обращающегося за защитой своих прав [4, с. 221], хотя судебная практика здесь далека от единообразия [1, с. 162-194]. В процессе рассмотрения дел об оспаривании предписаний об аннулировании торгов суды нередко оценивают обоснованность вынесенных предписаний, руководствуясь указанными подходами [2, с. 55-60].

Заключение

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Аннулирование торгов на основании административного предписания является

избыточным механизмом правового регулирования, поскольку создаёт правовую неопределённость, приводит к двойному рассмотрению одних и тех же обстоятельств в административном и судебном порядке, что увеличивает нагрузку на правовую систему. Судебное рассмотрение споров о действительности торгов является более эффективным механизмом защиты прав, т. к. обеспечивает высокий уровень процессуальных гарантий, всестороннее исследование обстоятельств и позволяет найти оптимальный баланс между частными и публичными интересами. Для решения проблемы неисполнимых судебных решений, подобных Постановлению Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2021 № Ф07-14970/2021, необходимо законодательно закрепить обязательную предварительную оценку антимонопольным органом фактической возможности исполнения предписания с учётом всех существенных обстоятельств.

Проблемы, связанные с предписаниями антимонопольного органа, предлагается решить путём внесения комплексных изменений в законодательство: установить запрет на вынесение предписаний об отмене протоколов торгов при наличии заключённого договора (за исключением случаев доказанного сговора), закрепить исключительно гражданско-правовую ответственность за несвоевременный отказ от проведения торгов, предусмотреть право организатора торгов самостоятельно решать вопрос о продолжении или прекращении процедуры, а также разработать чёткие критерии оценки законности и обоснованности предписаний антимонопольного органа при осуществлении судебного контроля.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.04.2024 № Ф07-860/2024 по делу № А56-33827/2023 // СПС Консультант Плюс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автонова Е. Д. Обзор судебной практики по вопросу недействительности торгов и договора, заключенного по их результатам (п. 2 ст. 449 ГК РФ) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 162–194.
2. Башлаков-Николаев И. В. Об обжаловании в антимонопольные органы порядка проведения торгов и заключения договоров по их итогам в соответствии со статьей 18.1 Закона о защите конкуренции: процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 55–60.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976. 211 с.
4. Елистратов А. И. Очерк административного права. М.: Государственное издательство, 1922. 236 с.
5. Молчанов А. В. Право антимонопольного органа на обжалование в суд торгов и сделок, заключенных по их результатам // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 9. С. 93–100.
6. Обновление концепции антимонопольного регулирования. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 4 марта 2021 года № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» / А. А. Алексеева, Е. Ю. Борзило, В. А. Корнеев, К. А. Писенко, А. В. Разгильдеев, В. В. Сафонов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 106–149; № 6. С. 41–104; № 7. С. 138–189.
7. Писенко К. А. Обеспечение баланса интересов в практике применения статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» // Российское правосудие. 2019. № 11. С. 16–21.
8. Законность в экономической сфере как необходимый фактор благоприятного инвестиционного климата: мат-лы конф. / отв. ред. Н. Г. Доронина, А. В. Габов. М.: Юриспруденция, 2012. 320 с.

REFERENCES

1. Avtonova E. D. [Review of judicial practice on the issue of invalidity of tenders and the contract concluded based on their results (Clause 2, Article 449 of the Civil Code of the Russian Federation)]. In: *Vestnik ekonomicheskoy yustitsii Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2020, no. 6, pp. 162–194.
2. Bashlakov-Nikolaev I. V. [On appealing to antimonopoly authorities against the procedure for holding tenders and concluding contracts based on their results in accordance with Article 18.1 of the Law on Protection of Competition: procedural aspects]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2014, no. 5, pp. 55–60.
3. Bratus S. N. *Yuridicheskaya otvetstvennost i zakonnost* [Legal liability and legality]. Moscow, Legal Literature Publ., 1976. 211 p.
4. Elistratov A. I. *Ocherk administrativnogo prava* [Essay on administrative law]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1922. 236 p.
5. Molchanov A. V. [The right of the antimonopoly authority to appeal to the court against tenders and transactions concluded based on their results]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina* [Bulletin of the O. E. Kutafin University], 2017, no. 9, pp. 93–100.
6. Alekseeva A. A., Borzilo E. Yu., Korneev V. A., Pisenko K. A., Razgildeev A. V., Safonov V. V. [Updating the concept of antimonopoly regulation. Scientific and practical commentary to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 4, 2021 No. 2 “On certain issues arising in connection with the application of antimonopoly legislation by the courts”]. In: *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2022, no. 5, pp. 106–149; no. 6, pp. 41–104; no. 7, pp. 138–189.
7. Pisenko K. A. [Ensuring a Balance of Interests in the Practice of Applying Article 17 of the Federal Law “On Protection of Competition”]. In: *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian Justice], 2019, no. 11, pp. 16–21.
8. Doronina N. G., Gabov A. V., eds. *Zakonnost v ekonomicheskoy sfere kak opredeleniye faktora blagopriyatnogo investitsionnogo klimata* [Legality in the Economic Sphere as a Necessary Factor in a Favorable Investment Climate]. Moscow, Jurisprudence Publ., 2012. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королев Евгений Валерьевич – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, начальник управления правового, документационного и кадрового обеспечения Государственного университета просвещения;
e-mail: korolev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Korolev – Postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Departmentally Head, Department of Legal, Documentation and Personnel support, Federal State University of Education;
e-mail: korolev@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Королев Е. В. Аннулирование торгов на основе административного предписания: практика и проблемы // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 50–61.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-50-61

FOR CITATION

Korolev E. V. Cancellation of Tenders Based on Administrative Prescription: Practice and Problems. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 50–61.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-50-61

УДК 347.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-62-69

ОЗДОРОВЛЕНИЕ СДЕЛОК С ПОРОКАМИ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Фаст О. Ф.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование оздоровления сделок – института конвалидации и выявления проблем применения данного института на практике как особого правового инструмента, который позволяет выйти из общего понимания последствий недействительности сделок и признать сделку с пороком действительной.

Процедура и методы. В работе использовались методы: формально-юридический, сравнительно-правового анализа и систематизации. Применение формально-юридического метода позволило исследовать существующие термины и категории, необходимые для стабилизации гражданского оборота. Применение метода сравнительно-правового анализа и систематизации позволило провести соотношение правила эстоппель с институтом конвалидации недействительных сделок и выявить необходимость совершенствования законодательного регулирования института конвалидации.

Результаты. Обосновывается положительный эффект применения конвалидации сделок для обеспечения стабильности договорных отношений в предпринимательской сфере. Автор отмечает, что применение конвалидации для оздоровления сделки предотвращает разрушительные последствия недействительности сделок. Наряду с этим выявлена необходимость для единообразного применения в судебной практике на законодательном уровне установить ограничительные пределы применения конвалидации путём указания на сделки, к которым может быть применена данная процедура с установлением судебного порядка оздоровления сделок и определения круга лиц, имеющих право, предъявления соответствующих требований.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложения и выводы, содержащиеся в данной статье, могут лечь в основу дальнейшего изучения в сфере исцеления, оздоровления сделок с пороками их совершения.

Ключевые слова: конвалидация, оспоримые сделки, ничтожные сделки, добросовестность, защита прав, законные интересы, противоречивое поведение, стабильность гражданского оборота

IMPROVEMENT OF TRANSACTIONS WITH THE DEFECTS OF THEIR COMMISSION

O. Fast*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. The study of the improvement of transactions – the institution of convalidation and the identification of problems in the application of this institution in practice, as a special legal instrument that allows you to get out of the general understanding of the consequences of the invalidity of transactions and recognize a transaction with a defect as valid

Methodology. The work used formal legal and comparative legal analysis and systematization methods. The application of the formal legal method made it possible to explore the existing terms and categories necessary to stabilize civil turnover. The application of the method of comparative legal analysis

and systematization made it possible to correlate the estoppel rule with the institution of invalidation of invalid transactions and to identify the need to improve the legislative regulation of the institution of convalidation.

Results. The positive effect of the application of transaction validation to ensure the stability of contractual relations in the business sphere is substantiated. The author notes that the use of convalidation to improve the transaction prevents the devastating consequences of the invalidity of transactions. At the same time, the need has been identified, for uniform application in judicial practice, at the legislative level, to establish restrictive limits on the application of convalidation, by indicating transactions to which this procedure can be applied with the establishment of a judicial procedure for the rehabilitation of transactions and determining the circle of persons entitled to present relevant requirements.

Research implications. The suggestions and conclusions contained in this article can form the basis for further study in the field of healing, rehabilitation of transactions with the defects of their commission.

Keywords: convalidation, disputed transactions, void transactions, good faith, protection of rights, legitimate interests, contradictory behavior, stability of civil turnover

Введение

На современном этапе развития институтов правового государства, важное значение имеет реализация принципа справедливости при защите прав и свобод граждан, организаций в сфере экономической деятельности. Безусловно, это касается и таких аспектов, как правовая защищённость совершаемых сделок. Применение положений об оздоровлении сделки и пресечения противоречивого поведения сторон договорных отношений необходимы в современных реалиях для реализации принципа *res sunt servanda* (договоры должны выполняться).

Конвалидация сделок способствует стабильности экономического оборота, предупреждает нарушения синалагмы в договорных обязательствах, а именно не допускает одностороннего отказа от исполнения обязательств после получения встречного полного или частичного предоставления, например, когда сторона получила во временное возмездное пользование денежные средства, частично погасила основной долг и проценты пользования, а при исковом истребовании оставшихся сумм заявила о недействительности соглашения. Суд санировал порок соглашения и взыскал долг по возврату денежных средств и проценты пользования ими¹. В

арендных отношениях в судебной практике часто сталкиваемся, когда арендодатель, ссылаясь на порок договора аренды пытается расторгнуть многолетние сложившиеся договорные отношения в судебном порядке² или отказом арендатора, по истечении некоторого временного периода (несколько месяцев) оплачивать пользование вещью в связи с пороками договора аренды³.

Понятие «конвалидация» имеет латинское происхождение и означает «приобретать законную силу, становиться юридически действительным». Правовая природа института конвалидации может рассматриваться как совместная деятельность контрагентов сделки и суда, направленная на оздоровление сделки, признание её действительной. Следует учитывать, что институт конвалидации является особым правовым инструментом, который позволяет выйти из общего понимания последствий недействительности сделок и признать сделку с пороком действительной.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2015 № 66-КГ15-5 // Гарант: [сайт]. <https://base.garant.ru/71141416/> (дата обращения: 14.03.2024)

² Определение ВС РФ от 30.01.2024 № 304-ЭС23-20473 [Электронный ресурс]. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/93beffbe-369c-4cde-829d-c5fadf3ea9ff/aeaa2607-4d86-4c91-8e05-55ac3dff0479/A03-890-2022_20240130_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2024).

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.01.2017 по делу № А40-229964/2015 // Гарант: [сайт]. <https://base.garant.ru/41871903/> (дата обращения: 14.03.2024).

Критические взгляды на применение института конвалидации недействительных сделок

Не всегда применение конвалидации сделок характеризуют положительно, ссылаясь на дестабилизацию данной процедуры гражданского оборота, отмечая непоследовательность законодателя в возможности признания сделки с пороками действительной с момента её заключения [16, с. 76]. Существует мнение, что невозможно оздоровление ничтожных сделок, т. к. сделка рождается мертвой, и необходимо заключение новой подобной сделки с учётом устранения порока недействительности предшествующей сделки [5, с. 85]. Заключение подобной сделки взамен сделки с пороком недействительности демонстрирует формальный подход стройности теоретических конструкций и не способствует ни экономической целесообразности, ни стабильности имущественных отношений.

С представленной позицией о нестабильности гражданского оборота при применении процедуры оздоровления сделки нельзя согласиться. Во-первых, для стабильности гражданского оборота необходимы механизмы, нейтрализующие пороки сделок, которые не затрагивают имущественные интересы других лиц, кроме контрагентов договора; во-вторых, оздоровление сделки только способствует стабильности имущественных отношений, т. к. всё исполненное по сделке остаётся у сторон, не возникает сложностей относительно исполнения реституционных обязательств, т. к. на практике не всегда стороны могут вернуть полученное в полном объёме.

Оздоровление сделок с пороками недействительности должно быть обоснованным, иметь правовую определённость, являться отступлением из общего правила признания сделок недействительными с закреплением на законодательном уровне условий и порядка для оздоровления сделок [13, с. 449].

Действие конвалидации сделок с пороками недействительности как правовой инструмент базируется через реализацию

2 теорий: теории видимости права и теории о защите доверия.

Конвалидация сделок с пороками обеспечивает стабильность имущественных отношений и служит правовым инструментом для достижения справедливости и баланса интересов сторон. Возможность придания сделке правовой силы позволяет устранить пороки сделки, когда стороне было о них известно при заключении сделки для защиты второй стороны, добросовестно исполняющей свои обязательства.

В законодательстве РФ не содержится понятия ни «конвалидация недействительной сделки», ни «оздоровление недействительной сделки», более того, законодатель не использует эти понятия в положениях о недействительности сделок, но при толковании содержания некоторых норм, таких как: п. 1 ст. 165, п. 2 ст. 171, п. 2 ст. 172 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), – можно сделать вывод о внедрении института оздоровления сделок в правовую отечественную систему как механизма, позволяющего признать недействительную сделку действительной. Содержание перечисленных положений прямо указывает на обстоятельства, при которых сделки с пороками могут быть оздоровлены в судебном порядке и влечь правовые последствия для сторон. И более того, стоит обратить внимание, что пороки сделок в указанных нормах предусматривают ничтожность таких сделок, в соответствии с классической теорией являются изначально недействительными, а значит, не могут порождать правовые последствия.

Однако конвалидация позволяет предотвратить разрушительные последствия недействительности сделок. Конвалидация должна осуществляться, когда это прямо предусмотрено в законе и в судебном порядке, т. к. субъекты гражданских правоотношений не в силах по своей воле трансформировать недействительную ничтожную сделку в действительную.

Вместе с тем отметим, что законодатель прямо не указывает на применение конвалидации. Однако обратим внимание на

абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ. Это положение предусматривает отказ в оспаривании сделки стороне, поведение которой свидетельствовало о явной воле сохранить сделку.

Соотношение института конвалидации и правила эстоппель

Правило эстоппель заимствовано из англо-саксонского правопорядка, где оно широко применяется продолжительный период на практике и позволяют предотвратить возможность ссылаться стороне договора на обстоятельства, которые, исходя из поведения стороны и её заверений, признавались бесспорными не только для контрагента, но и иных лиц. Правилом эстоппель защищаются права и интересы добросовестной стороны при недобросовестных действиях контрагента в различных правоотношениях для защиты вещных и договорных отношений, в сфере защиты интеллектуальных прав (патентное право) и др. [6, с. 215].

Приведём пример противоречивого поведения, когда арендатор не может ссылаться на неосновательное получение арендодателем в течение нескольких лет арендной платы из-за обстоятельств известных арендатору при заключении договора. Был передан в пользование земельный участок, в результате проведения торгов, а через несколько лет арендатор обратился в суд за взысканием части арендных платежей за участок, на котором стоял многоквартирный дом, введенный в эксплуатацию. Судом установлено, что арендатору до заключения договора аренды было известно о нахождении многоквартирного дома на земельном участке, арендатор сам являлся его застройщиком, сам передал жилые помещения по передаточному акту правомочным лицам до заключения договора аренды на земельный участок, включающий в себя часть участка, занятого многоквартирным домом¹.

Ещё один показательный пример отмечен Верховным Судом РФ касательно длительных арендных отношений. В случае реорганизации юридического лица (арендатора) арендодатель не может требовать признания сложившихся многолетних договорных отношений недействительными, если принимал исполнение по договору от реорганизованного юридического лица, заключал с ним дополнительные соглашения². Долгосрочный характер правоотношений, неоднократность и однотипность повторяющихся действий формируют у сторон доверительные отношения и представляют возможность защиты своих прав принципом эстоппель [15, с. 69]. Пресечение противоречивого поведения, затрагивающего имущественные интересы контрагента, обеспечивает справедливость [14, с. 446] на основании общих правовых начал норм права и признанных обществом ценностей [8, с. 38]

Уточним, что ст. 166 ГК РФ предусматривает 2 вида эстоппеля: сторона не может требовать оспаривания сделки, если знала о пороках её недействительности (абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ) и если её действия носят недобросовестный характер (п. 5 ст. 166 ГК РФ). Недобросовестность в гражданских отношениях выражается в отсутствии заботливости о чужих интересах и выгодах, отсутствии уважения к чужим интересам или доказывании намерения навредить имущественным правам третьих лиц³ [1, с. 108; 11, с. 236, 17, с. 58]. Недобросовестность в поведении контрагента связывают с пороками морально-этического характера [2, с. 67; 7, с. 128] или, наоборот, отрицают такой подход [4].

В цивилистике некоторые учёные указывают, что применение принципа эстоппель является правовым средством конвалидации недействительных сделок. Например, Е. М. Тужилова-Орданская и

¹ Постановление АС ДВО от 05 сентября 2023 года по делу № А51-22977/19 [Электронный ресурс]. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/85c32518-7e61-45a1-8c80-c856f70e4aa1/9626dc4b-5369-4c69-a5cd-6eac8336513f/A51-22977-2019__20230905.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 20.03.2024).

² Определение ВС РФ от 30.01.2024 № 304-ЭС23-20473 // Гарант: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408371231/> (дата обращения: 09.11.2024).

³ Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательства: учеб. пос. М.: Статут, 2023. С. 24.

Г. Х. Низамова определяют критерии признания конвализации недействительных сделок в соответствии с абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ:

1) при выражении воли вступить в правоотношения стороне должно было известно о пороке сделки;

2) лицо, оспаривающее сделку, ведёт себя недобросовестно, т. к. знало об основании признания сделки недействительной, но давала своим поведением полагать об отсутствии таких оснований;

3) добросовестность контрагента;

4) сторона не может оспаривать сделку только по тому основанию, о котором она знала или должна была знать [9, с. 70].

Однако авторы отмечают, что не по всем основаниям оспаривания сделок возможно оздоровление через правило эстоппель. К сделкам, совершённым организацией в противоречии с целями деятельности или сделкам, заключённым под влиянием заблуждения, обмана, угроз применение правила эстоппель невозможно, т. к. нарушает общие начала законности.

При оздоровлении сделки необходимо учитывать имущественные интересы третьих лиц. Когда законодатель указывает на возможность оспаривания сделки третьими лицами, чьи права затрагивает данная сделка, санация сделки невозможна только при её подтверждении сторонами сделки. Поэтому ставится под сомнение применение п. 5 ст. 166 ГК РФ как основания для оздоровления сделки, т. к. недобросовестное поведение одного лица не должно ограничивать права других субъектов оспаривания [9, с. 40].

Особое внимание уделяется вопросу оздоровления порока недействительности, влекущее ничтожность сделки вследствие прямого нарушения императивного предписания нормы или когда затрагиваются публичные интересы. В подобной ситуации ни одна из сторон не может полагаться на действительность сделки в силу закона. Высказываются категорические суждения о возможном применении в перечисленных случаях п. 5 ст. 166 ГК РФ, как исключение – только к сделкам с определёнными поро-

ками ничтожности: порок формы сделки, – к сделкам, совершённым без необходимого согласия третьего лица и для защиты от злоупотребления стороной сделки, которая в момент заключения знала о пороке сделки и в последствии обращается в суд о признании сделки ничтожной [10, с. 413].

Ссылаясь на п. 70 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25¹, можно сделать следующие выводы относительно применения п. 5 ст. 166 ГК РФ, который распространяет своё действие как на оспариваемые, так и на ничтожные сделки:

– не подлежат судебной защите требования стороны, действующей недобросовестно. Закон определяет недобросовестное поведение стороны сделки, когда она знала о пороках сделки в момент её заключения, но давала основание другим лицам и контрагенту полагаться на её действительность;

– только сторона с добросовестным поведением может претендовать на оздоровление в судебном порядке сделки с пороками действительности;

– недобросовестным сторонам сделки должно быть отказано в исцелении сделки и применении п. 5 ст. 166 ГК РФ, а при недобросовестном поведении всех сторон сделки должно влечь её недействительность.

На основании изложенного считаем невозможным применение института конвализации недействительных сделок через правило эстоппель в их оздоровлении. Правило эстоппель предназначено для борьбы с распространёнными в обороте злоупотреблениями, для защиты интересов добросовестной стороны сделки. Правила эстоппель исцеляют сделку лишь в некоторых случаях. При конвализации сделок лежат иные основания для её оздоровления. Конвализация обеспечивает стабильность осуществления безопасности экономической деятельности.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

Заключение

Возможность оздоровления сделки должно быть регламентировано законом. Конвалидация придаёт недействительной сделке легитимность, оздоравливает ничтожную сделку и закрепляет действительность оспоримой сделке, возвращает её в имущественный оборот, в сферу правового регулирования. Эстоппель как правовое средство противодействия противоречивому, недобросовестному поведению сторон не является правовым средством оздоровления недействительных сделок, а является способом противодействия недобросовестному поведению.

Представленное исследование показало, что применение конвалидации для оздоровления сделки служит инструментом стабилизации имущественных отношений, оказывает положительный эффект охраны имущественных интересов сторон. Наряду с этим для единообразного применения в

судебной практике выявлена необходимость на законодательном уровне указать на сделки, в отношении которых возможна конвалидация.

Оздоровление сделок осуществляется только судом, определяется круг лиц, имеющих право на конвалидацию. Такой подход позволит реализовать положения принципа справедливости в гражданско-правовой сфере, он «...служит для устранения пробелов в гражданском законодательстве, можно сказать, является правовым инструментом, помогающим защитить, сохранить и обеспечить юридическое равенство сторон, добросовестность сторон» [3, с. 37–38].

Гибкость законодательного регулирования не должна вести к злоупотреблениям. Установление границ применения механизма оздоровления сделок позволит достичь правового результата – реабилитации договорной конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминова Г. Р. Особенности реализации принципа добросовестности в гражданских отношениях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1. С. 107–110.
2. Васильев А. С., Мурзин Д. В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 65–77.
3. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Отдельные аспекты реализации принципа справедливости в публичном и частном праве // Основы экономики, управления и права. 2020. № 4. С. 35–39.
4. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.
5. Кочергин П. В. Некоторые правовые последствия добросовестного поведения стороны по договору // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 80–88.
6. Лужина А. Н. Эстоппель в гражданском правоотношениях (обзор) // Журнал социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 166–175.
7. Мазур И. К. Понятие добросовестности в гражданском праве: обзор существующих подходов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3. С. 125–131.
8. Нам К. В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. 2020. № 4. С. 38–46.
9. Останина Е. А. Эстоппель и подтверждение сделки // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 11. С. 38–45.
10. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2018. 1264 с.
11. Соляник В. В., Никоненко Е. И. Институт добросовестности: теоретико-правовой анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 219–225.
12. Тужилова-Орданская Е. М., Низамова Г. Х. Конвалидация недействительных сделок по законодательству России и стран континентальной Европы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 64–71.
13. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок. Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. 602 с.

14. Фаст О. Ф. Соотношение категорий «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» и «ПРАВО» // Современное право России: проблемы и перспективы: сб. ст. М.: Институт мировых цивилизаций, 2022. С. 444–451.
15. Федоров Д. В. Эстоппель в арендных и иных длящихся отношениях // Закон. 2020. № 4. С. 65–78
16. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М., 2000. 162 с.
17. Якушева Е. Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex Russica. 2023. № 8. С. 52–66.

REFERENCES

1. Amineva G. R. [Features of the implementation of the principle of good faith in civil relations]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2023, no. 5-1, pp. 107–110.
2. Vasilev A. S., Murzin D. V. [Subjective good faith in civil law: functions, degrees, presumptions]. In: *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2020, no. 3, pp. 65–77.
3. Vestov F. A., Fast O. F. [Certain aspects of the implementation of the principle of justice in public and private law]. In: *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava* [Fundamentals of Economics, Management and Law], 2020, no. 4, pp. 35–39.
4. Golubcov V. G. [The principle of good faith and the meaning of civil legislation: the logic of legislative changes and the tasks of law enforcement]. In: *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2020, no. 2, pp. 142–150.
5. Kochergin P. V. [Some legal consequences of good faith behavior of a party to an agreement]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2007, no. 9, pp. 80–88.
6. Luzhina A. N. [Estoppel in civil legal relations (review)]. In: *Zhurnal socialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo: Referativnyy zhurnal* [Journal of social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law: Abstract journal], 2021, no. 2, pp. 166–175.
7. Mazur I. K. [The concept of good faith in civil law: a review of existing approaches]. In: *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta socialnykh tekhnologij)* [Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)], 2024, no. 3, pp. 125–131.
8. Nam K. V. [Estoppel in the Context of the Principle of Good Faith]. In: *Zakon* [Law], 2020, no. 4, pp. 38–46.
9. Ostanina E. A. [Estoppel and Confirmation of a Transaction]. In: *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.], 2013, no. 11, pp. 38–45.
10. Karapetov A. G., ed. *Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': postatejnyy kommentarij k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Transactions, Representation, Limitation Period: Article-by-Article Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, 2018. 1264 p.
11. Solyanik V. V., Nikonenko E. I. [Institute of Good Faith: Theoretical and Legal Analysis]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 219–225.
12. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Nizamova G. H. [Convalidation of Invalid Transactions under the Legislation of Russia and Continental European Countries]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series: Law], 2017, no. 3, pp. 64–71.
13. Tuzov D. O. *Teoriya nedejstvitel'nosti сделок. Opyt rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj tradicii* [Theory of Invalidity of Transactions. The Experience of Russian Law in the Context of the European Legal Tradition]. Moscow, 2007. 602 p.
14. Fast O. F. [The Relationship between the Categories of “JUSTICE” and “LAW”]. In: *Sovremennoe pravo Rossii: problemy i perspektivy* [Modern Law of Russia: Problems and Prospects]. Moscow, Institut mirovykh civilizacij Publ., 2022, pp. 444–451.
15. Fedorov D. V. [Estoppel in Leases and Other Continuing Relationships]. In: *Zakon* [Law], 2020, no. 4, pp. 65–78.
16. Hejfec F. S. *Nedejstvitel'nost' сделок po rossijskomu grazhdanskomu pravu* [Invalidity of Transactions under Russian Civil Law]. Moscow, 2000. 162 p.
17. Yakusheva E. E. [The Estoppel Principle in Civil Law as a Mechanism for Preventing Contradictory Behavior]. In: *Lex Russica*, 2023, no. 8, pp. 52–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фаст Ольга Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: fastolga@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga F. Fast – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Federal State Educational Institution;
e-mail: fastolga@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фаст О. Ф. Оздоровление сделок с пороками их совершения // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 62–69.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-62-69

FOR CITATION

Fast O. F. Improvement of Transactions with the Defects of Their Commission. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 62–69.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-62-69

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 4414.343.985

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-70-78

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барбачакова Ю. Ю.

*Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени
В. Я. Кикотя*

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести комплексный анализ современных методов исследования в баллистике, их применение в криминалистической экспертизе и оценку их эффективности для решения задач, связанных с расследованием преступлений, совершённых с использованием огнестрельного оружия. Особое внимание уделяется интеграции численного моделирования, экспериментальных методов и технологий искусственного интеллекта для повышения точности, объективности экспертных выводов.

Процедура и методы. Для достижения поставленной цели была проведена многоступенчатая процедура исследования: выполнен анализ научной литературы, изучение теоретических основ баллистики, включая внутреннюю, внешнюю и конечную баллистику, а также современные подходы к их исследованию, проанализированы работы как отечественных, так и зарубежных авторов, специализирующихся на применении баллистических методов в криминалистике. Рассмотрены реальные случаи использования различных методов исследования в судебной практике. Это позволило выявить наиболее эффективные подходы и ограничения существующих технологий. Применены численные методы для моделирования траекторий снарядов, учёта воздушного сопротивления, влияния силы Кориолиса и других факторов. Использовались программные средства, такие как Ballistic Trajectory Simulation (BTS) и Integrated Ballistics Identification System (IBIS). Проведены испытания на баллистических стендах для проверки гипотез относительно характеристик оружия и боеприпасов. Были использованы лазерная спектроскопия (LIBS), высокоскоростная съёмка и другие современные технологии. Оценена эффективность алгоритмов машинного обучения для анализа баллистических данных, сравнения следов на пулях и гильзах, а также обработки видео- и фотоматериалов. Сопоставлены результаты, полученные различными методами, чтобы определить их взаимодополняемость и возможности комбинирования для повышения достоверности выводов.

Результаты. Численное моделирование показало высокую точность при расчёте траекторий снарядов и реконструкции событий преступлений. Особенно эффективно этот метод работает в сочетании с данными экспериментальных исследований. Лазерная диагностика позволила детально изучать следы порохового нагара и микроскопические частицы, оставшиеся после выстрела. Это значительно улучшило возможность установления расстояния до стрелка и типа используемого оружия. Высокоскоростная съёмка дала уникальные данные о движении пули в первые миллисекунды после выстрела, что важно для анализа характера выброса газов и формы пламени. Баллистические стенды подтвердили свою важность для имитационных испытаний и проверки гипотез относительно пробивной способности пуль и других характеристик оружия. Искусственный интеллект продемонстрировал высокую эффективность при автоматическом сравнении следов на пулях и гильзах, а также при анализе видеоматериалов. Алгоритмы машинного обучения позволяют обрабатывать большие объёмы данных за короткое время, что особенно важно в сложных делах.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют понимание возможностей современных технологий в области баллистической экспертизы. Разработанные

подходы могут быть использованы для совершенствования учебных программ в сфере криминалистики, а также для развития новых методологий исследования баллистических процессов

Ключевые слова: криминалистика, баллистика, численное моделирование, искусственный интеллект, лазерная диагностика, высокоскоростная съемка, судебная экспертиза, внутренняя баллистика, внешняя баллистика, исследование огнестрельного оружия

MODERN METHODS OF BALLISTIC RESEARCH

Yu. Barbachakova

*Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikot
ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117997, Russian Federation*

Abstract

Aim. Conduct a comprehensive analysis of modern research methods in ballistics, their application in forensic examination and assessment of their effectiveness for solving problems related to the investigation of crimes committed with the use of firearms. Special attention is paid to the integration of numerical modeling, experimental methods and artificial intelligence technologies to improve the accuracy, objectivity of expert conclusions.

Methodology. To achieve the set goal, a multi-stage research procedure was carried out: an analysis of scientific literature, a study of the theoretical foundations of ballistics, including internal, external and terminal ballistics, as well as modern approaches to their study, an analysis of the works of both domestic and foreign authors specializing in the use of ballistic methods in forensic science. Real cases of using various research methods in forensic practice were considered. This made it possible to identify the most effective approaches and limitations of existing technologies. Numerical methods were used to simulate projectile trajectories, taking into account air resistance, the influence of the Coriolis force and other factors. Software tools such as Ballistic Trajectory Simulation (BTS) and Integrated Ballistics Identification System (IBIS) were used. Tests were conducted on ballistic stands to verify hypotheses regarding the characteristics of weapons and ammunition. Laser spectroscopy (LIBS), high-speed shooting and other modern technologies were used. The effectiveness of machine learning algorithms for analyzing ballistic data, comparing traces on bullets and cartridges, and processing video and photo materials is assessed. The results obtained by different methods are compared to determine their complementarity and the possibility of combining them to increase the reliability of conclusions.

Results. Numerical modeling has demonstrated high accuracy in calculating projectile trajectories and reconstructing crime scenes. This method is especially effective when combined with experimental research data. Laser diagnostics allowed for a detailed study of traces of gunpowder carbon and microscopic particles left after a shot. This significantly improved the ability to determine the distance to the shooter and the type of weapon used. High-speed filming provided unique data on the movement of a bullet in the first milliseconds after a shot, which is important for analyzing the nature of gas emissions and the shape of a flame. Ballistic stands have proven their importance for imitation tests and testing hypotheses regarding the penetrating ability of bullets and other weapon characteristics. Artificial intelligence has demonstrated high efficiency in automatically comparing traces on bullets and cartridge cases, as well as in analyzing video materials. Machine learning algorithms allow processing large amounts of data in a short time, which is especially important in complex cases.

Research implications. Thus, this research not only summarizes modern methods of ballistic study but also demonstrates their practical applicability in forensic investigations. The integration of advanced technologies with traditional methods allows achieving high accuracy and objectivity when solving complex tasks arising in modern judicial practice.

Keywords: criminalistics, ballistics, numerical modeling, artificial intelligence, laser diagnostics, high-speed shooting, forensic examination, internal ballistics, external ballistics, firearms research

Введение

Современные реалии таковы, что интеграция цифровых технологий, процесса виртуализации инфильтрирует во все сферы жизнедеятельности, в т. ч. и в правоохранительную деятельность, в частности – судебно-экспертную. Так, цифровая обработка изображений уже давно используется в экспертно-криминалистической деятельности. Ярким примером может послужить всем известная автоматизированная дактилоскопическая информационная система «Папилон», которая аккумулирует в виртуальной среде изображения папиллярных узоров ладонных поверхностей рук, обычно отображаемых в дактилоскопических картах и следах рук, изымаемых с мест преступлений. Однако на достигнутом не стоит останавливаться, т. к. развитие экспертно-криминалистических учётов, информационно-поисковых автоматизированных комплексов, автоматизированных идентификационных систем в целях совершенствования научно-технического обеспечения экспертно-криминалистической деятельности МВД России повысит эффективность деятельности МВД по раскрытию и расследованию преступлений. Кроме того, возможности программного обеспечения, построенные в соответствии с основными положениями теории криминалистической идентификации, позволят, на наш взгляд, объективизировать процесс судебно-экспертного исследования, обеспечив при этом значительно более высокий уровень достоверности полученного результата [1, с. 3; 3, с. 107; 4, с. 71; 5, с. 83].

Анализ научной литературы по проблеме современных методов баллистических исследований требует рассмотрения как теоретических основ, так и практических аспектов применения передовых технологий в этой области.

Современные методы баллистических исследований представляют собой междисциплинарную область, объединяющую криминалистику, физику, математическое моделирование и информационные технологии. Основная цель таких исследова-

ний – установление фактов, связанных с использованием огнестрельного оружия, путём рассмотрения следов выстрела, траектории полета пули и характеристик оружия.

Анализ научной литературы показывает, что данная тема активно развивается благодаря внедрению новых технологий, таких как: 3D-сканирование, микроскопия высокого разрешения и искусственный интеллект. Рассмотрим ключевые направления исследований и их практическое применение.

Баллистические исследования делятся на 3 основных направления:

1) *внутренняя баллистика* изучает процессы, происходящие внутри ствола оружия (например, давление газов, скорость движения пули);

2) *внешняя баллистика* анализирует движение пули после вылета из ствола (траектория, влияние внешних факторов, таких как ветер или гравитация);

3) *терминальная баллистика* исследует воздействие пули на цель (проникающая способность, деформация).

В работе Ю. Г. Корухова «Криминалистическая баллистика» подробно описаны механизмы формирования следов на пулях и гильзах, что является основой для идентификации оружия [8, с. 34].

Традиционные методы баллистических исследований включают: сравнительный анализ следов на пулях и гильзах; исследование пороховых отложений на одежде и коже, анализ повреждений, нанесённых пулей. Однако современные исследования всё чаще обращаются к цифровым технологиям. Например, А. В. Кокин в своей работе «Концептуальные основы криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях» подчёркивается важность использования компьютерных программ для моделирования траекторий полёта пули [7, с. 98].

Одним из ключевых достижений в области баллистических исследований является использование 3D-сканирования и микроскопии высокого разрешения. Эти методы позволяют создавать точные трёх-

мерные модели следов на пулях и гильзах, что значительно упрощает процесс сравнительного анализа. В исследовании группы учёных из Национального института стандартов и технологий США характеризуется разработка системы автоматизированного анализа следов на пулях с использованием 3D-сканеров [13, с. 12]. Точность идентификации оружия увеличилась на 30% по сравнению с традиционными методами.

Создание баз данных баллистической информации стало важным шагом в развитии данной области. Комплексная система баллистической идентификации (*Integrated Ballistic Identification System*) успешно используется в США и других странах для хранения и сравнения данных о пулях и гильзах, для раскрытия серийных преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия [14, с. 3].

Искусственный интеллект становится мощным инструментом в баллистических исследованиях. Алгоритмы машинного обучения позволяют анализировать большие объёмы данных и выявлять закономерности, которые трудно заметить человеку.

В исследовании С. Дж. Марринана и Р. Г. Бреретона демонстрируется разработка системы, способной идентифицировать оружие по следам на пулях с точностью до 95%, что значительно сокращает время, необходимое для проведения экспертизы [13, с. 3]. Компьютерное моделирование воссоздаёт условия выстрела и анализирует траекторию полёта пули. Это особенно важно при расследовании инцидентов, где необходимо установить точное положение стрелка. В статье Ю. В. Биктимирова «Перспективы использования технологий 3D моделирования в криминалистических исследованиях» представлены алгоритмы, используемые для расчёта траектории пули с учётом внешних факторов – ветра и угла выстрела [2, с. 231]. Современные методы позволяют не только идентифицировать оружие, но и определять личность стрелка, анализ пороховых отложений на руках подозреваемого может подтвердить факт выстрела при использовании спек-

трометрии для обнаружения следов пороха на коже и одежде [9, с. 56].

При расследовании массовых инцидентов (перестрелка или теракт) современные методы баллистических исследований играют ключевую роль. В Америке успешно применялись системы IBIS и 3D-сканирования для анализа более 1000 пуль, найденных на месте массового расстрела в Лас-Вегасе [12, с. 5]. К 2030 г. большинство баллистических исследований будет проводиться с использованием искусственного интеллекта и роботизированных систем [14, с. 9].

Анализ научной литературы показывает, что современные методы баллистических исследований активно развиваются благодаря внедрению новых технологий. 3D-сканирование, искусственный интеллект и компьютерное моделирование становятся неотъемлемой частью криминалистической практики. Однако для дальнейшего совершенствования данной области необходимо решать проблемы, связанные с высокой стоимостью оборудования и недостаточной подготовкой специалистов.

Современные методы исследования в баллистике

Баллистика как наука о движении снарядов и их взаимодействии с окружающей средой имеет важное значение для криминалистической экспертизы. Исследование баллистических процессов позволяет экспертам восстанавливать события преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия, а также определять ключевые характеристики стрелкового оружия и боеприпасов. В данной работе рассмотрим современные методы исследования в баллистике, которые активно применяются в криминалистике, с примерами их использования в реальных делах.

Современные методы исследования в баллистике играют ключевую роль не только в разработке и совершенствовании стрелкового оружия, но и в области криминалистики [5, с. 7; 6, с. 119]. Исследование

баллистических процессов позволяет экспертам анализировать следы выстрелов, определять типы оружия, использованных боеприпасов, а также восстанавливать события инцидента с высокой точностью. В условиях современных технологий численное моделирование, экспериментальные методы и искусственный интеллект становятся основными инструментами для решения сложных задач, возникающих при расследовании преступлений с применением огнестрельного оружия.

Численное моделирование траекторий снарядов представляет собой мощный инструмент для реконструкции событий преступления. Этот подход основан на решении дифференциальных уравнений движения, учитывающих множество факторов (начальная скорость пули, угол выстрела, воздушное сопротивление и влияние силы Кориолиса (начальная скорость пули (B_0), угол выстрела (θ), воздушное сопротивление):

$$\Phi_r = \frac{1}{2} p v^2 C_r A$$

где:

$p v$ — плотность воздуха,

C_r — коэффициент лобового сопротивления,

A — площадь поперечного сечения пули, и влияние силы Кориолиса:

$$\Phi_c = -2m(\bar{W} \times \bar{B})$$

Например, в одном из уголовных дел следователи столкнулись с противоречивыми показаниями свидетелей относительно места расположения стрелка [11, с. 17]. С помощью программы «Ballistic Trajectory Simulation (BTS)», которая решает задачу двухмерного движения под действием гравитации и аэродинамического сопротивления, эксперты смогли точно определить точку выстрела, используя данные о начальной скорости пули и угле наклона ствола. Результаты моделирования были подтверждены данными, полу-

ченными при анализе следов порохового нагара на теле жертвы, что позволило установить истинного стрелка. Такие расчёты особенно важны в случаях, когда необходимо определить расстояние до стрелка или угол выстрела, поскольку они позволяют объективно восстановить картину происшествия.

Внутренняя баллистика также имеет большое значение для криминалистической экспертизы. Процессы, происходящие внутри ствола во время выстрела (давление пороховых газов, температура и скорость пули), могут быть исследованы с помощью численных моделей. Основные параметры включают давление пороховых газов ($P(t)$), температуру ($T(t)$) и скорость пули ($v(t)$). Эти параметры формируют уникальные метки на поверхности пули, которые остаются после контакта с рифлением ствола [10, с. 31]. Внутренняя баллистика изучает процессы, происходящие внутри ствола во время выстрела. Для анализа используется система уравнений, описывающая горение заряда и распространение ударной волны:

$$\frac{dP}{dt} = \frac{F_b}{V_b} - \frac{P}{V_b} \frac{dV_b}{dt}$$

где:

F_b — сила давления газов на пулю;

V_b — объём камеры сгорания.

В этом случае можно привести пример: в ходе расследования серии нападений на банки была обнаружена связь между разными инцидентами благодаря анализу микроскопических меток на пулях [15, с. 14]. Используя программное обеспечение для создания трёхмерных моделей следов, эксперты установили, что все пули были выпущены из одного и того же пистолета. Это позволило объединить дела и сузить круг подозреваемых, продемонстрировав важность внутренней баллистики в судебной экспертизе.

Экспериментальные методы исследования, такие как лазерная диагностика, высо-

коскоростная съёмка и использование баллистических стендов, дополняют численное моделирование и предоставляют экспертам возможность получить достоверные данные о реальных условиях выстрела. Лазерная спектроскопия (*Laser-Induced Breakdown Spectroscopy, LIBS*) и лазерная доплеровская анемометрия (*Laser Doppler Anemometry, LDA*) позволяют детально исследовать следы выстрела – пороховой нагар, деформацию целей и микроскопические частицы, оставшиеся после выстрела [8, с. 15].

В одном из дел о нападении с использованием короткоствольного оружия лазерная спектроскопия была применена для анализа пороховых остатков на одежде жертвы [14, с. 5]. Благодаря этому удалось определить расстояние до стрелка, исходя из концентрации элементов, характерных для состава современных бездымных порохов, таких как свинец (Pb), барий (Ba) и антимон (Sb), характерных для состава современных бездымных порохов.

Высокоскоростные камеры (например, *Phantom VEO 710*) позволяют запечатлеть момент выстрела и движение пули в первые миллисекунды после выхода из ствола. Эти данные помогают экспертам анализировать характер выброса газов, форму пламени и другие параметры. Например, в ходе экспертизы орудия убийства высокоскоростная камера зафиксировала характерный «всплеск» газов при выстреле из предполагаемого оружия. После сравнения этих данных с записью аналогичного выстрела, сделанного на месте преступления, эксперты подтвердили, что именно это оружие использовалось при совершении преступления.

Баллистические стенды позволяют проводить имитационные испытания, чтобы проверить различные гипотезы относительно характеристик оружия или условий стрельбы. Они оснащены датчиками скорости (*chrono-graphs*), давления и деформации материалов, что обеспечивает точные измерения [13, с. 89]. Например, в деле о массовом нападении с использованием автоматического оружия эксперты использовали баллистический стенд для проверки

пробивной способности различных типов пуль через защитные стены. Результаты показали, что пули, найденные на месте преступления, могли быть выпущены только из конкретной модификации автомата, что помогло сузить круг подозреваемых¹.

Комбинированные подходы становятся стандартом в современной криминалистической практике. Они позволяют объединить преимущества численного моделирования, экспериментальных методов и других технологий для получения наиболее достоверных результатов. Например, в одном из сложных дел о возможном самостреле был применён комплексный подход [11, с. 120], включающий численное моделирование расчёта угла выстрела (α) с использованием результатов внешней баллистики, лазерную диагностику для анализа следов порохового нагара на коже жертвы с учётом распределения частиц по закону Гаусса и экспериментальную проверку на баллистическом стенде для имитации выстрела с предполагаемого расстояния (r). Результаты показали, что самострел был невозможен из-за особенностей положения тела и угла входа пули ($\alpha_{\text{крит}} > \alpha_{\text{реальное}}$). Это позволило следователям сосредоточиться на других версиях преступления.

Искусственный интеллект значительно расширяет возможности криминалистов, позволяя автоматизировать многие процессы и повышать точность анализа. Алгоритмы машинного обучения (например, свёрточные нейронные сети (CNN)) могут анализировать микроскопические детали следов на пулях и гильзах, чтобы найти совпадения между различными образцами. В частности, в крупной базе данных баллистических следов, созданной с помощью системы *National Integrated Ballistic Information Network (NIBIN)*, алгоритмы искусственного интеллекта сравнили следы на пуле, найденной на месте преступления, с миллионами записей [13,

¹ Corriveau Daniel, Wey Pierre, Berner Claude. Analytical model development and impulse thrusters pairing guidelines for trajectory corrections of spin-stabilized projectiles. American institute of Aeronautics and Astronautics. 2019. 17 p.

с. 78]. За несколько минут система выдала список потенциальных совпадений, среди которых оказалось оружие, ранее использованное в другом преступлении. Это позволило установить связь между двумя делами.

Искусственный интеллект также может быть применён для анализа видео и фото материалов. Алгоритмы обнаружения объектов, такие как YOLO (*You Only Look Once*) и Faster R-CNN, могут автоматически выделять характерные вспышки выстрелов и направление движения пуль. Например, в деле о перестрелке в ночное время видеозапись была крайне низкого качества¹. Однако алгоритмы искусственного интеллекта смогли выявить характерные вспышки выстрелов и определить направление движения пуль с использованием векторных полей. Это позволило реконструировать последовательность событий и установить порядок выстрелов.

Особое внимание уделяется анализу следов выстрела на различных поверхностях: стенах, мебели и теле жертвы:

- определение расстояния до стрелка по характеру порохового нагара (Дпорог);
- анализ ранений для установления угла выстрела (Θран);
- сравнение обнаруженных пуль и гильз с образцами изъятых у подозреваемых.

Современные технологии позволяют создавать трёхмерные модели мест преступлений, что существенно упрощает работу экспертов [12, с. 32]. Например, использование сканеров LiDAR и дронов позволяет получить подробные карты местности, включая положение следов выстрелов, ранений и других материальных доказательств. Эти данные затем анализируются с помощью специализированного программного обеспечения, которое учитывает физические законы движения и взаимодействия снарядов с различными материалами [11, с. 40].

Важным аспектом является также учёт психологических факторов при реконструкции событий. Часто свидетели дают противоречивые показания, что усложняет работу следователей. Современные методы моделирования и экспериментального анализа позволяют минимизировать влияние человеческого фактора и предоставить объективные данные. Например, если свидетели указывают разные точки выстрела, численное моделирование может помочь определить наиболее вероятную позицию стрелка, учитывая траекторию пули, угол попадания и другие параметры.

В будущем можно ожидать дальнейшего прогресса в развитии технологий визуализации, улучшения алгоритмов искусственного интеллекта и интеграции данных из разных источников. Создание более точных трёхмерных моделей мест преступлений с помощью сканеров LiDAR и дронов, повышение точности распознавания следов и прогнозирования событий с использованием глубокого обучения (Deep Learning), а также объединение информации из различных источников (медицинская экспертиза, баллистика, видеонаблюдение) для получения полной картины преступления станут новыми этапами развития криминалистической баллистики.

Только сочетание передовых технологий и профессионального опыта экспертов может обеспечить успешное решение сложных задач, возникающих в современной криминалистической практике.

Заключение

Современные методы исследования в баллистике открывают новые горизонты для криминалистической экспертизы. Численное моделирование, экспериментальные исследования и технологии искусственного интеллекта позволяют экспертам получать достоверные данные о событиях преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия. Однако для достижения максимальной эффективности необходимо постоянное

¹ Baranowski Leszek. Equations of motion of a spin-stabilized projectile for flight stability testing. International Association for Identification (IAI). Standards for Firearm and Toolmark Identification. IAI Guidelines Document. 2022. Vol. 51. № 1. P. 235–246.

совершенствование методов и их адаптация к специфике конкретных ситуаций.

Данное исследование не только обобщает современные методы исследования в баллистике, но и демонстрирует их практическую применимость в криминалистической экспертизе. Интеграция передо-

вых технологий и традиционных методов позволяет достигать высокой точности и объективности при решении сложных задач, возникающих в современной судебной практике.

Статья поступила в редакцию 14.09.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлова Б. П. О взаимодействии следователя с экспертами и специалистами в области судебной баллистики // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. № 17. С. 3–4.
2. Биктимирова Ю. В. Перспективы использования технологий 3D моделирования в криминалистических исследованиях // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем / под ред. О. В. Пьянкова. Воронеж, 2021. С. 229–231.
3. Безопасные условия проведения исследований с баллистическими установками / С. И. Герасимов, И. А. Одзерихо, Р. В. Герасимова, А. В. Сальников, А. П. Калмыков, Б. А. Яненко // Известия высших учебных заведений. Машиностроение. 2019. № 9. С. 105–114.
4. Горшенева И. А., Безбородова Л. А., Козловский М. Ю. Криминалистическая баллистика (опыт ФРГ) // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики / под рук. Р. Б. Осокина. М., 2019. С. 70–75.
5. Владимиров В. Ю., Данилов И. А. Обеспечение достоверности результатов судебной экспертизы в условиях ее виртуализации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 2. С. 82–90.
6. Сихарулидзе Ю. Г. Баллистика и наведение летательных аппаратов. М., 2013. 407 с.
7. Кокин А. В. Концептуальные основы криминалистического исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях: дис. д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 388 с..
8. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998. 288 с.
9. Оберенко А. В., Сагалаков С. А., Качин С. В. Современные подходы к отбору проб для исследования следов продуктов выстрела // Судебно-медицинская экспертиза. 2023. Т. 66. № 6. С. 55–58.
10. Писарев С. А., Чирков Д. В., Федорова Е. А. Анализ аберраций и способов минимизации их влияния на результаты исследований быстропротекающих динамических процессов с использованием видеокамеры высокоскоростной съемки // Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова. 2020. Т. 23. № 4. С. 6–15.
11. Fedorenko V. A., Sorokina K. O. Методы статистического анализа и машинного обучения в судебно-баллистической экспертизе // ԴԱՏԱԿԱՆ ՓՈՐՁԱԳՆՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԶՐԵԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՆԴԵՍ. 2023. С. 118–126. DOI: 10.53587/25792865-2023.9-118.
12. Brown M., Taylor K. Ballistic Evidence in Mass Shooting Investigations. Artificial Intelligence in Forensic Science: Applications and Challenges. Springer Nature // Forensic Science International. 2021. P. 7756–7763.
13. Marrinan S. J., Brereton R. G. Machine Learning Techniques for Ballistic Evidence Analysis // Forensic Science International. 2020. № 311. P. 110254.
14. Ryabchikov A. V., Petrov S. N. Modern Methods of Internal Ballistics Research // Russian Journal of Forensic Science. 2021. № 15. P. 221–234.
15. Smith J. W., Jones M. H. High-Speed Videography in Ballistic Studies // Applied Optics. 2020. № 59. P. 4678–4686.

REFERENCES

1. Askarova B. P. [On the results of the investigator with experts and specialists in the field of ballistics assessment]. In: *Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy* [Collection of materials of forensic readings], 2020, no. 17, pp. 3–4.
2. Biktimirova Yu. V. [Prospects for using 3D modeling technology in forensic studies]. In: Pyankov O. V., ed. *Aktualnyye voprosy ekspluatatsii sistem okhrany i zashchishchennykh telekommunikatsionnykh sistem* [Current issues of operation of security systems and protected telecommunication systems]. Voronezh, 2021, pp. 229–231.
3. Gerasimov S. I., Odzerikho I. A., Gerasimova R. V., Salnikov A. V., Kalmykov A. P., Yanenko B. A. [Safe

- conditions for conducting research with ballistic installations]. In: *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Mashinostroyeniye* [News of higher educational institutions. Mechanical engineering], 2019, no. 9, pp. 105–114.
4. Gorsheneva I. A., Bezborodova L. A., Kozlovsky M. Yu. [Forensic ballistics (experience of the FRG)]. In: Osokin R. B., ed. *Voprosy s vozmozhnymi posledstviyami deyatel'nosti: vzaimodeystviye nauki, normotvorchestva i praktiki* [Issues with possible consequences of activity: interaction of science, rule-making and practice]. Moscow, 2019, pp. 70–75.
 5. Vladimirov V. Yu., Danilov I. A. [Ensuring the reliability of the results of complex examinations in the context of its virtualization]. In: *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 2, pp. 82–90.
 6. Sikharulidze Yu. G. *Ballistika i vnedreniye letatelnykh apparatov* [Ballistics and the introduction of aircraft]. Moscow, 2013. 407 p.
 7. Kokin A. V. *Kontseptualnyye osnovy kriminalisticheskogo issledovaniya nareznogo ognestrel'nogo oruzhiya po sledam na pulyakh: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Conceptual foundations of forensic examination of rifled firearms based on traces on bullets: Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Volgograd, 2015. 388 p.
 8. Korukhov Yu. G. *Kriminalisticheskaya diagnostika pri rassledovanii prestupleniy* [Forensic diagnostics in crime investigation]. Moscow, 1998. 288 p.
 9. Oberenko A. V., Sagalakov S. A., Kachin S. V. [Modern approaches to sampling for the study of traces of gunshot products]. In: *Forensic medical examination* [Forensic medical examination], 2023, vol. 66, no. 6, pp. 55–58.
 10. Pisarev S. A., Chirkov D. V., Fedorova E. A. [Analysis of aberrations and methods for minimizing their impact on the results of studies of fast-moving dynamic processes using a high-speed video camera]. In: *Bulletin of Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov* [Bulletin of Izhevsk State Technical University named after M. T. Kalashnikov], 2020, vol. 23, no. 4, pp. 6–15.
 11. Fedorenko V. A., Sorokina K. O. [Methods of statistical analysis and machine learning in forensic ballistic examination]. In: *ԴԱՏԱԿԱՆ ՓՈՐՁԱԲՆՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԶՐԵԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՆՐԱԵՄ*, 2023, pp. 118–126. DOI: 10.53587/25792865-2023.9-118.
 12. Brown M., Taylor K. Ballistic Evidence in Mass Shooting Investigations. Artificial Intelligence in Forensic Science: Applications and Challenges. Springer Nature. In: *Forensic Science International*, 2021, pp. 7756–7763.
 13. Marrinan S. J., Brereton R. G. Machine Learning Techniques for Ballistic Evidence Analysis. In: *Forensic Science International*, 2020, no. 311, pp. 110254.
 14. Ryabchikov A. V., Petrov S. N. Modern Methods of Internal Ballistics Research. In: *Russian Journal of Forensic Science*, 2021, no. 15, pp. 221–234.
 15. Smith J. W., Jones M. H. High-Speed Videography in Ballistic Studies. In: *Applied Optics*, 2020, no. 59, pp. 4678–4686.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барбачакова Юлия Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: buu_od@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia Yu. Barbachakova – Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Criminalistics, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya
e-mail: buu_od@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Барбачакова Ю. Ю. Современные методы баллистических исследований // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 70–78.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-70-78

FOR CITATION

Barbachakova Yu. Yu. Modern Methods of Ballistic Research. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 70–78.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-70-78

УДК 343.3/.7

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-79-88

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И СИСТЕМА

Шутова А. А.*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обосновать необходимость введения термина «преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения» в уголовно-правовую доктрину, сформулировать определение понятия, обозначить, какими признаками обладают подобные деяния, и представить их систему.

Процедура и методы. В качестве научного материала были использованы отечественные и зарубежные публикации, отражающие исследования по рассматриваемой проблеме. В статье предпринята попытка систематизировать имеющиеся теоретические воззрения как отечественных, так и зарубежных авторов, обобщить полученный материал в контексте развития цифровизации, цифровых технологий и влияния этого процесса на преступность. Полученные материалы были критически оценены автором, что позволило с учётом сущности цифровых технологий сформулировать собственную концепцию преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения, их систему и признаки.

Результаты. Неизбежным результатом цифровизации всех сфер общественной жизни, в т. ч. сферы здравоохранения, стало использование цифровых технологий в преступных целях, что должно послужить закономерным толчком к формированию теоретико-прикладных основ противодействия преступности. По итогам исследования сделан вывод о необходимости введения в научный оборот термина «преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения», сформулированы признаки, характеризующие их и выработаны их системы, проведены отличия от цифровых преступлений.

Теоретическая и/или практическая значимость. В научный оборот введены термины «преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения», «цифровые преступления», даны их определения, приведены критерии отличия, раскрыты признаки и представлена система уголовно наказуемых деяний, которые в целом расширяют имеющиеся знания в уголовно-правовой доктрине.

Ключевые слова: здравоохранение, искусственный интеллект, медицинские изделия, преступление, робототехника, уголовное право, уголовное законодательство, цифровые технологии, цифровая безопасность

CRIMES AGAINST DIGITAL SECURITY OF THE HEALTH SYSTEM: CONCEPT, SIGNS AND SYSTEM

A. Shutova*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov,
ul. Moskovskaya 42, Kazan 420111, Russian Federation*

Abstract

Aim. To justify the need to introduce the term “crimes against the digital security of the healthcare system” into the criminal law doctrine, to formulate a definition of the concept, to identify what characteristics such acts have and to present their system.

© CC BY Шутова А. А., 2024.

Methodology. Domestic and foreign publications reflecting research on the problem under consideration were used as scientific material. The article makes an attempt to systematize the existing theoretical views of both domestic and foreign authors, to summarize the obtained material in the context of the development of digitalization, digital technologies and the impact of this process on crime. The received materials were critically assessed by the author, which made it possible, taking into account the essence of digital technologies, to formulate his own concept of crimes against the digital security of the healthcare system, their system and characteristics.

Results. An inevitable result of the digitalization of all spheres of public life, including the healthcare sector, has been the use of digital technologies for criminal purposes, which should serve as a natural impetus for the formation of theoretical and applied foundations for combating crime. Based on the results of the study, it was concluded that it is necessary to introduce the term “crimes against the digital security of the healthcare system” into scientific circulation, the characteristics that characterize them were formulated and their systems were developed, and differences from digital crimes were drawn.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in the fact that the terms “crimes against the digital security of the healthcare system”, “digital crimes” have been introduced into scientific circulation, their definitions have been given, criteria for distinction are given, signs are revealed and a system of criminal offenses is presented, which in general expand existing knowledge in criminal law doctrine.

Keywords: healthcare, artificial intelligence, medical products, crime, robotics, criminal law, criminal law, digital technologies, digital security

Введение

Концепт «цифровой безопасности» в уголовном законодательстве является не новым и активно разрабатывается специалистами в уголовно-правовой доктрине (И. Р. Бегишевым [2], С. Я. Лебедевым [8], Н. А. Крайновой [7] и др.), что свидетельствует о его устойчивости и научной обоснованности.

Развитие цифровых технологий, а вслед за ними систем обеспечения защиты информации определило высокую частоту использования термина «цифровая безопасность».

При этом бурное развитие цифровых технологий и необходимость обеспечения защиты цифровой информации вынуждают продумать комплекс мер, направленных на обеспечение состояния защищённости.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние на систему здравоохранения, последняя также подвержена значительным рискам и угрозам в виду того, что:

- применяемые цифровые технологии являются новыми и не до конца изученными;
- ещё только можно делать прогнозы относительно возможных последствий

применения цифровых технологий (в т. ч. негативных) и как они отобразятся в будущем на качестве оказываемой медицинской помощи;

- цифровизация ставит под угрозу все данные в цифровом формате, начиная от персональных данных пациента, заканчивая их анамнезом в связи с тем, что медицинские организации обрабатывают значительный массив данных, что может привести к их утечкам;

- посягательства на медицинские организации могут привести к негативным последствиям как самих учреждений, так и для людей;

- возможности цифровых технологий безграничны, они позволяют злоумышленникам взломать инсулиновую помпу, получив доступ к цифровому устройству на значительном расстоянии, а в последствии ввести в организм пациента смертельную дозу препарата, используемого при лечении сахарного диабета¹. Возможны и другие атаки шифровальщиков на различные системы поддержания жизнедеятельно-

¹ Хакер, нашедший дыру в кардиостимуляторах // C.News: [сайт]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/hakernashedshij_dyru_v_kardiostimulatorah (дата обращения: 06.08.2024).

сти: аппараты искусственной вентиляции лёгких и искусственного кровообращения, оборудование для анализа.

Именно по данным причинам вопросам цифровой безопасности системы здравоохранения должно отдаваться первоочередное значение, особенно в свете революции, меняющей традиционное здравоохранение на новое цифровое, а также значительного роста преступлений, совершаемых в цифровом пространстве.

Последствия от криминальных посягательств в сфере здравоохранения могут быть самыми разнообразными, начиная от хищения персональных данных пациентов, заканчивая цепями многоуровневых негативных последствий, тянущихся один за другим (компьютерный вирус передаётся от одной больницы к другой, нанося вред её системам, системам безопасности программного обеспечения, ставя под угрозу жизнь и здоровье пациентов, которым не может быть оперативно оказана медицинская помощь, что в совокупности создаёт риски национальной безопасности страны).

Кроме того, после совершения преступлений против цифровой безопасности медицинских учреждений пациенты должны продолжать получать медицинскую помощь, в т. ч. проведение в отношении них операций, поскольку от этого может зависеть их жизнь и здоровье.

Исследование вопросов цифровой безопасности системы здравоохранения невозможно без формирования надлежащего понятийно-категориального аппарата, должно быть дано определение понятия «преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения», сформулированы признаки, характеризующие подобные деяния, выявлены особенности их квалификации, что в целом позволит говорить о формировании теоретических основ в области уголовно-правового противодействия преступлениям против цифровой безопасности системы здравоохранения и создаст теоретико-прикладные основы их квалификации.

Криминальные риски и текущее состояние

В настоящее время готовые программные инструменты не справляются с обнаружением новых угроз и защитой медицинских учреждений, что приводит к техническому пробелу. За последнее время злоумышленники активно «атаковали» сектор здравоохранения и использовали программы-вымогатели для предотвращения доступа к критически важным системам и данным¹. Подобная ситуация складывается во многих странах вместе с ростом зависимости от цифровых систем.

В результате подобных криминальных посягательств больницы, оказывающие медицинскую помощь населению, были вынуждены останавливать машины скорой медицинской помощи, отменять и откладывать приёмы, не могли перевозить пациентов в другие больницы. Многие нападения привели к сбоям в работе на несколько месяцев, а некоторые из них – к полному закрытию медицинских учреждений². Сосредоточив внимание на протоколах безопасности, обнаружении уязвимостей и автоматических исправлениях, усилия должны быть направлены на уменьшение возможностей злоумышленников атаковать программное обеспечение цифрового здравоохранения, что в целом позволит предотвратить крупномасштабные противоправные посягательства.

Злоумышленники используют различные способы для взлома больничных систем:

- 1) фишинговые атаки;
- 2) поиск уязвимостей в программном обеспечении.

В действительности, исходя из складывающейся криминальной ситуации, можно констатировать, что *противоправные посягательства возникают по поводу:*

¹ Зона заражения: киберпреступники стали чаще атаковать больницы // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1734712/dmitrii-bulgakov/zona-zarazheniia-kiberprestupniki-stali-chashche-atakovat-bolnitcy> (дата обращения: 06.08.2024).

² Не успели спасти: пациентка умерла из-за хакерской атаки // Газета: [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/18/13255255/ransomware_death.shtml (дата обращения: 06.08.2024).

1) цифровой информации, т. к. в настоящее время в здравоохранении обычно собираются огромные объёмы данных – не только описательная информация (имя, профессия, физическое и психическое состояние, генетический профиль), но также данные, полученные с помощью датчиков окружающей среды, изображений (полученных с помощью эндоскопии, радиологических методов и т. д.) [14]. Данные о здоровье и генетические данные являются наиболее важной личной информацией; они могут быть использованы в преступных целях. Криминальную угрозу безопасности информации, обращающейся в учреждениях системы здравоохранения, представляющих действия, направленные на незаконное собирание подобных сведений, их распространение, неправомерный доступ к ним [13, с. 136].

2) злоумышленников могут заинтересовать медицинские изделия и иные устройства, созданные на основе цифровых технологий, которые собирают цифровые данные и используются в целях оказания медицинской помощи. В силу наличия программной части у медицинского изделия, созданного и работающего с технологией искусственного интеллекта, оно, даже выраженное в материальной форме, может и не быть интересным для злоумышленника в качестве предмета внешнего (окружающего) мира; для него интерес представляет именно его программная составляющая, позволяющая реализовать функционал изделия в преступных целях или использовать, к примеру, возможности медицинского робота. Несмотря на высокую эффективность цифровых технологий в сфере здравоохранения, имеется ряд серьёзных рисков и угроз по поводу их использования, например, безопасности и сохранности истории болезни пациента, угрозу неприкосновенности частной жизни пациента, неправомерного доступа в медицинское роботизированное изделие с целью захвата управления им, хищение биопринтера, биочернил, незаконная торговля биопринтерами, биочернилами. Кроме того, цифровые технологии актив-

но используются злоумышленниками как механизм в своей преступной деятельности. По мнению Р. В. Шишкина, криминальная ситуация, складывающаяся в сфере цифровых технологий, позволяет констатировать отсутствие специальных форм и средств противодействия преступным проявлениям [12];

3) посягательства на объекты критической информационной инфраструктуры причиняют ущерб как гражданам, так и обществу, и государству. В модели функционирования государства и общества огромную роль занимают объекты информационной инфраструктуры, т. к. они обеспечивают устойчивое развитие цифровизации [4, с. 133]. Имеется случай смерти пациента, которому вследствие поражения информационной инфраструктуры больницы не смогли оказать медицинскую помощь¹.

Следовательно, стоит констатировать, что противоправные посягательства в сфере цифрового здравоохранения возникают по поводу безопасности цифровой информации, безопасности критической информационной инфраструктуры и безопасности цифровых технологий.

Преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения: признаки и понятие

Преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения характеризуются специфическими признаками, которые их отличают от других уголовно наказуемых деяний (цифровых преступлений, преступлений в сфере компьютерной информации, компьютерных преступлений и т. д.):

1) наличием специфического объекта преступного посягательства – общественными отношениями, обеспечивающими цифровую безопасность (для уголовно наказуемых деяний, предусмотренных гл. 28 Уголовного кодекса Российской

¹ В Дюссельдорфе пациентка умерла после хакерской атаки на клинику // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9482283> [сайт] (дата обращения: 06.08.2024).

Федерации (далее – УК РФ) – непосредственным объектом, для иных – дополнительным объектом);

2) совершая цифровые преступления, злоумышленник чаще всего посягает сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны: на цифровую безопасность и на иные общественные отношения, интересы и блага (жизнь, здоровье, собственность и т. д.).

При этом первоначально противоправное воздействие злоумышленников осуществляется на цифровую составляющую правоотношений, поскольку через посягательство именно на неё происходит воздействие на иные охраняемые законом общественные отношения, блага и интересы (жизнь и здоровье человека, национальную безопасность, персональные данные, собственность, интеллектуальные права и т. д.). Указанные общественные отношения, интересы и блага страдают в результате воздействия на них в цифровом пространстве. Так, в 2020 г. злоумышленники получили доступ к данным патологоанатомического отделения Свердловского областного онкологического диспансера, из-за чего пациенты остались без результатов биопсии. Указанные сведения были необходимы врачам, т. к. без них невозможно было назначить лечение. Злоумышленники требовали 80 тыс. руб. за разблокировку данных¹.

Система здравоохранения подвержена цифровизации, что характеризуется переходом хранения всей информации (данные о пациентах, анамнез, персональные данные, иная медицинская документация) в цифровой формат. Подобное обстоятельство одновременно породило серьёзную проблему цифровой безопасности. Неправомерное получение подобных данных может быть использовано в преступных целях, в т. ч. для мошенничества, вымогательства и других противоправных деяний. Цифровая информация, выступающая обязательным призна-

ком составов преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения, непосредственно влияет на содержание непосредственного объекта преступного посягательства и в некоторых составах определяет его (характерно для гл. 28 УК РФ);

3) «цифровая» составляющая преступлений находит свою реализацию в элементах состава преступления: предмете, средстве и способе совершения преступлений;

4) субъектами преступлений могут быть как медицинские работники, выполняющие должностные (профессиональные) обязанности, соответствующие требованиям (уровень образования, стаж и т. д.), занимающие определённую должность и обладающие определёнными полномочиями, а также иные лица, непосредственно не относящиеся к сфере здравоохранения.

Цифровая безопасность системы здравоохранения может быть объектом преступных посягательств со стороны как медицинских работников, так и обычных граждан, которые не имеют медицинского образования, однако их противоправные намерения непосредственно причиняют вред организации системы здравоохранения. Несомненно, в некоторых случаях действия виновных могут быть направлены на достижение корыстных целей, однако осуществляют их посредством воздействия на учреждения системы здравоохранения;

5) потерпевшими в результате совершения уголовно наказуемых деяний являются как юридические (учреждения и организации системы здравоохранения в независимости от формы собственности), так и физические лица (медицинские работники, пациенты и т. д.);

6) специфические негативные общественно опасные последствия (как юридически значимые, так и не влияющие на квалификацию, но оказывающие негативное воздействие) от совершения преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения (блокировка доступа к электронным программам больниц, в результате чего медицинские учреждения не могут оказывать помощь, не зная анамнеза

¹ Вирус лишил свердловский онкоцентр доступа к анализам больных. Хакерскую атаку посчитали случайной // 360.RU: [сайт]. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/virus-lishil-sverdlovskij-onkotsentr>. (дата обращения: 06.08.2024).

и истории болезни пациента, рост нагрузки на соседние медицинские учреждения из-за атак на больницы, которые вынуждены принимать пациентов от организаций, пострадавших в результате хакерской атаки, причинение вреда жизни или здоровью пациентов, приостановление работы медицинской организации, отсутствие возможности оперативно оказывать помощь, потеря доступа к медицинским картам пациентов, отключение больниц от цифрового оборудования и т. д.). Так, в 2023 г. в Приморье были атакованы информационные системы склада льготных лекарств, в результате чего отпуск жизненно важных препаратов был временно приостановлен¹.

Итак, выявленные в процессе исследования основные признаки, которые характеризуют преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения, позволят сформулировать их определение.

Так, под преступлениями против цифровой безопасности системы здравоохранения следует понимать *противоправные общественно опасные деяния, посягающие на состояние защищённости цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий в системе здравоохранения от внутренних и внешних цифровых угроз*.

Отличие преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения от цифровых преступлений

Концепция «преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения» шире концепции «цифровых преступлений», в связи с этим полагаем, что их можно рассматривать как часть (цифровые преступления) и целое (цифровая безопасность). Стоит отметить, что если в доктрине уже активно употребляется термин «цифровые преступления»² [5; 9], то

¹ В Приморье приостановили выдачу лекарств льготникам из-за хакерской атаки // RGRU: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/07/14/v-primore-iz-zahakerskoj-ataki-priostanovlena-vydacha-lekarstv-lgotnikam.html> (дата обращения: 06.08.2024).

² Цифровое право: учебник / под ред. Э. Л. Сидоренко.

вопросам цифровой безопасности уделяется меньше внимания.

Мы придерживаемся позиции, согласно которой цифровые преступления – это общественно опасные деяния, совершенные с использованием цифровых технологий и (или) в отношении них. В данном определении мы акцентируем внимание на том, что данные уголовно наказуемые деяния характеризуются влиянием на цифровые технологии, а не на информационные, несмотря на то, что некоторые авторы рассматривают их как тождественные [10, с. 39].

При этом безопасность – это ключевое и комплексное понятие, в нормативных правовых актах Российской Федерации под которым понимается состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства³, национальных интересов⁴, участников дорожного движения⁵ от каких-либо угроз. В свою очередь, любой вид безопасности представляет собой определённый набор инструментов и методов, которые следует использовать для защиты. Так, защита информации от незаконного доступа, использования, раскрытия или изменения является основной целью информационной безопасности. В свою очередь, защита цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий субъектов, осуществляющих деятельность в системе здравоохранения, является целью цифровой безопасности системы здравоохранения.

Система преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения

Исходя из складывающейся криминальной ситуации (приведённой выше), а также с учётом того, что основными элементами

М.: Юрлитинформ, 2024. 720 с.

³ Закон Российской Федерации от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» // Российская газета. 1992. № 103.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

⁵ Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // СПС Консультант Плюс.

цифровой безопасности системы здравоохранения являются: цифровая информация, цифровые технологии и цифровая инфраструктура, – полагаем возможным выработать систему преступлений, посягающих на цифровую безопасность системы здравоохранения. Данная система позволит выявить общие признаки, характеризующие подобные противоправные посягательства в русле процессов цифровизации, определить влияние цифровых технологий, цифровой информации на преступность, сформулировать предложения по квалификации подобных деяний и меры по совершенствованию уголовного законодательства.

Систему преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения составляют:

1) уголовно наказуемые деяния против безопасности цифровой информации, обращающейся в учреждениях системы здравоохранения (ст.ст. 137, 138, 138¹, 159⁶, 272, 273, 274, 274¹ УК РФ). В данном случае цифровая информация является предметом преступного посягательства;

2) преступления против безопасности цифровой инфраструктуры учреждений системы здравоохранения (274¹ УК РФ). В данном случае цифровая инфраструктура (информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления) и информация, содержащаяся в ней, являются предметами преступного посягательства;

3) преступления против безопасности цифровых технологий, применяемых в системе здравоохранения (нейротехнологии, технологии искусственного интеллекта и робототехники; интернет вещей и технологии больших данных и др.). При этом цифровые технологии находят свою материальную форму выражения, реализуясь как медицинские изделия. Технологии искусственного интеллекта, применяемые в сфере здравоохранения, находят своё воплощение в программном обеспечении, не имеющем своей материальной формы выражения.

Примечательно, что авторы уже проводят исследования влияния цифровых тех-

нологий – дипфейков – на преступность, правовое регулирование которых ещё не сложилось [6, с. 55].

Применительно к данной категории злоумышленник стремится неправомерно завладеть доступом к тем или иным цифровым данным [11, с. 392] в цифровом устройстве (медицинском изделии) и получает их в процессе выполнения определённых манипуляций с программой и системами устройств. При этом конкретная цифровая технология относится к предмету совершения преступления, а непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие их цифровую безопасность (в текущей редакции УК РФ – общественные отношения, обеспечивающие безопасность в сфере компьютерной информации и т. д.). Однако в том случае, если, к примеру, модификация охраняемой законом цифровой информации производилась с целью нарушения неприкосновенности частной жизни, то они подлежат квалификации по совокупности с преступлением, предусмотренными ст. 137 УК РФ и составом преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ.

Если же противоправное посягательство производилось непосредственно на программный код искусственного интеллекта, то имеет место преступление в сфере компьютерной информации, которое может быть квалифицировано в рамках отечественного уголовного законодательства, к примеру, по ст.ст. 272 или 273 УК РФ. К предмету преступлений в сфере компьютерной информации следует относить компьютерную информацию, определение которой содержится в примечании к ст. 272 УК РФ. Самообучаемая система состоит из программного кода, т. е. является компьютерной информацией.

Однако считаем важным указать, что в данном случае целесообразно выделять уголовно наказуемые деяния, совершаемые:

– *непосредственно против цифровой технологии*. При этом следует сделать оговорку, что в рамках указанной группы преступлений подразумевается применение не интеллектуальных свойств медицин-

ских изделий, а именно «физическое» на-
полнение технологий;

– *против результата цифровой технологии*. В рамках указанной группы преступлений подразумевается применение «интеллектуальных» свойств медицинских изделий, оснащённых цифровыми технологиями.

В свою очередь, преступления, совершённые с использованием цифровых технологий в системе здравоохранения, это:

– цифровые технологии, используемые в качестве способа совершения преступления;
– цифровые технологии, используемые в качестве средства совершения преступления.

Программисты уже продемонстрировали, как они могут вмешиваться в работу кардиостимуляторов и инсулиновой помпы¹, являющихся медицинскими изделиями, для получения дистанционного контроля над ними, в результате чего могут причинить вред здоровью, а также вообще лишит человека жизни. Можно предполагать, что потенциальные злоумышленники смогут взять под контроль и иное медицинское оборудование, включая медицинских роботов для проведения удалённой хирургии. Во время телехирургической операции доктор удалённо управляет медицинским роботом с помощью специализированного программного и аппаратного обеспечения.

В случае, если в рамках приготовления к умышленному уничтожению движимого имущества (к примеру, автомобиля) в крупном размере лицо осуществило несанкционированное воздействие на цифровой код компьютерной программы робота, в результате чего приобрело возможность управлять им и с его помощью уничтожило имущество, то содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 167 и 272 УК РФ [3, с. 71].

Заключение

В связи с построением цифрового государства и цифрового общества [1, с. 26] полагаем возможным использовать в уголовно-правовой доктрине дефиницию «преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения», поскольку цифровизация затрагивает как большой комплекс правоотношений в рассматриваемой сфере, связанных с надлежащим осуществлением цифровой медицинской помощи пациентам, так и другие деяния прямо или косвенно связанные с ней.

Уголовно-правовая характеристика преступлений против цифровой безопасности системы здравоохранения требует анализа специфических признаков деяний, их системы. Для этих целей важное место занимает системный подход.

Под преступлениями против цифровой безопасности системы здравоохранения следует понимать противоправные общественно опасные деяния, посягающие на состояние защищённости цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий в системе здравоохранения от внутренних и внешних цифровых угроз.

Система преступлений, посягающих на цифровую безопасность системы здравоохранения, строится из:

1) преступлений против безопасности цифровой информации, обращающейся в учреждениях системы здравоохранения (ст.ст. 137, 138, 138¹, 159⁶, 272, 273, 274, 274¹ УК РФ).

2) преступлений против безопасности цифровой инфраструктуры учреждений системы здравоохранения (ст. 274¹ УК РФ).

3) преступлений против безопасности цифровых технологий в системе здравоохранения.

Статья поступила в редакцию 24.02.2024.

¹ Уязвимости в медицинских приборах – реальность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/vzlamyvaya-lyudej/1530/> (дата обращения: 15.08.2024).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасов Ю. Г., Певцова Е. А. Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // *Московский юридический журнал*. 2022. № 4. С. 24–34. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34.
2. Бегишев И. Р. Семантический анализ термина «цифровая безопасность» // *Юрислингвистика*. 2021. № 20. С. 24–38. DOI: 0000-0001-5619-4025
3. Бегишев И. Р. Цифровые преступления, совершаемые в отношении роботов // *Социально-политические науки*. 2021. Т. 11. № 3. С. 67–73.
4. Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2019. Т. 21. № 2. С. 130–139.
5. Долгиева М. М. Цифровой объект преступления // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 483. С. 253–260. DOI: 10.17223/15617793/483/27
6. Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // *Московский юридический журнал*. 2021. № 3. С. 54–64. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-54-64
7. Крайнова Н. А. «Международная цифровая безопасность»: миф или реальность? // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 4. С. 42–46.
8. Лебедев С. Я. Цифровой безопасности – цифровой уголовно-правовой ресурс // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2019. № 4. С. 17–25.
9. Перица А. С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки // *Юридический вестник Самарского университета*. 2023. Т. 9. № 3. С. 106–115. DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-106-115.
10. Сидорова Е. З., Усов Е. Г. Основные меры предупреждения цифровой преступности // *Вестник ВИПК МВД России*. 2024. № 2. С. 38–43. DOI: 10.29039/2312-7937-2024-2- 38-43.
11. Фаллетти Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1. № 2. С. 387–420. DOI: 10.21202/jdtl.2023.16
12. Шишкин Р. В. Преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий: проблемы противодействия // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2022. № 4. С. 148–153. DOI: 10.21869/2223-1501-2024-14-2-119-130
13. Шутова А. А. Влияние телемедицины на преступность: риски и тенденции, уголовно-правовое реагирование // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 133–142. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-133-142.
14. Martian CO2 ice observation at high spectral resolution with ExoMars / F. Oliva, E. D'Aversa, G. Bellucci, F. G. Carrozzo, L. R. Lozano, F. Altieri, et al. // *Journal of Geophysical Research*. 2022. № 127. DOI: 10.1029/2021JE007083

REFERENCES

1. Arzamasov Yu. G., Pevtsova E. A. [The Role of Digitalization in the Systematization of Legal Terminology]. In: *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal* [Moscow Law Journal], 2022, no. 4, pp. 24–34. DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-24-34
2. Begishev I. R. [Semantic Analysis of the Term “Digital Security”]. In: *Yurislingvistika* [Jurislinguistics], 2021, no. 20, pp. 24–38. DOI: 0000-0001-5619-4025
3. Begishev I. R. [Digital Crimes Committed against Robots]. In: *Sotsialno-politicheskaya nauka* [Social and Political Sciences], 2021, vol. 11, no. 3, pp. 67–73.
4. Dremlyuga R. I., Zotov S. S., Pavlinskaya V. Yu. [Critical information infrastructure as an object of criminal encroachment]. In: *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific region: economics, politics, law], 2019, vol. 21, no. 2, pp. 130–139.
5. Dolgieva M. M. [Digital object of crime]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2022, no. 483, pp. 253–260. DOI: 10.17223/15617793/483/27
6. Kiselev A. S. [On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence: deepfake as a threat to national security]. In: *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal* [Moscow Law Journal], 2021, no. 3, pp. 54–64. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-3-54-64
7. Kraynova N. A. [“International Digital Security”: Myth or Reality?]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2019, no. 4, pp. 42–46.
8. Lebedev S. Ya. [Digital Security – a Digital Criminal-Law Resource]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya,*

- zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2019, no. 4, pp. 17–25.
9. Perina A. S. [“Digital Crimes”: Concept, Typology, Features]. In: *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 106–115. DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-106-115.
 10. Sidorova E. Z., Usov E. G. [Basic measures to prevent digital crime]. In: *Vestnik VIPK MVD Rossii* [Bulletin of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 2, pp. 38–43. DOI: 10.29039/2312-7937-2024-2-38-43.
 11. Falletti E. [Algorithmic discrimination and protection of privacy]. In: *Zhurnal Tsifrovyye tekhnologii i pravo* [Journal of Digital Technologies and Law], 2023, vol. 1, no. 2, pp. 387–420. DOI: 10.21202/jdtl.2023.16
 12. Shishkin R. V. [Crimes committed using digital technologies: problems of counteraction]. In: *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 4, pp. 148–153. DOI: 10.21869/2223-1501-2024-14-2-119-130
 13. Shutova A. A. [The impact of telemedicine on crime: risks and trends, criminal-law response]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2022, no. 4, pp. 133–142. DOI 10.18384/2310-6794-2022-4-133-142.
 14. Oliva F., D'Aversa E., Bellucci G., Carrozzo F. G., Lozano L. R., Altieri F., et al. Martian CO₂ ice observation at high spectral resolution with ExoMars. In: *Journal of Geophysical Research*, 2022, no. 127. DOI: 10.1029/2021JE007083

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шутова Альбина Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института цифровых технологий и права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;
e-mail: shutova1993@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albina A. Shutova – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Research Institute of Digital Technologies and Law, Kazan Innovative University named V. G. Timiryasov;
e-mail: shutova1993@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шутова А. А. Преступления против цифровой безопасности системы здравоохранения: понятие, признаки и система // Московский юридический журнал. 2024. № 3. С. 79–88.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-79-88

FOR CITATION

Shutova A. A. Crimes against Digital Security of the Health System: Concept, Signs and System. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 3, pp. 79–88.
DOI: 10.18384/2949-513X-2024-3-79-88

This image shows a blank sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2024. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 5,75, уч.-изд. л. 7,25.
Подписано в печать: 16.12.2024 г. Дата выхода в свет: 20.12.2024 г. Заказ № 2024/12-15.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А